

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Turkologie

6

БАКУ . 1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1990

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

LA TURCOLOGIE SOVIETIQUE

SOVIET TURKOLOGY

SOWJETISCHE TURKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), Э. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Азизбекова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiyev (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademijskaja nauka
Azerbajdžanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Azizbekova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow, F-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

И. Х. АХМАТОВ

ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Сейчас, когда проблема формально-семантической организации синтаксических структур и вопросы, связанные с нею, все больше занимают внимание лингвистов, установление системы семантических компонентов предложения, в частности семантического субъекта, и средств их выражения приобретает особое значение. Г. А. Золотова справедливо отмечает, что «ходом развития лингвистической теории понятие субъекта поставлено в положение одного из самых дискуссионных» [1. С. 33]. От того, как будет решен вопрос о средствах выражения субъекта, зависит правильность подхода к вопросам о выделении подлежащего, сказуемого и структурных типов простого предложения — в первую очередь безличного.

Как и любой другой смысловой элемент предложения, субъект имеет свои средства выражения — он может быть выражен лексически, морфологически и лексико-морфологически.

В вопросе о лексических средствах выражения субъекта как русисты, так и тюркологи к единому мнению так и не пришли. Указанный семантический компонент в предложении передается с помощью форм некоторых косвенных падежей. Из истории русского языкознания известно, что одни грамматисты еще во второй половине XIX в. пытались доказать, что указанные словоформы являются подлежащими [2. С. 50], другие же, наоборот, считали, что единственным главным членом предложения является сказуемое, которое выражает действие «драмы», а остальные члены предложения следует отнести к дополнениям [3. С. 1—15]. В число последних включалось и подлежащее. Такой точки зрения, в частности, придерживался в 30-х годах XX в. и исследователь татарского языка Г. Алпаров (см.: [4. С. 26]).

Однако подобные противоположные точки зрения, резко раскритикованные, современными тюркологами приняты не были [5. С. 121; 4. С. 26]. В тюркологической литературе утвердилось представление, согласно которому подлежащим может считаться лишь форма основного падежа; формы же остальных падежей выполняют функцию дополнения или обстоятельства, которые рассматриваются как выражители объекта или обстоятельства. Исследователи ошибочно полагают, что подлежащее является единственным членом тюркского предложения, который способен выразить субъект. Объясняется это тем, что, во-первых, в большинстве случаев носителем субъекта выступает основной падеж; во-вторых, эту роль могут выполнять не все косвенные падежи; в-третьих, предложений, в которых субъект передается косвенным па-

дежом, сравнительно немного. Одним из недостатков тюркской традиционной грамматики является то, что она выделяет не все косвенные падежи, служащие для выражения субъекта, а те косвенно-субъектные предложения, которые выделяются и анализируются, ошибочно квалифицирует как безличные конструкции [6. С. 21].

В рассматриваемом вопросе нет единого мнения и среди русистов. Например, В. С. Юрченко, говоря о субъекте, выраженном дательным падежом, пишет, что «это — не настоящий субъект, а нечто среднее между субъектом и объектом», так как «здесь субъект представлен через форму объекта — дополнение». Автор полагает, что субъектность, например, словоформы *градом* в предложении *Градом побило посе́вы* обусловлена и поддерживается грамматической и лексической соотносительностью этого слова с подлежащим соответствующего двусоставного предложения (*Град побил посе́вы*), а субъектность — тем, что она употребляется в форме дополнения [7. С. 122—132].

Совсем иная точка зрения у Г. А. Золотовой, которая, исходя из фактов русского языка, утверждает, что субъект — это синтаксический независимый субстанциональный компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака. По ее мнению, «согласование между субъектным и предикатным компонентом — факультативный вид оформления связи» [1. С. 33]. Противопоставление именительный падеж — косвенные падежи оправдывается лишь условностью и привычностью и «вряд ли может быть основой деления предложений на личные и безличные, потому что именительный падеж — лишь одна из форм в функциональном ряду обозначений лица...» [8. С. 161]. В итоге автор делает вывод, что предложения, в которых носителем субъекта являются слова в косвенных падежах, необходимо отнести к личным конструкциям, с чем невозможно не согласиться.

Такая точка зрения разделяется и другими русистами. Например, у А. М. Мухина читаем: «Нельзя не учитывать того, что подлежащее может быть выражено и неименительным (косвенным) падежом» [9. С. 134; 10. С. 62—63].

В тюркских языках косвенные падежи для выражения субъекта используются сравнительно редко. Наиболее часто эту функцию выполняет форма дательно-направительного падежа. О том, что эта словоформа может быть выразителем субъекта предложения, говорят почти все тюркологи, изучающие синтаксические функции падежей или безличные предложения. Синтаксисты отмечают, что форма дательно-направительного падежа употребляется для выражения субъекта лишь в тех предложениях, которые относятся ими к безличным. Таковыми, по их мнению, являются конструкции типа кирг. *Мага китап окуш керек* 'Мне необходимо читать книгу', карачаев.-балк. *Манга шахаргъа кетерге тюшерикди* 'Мне придется уехать в город' и т. п.

Судя по примерам, в таких предложениях позицию сказуемого занимает сочетание любой неличной формы глагола с ограниченным числом глаголов (*тюшеди* 'приходится', *болады* // *жарайды* 'разрешается'), предикативно-модальных слов (*керекди* // *тийишлиди* 'необходимо, нужно'), прилагательных (*къыйын* 'трудный', *тынч* 'легкий') и наречий (*эртте* 'рано', *кеч* 'поздно') [11. С. 35; 5. С. 209—210; 12. С. 25—35]. Рассмотрим следующие предложения: 1. *Бизге шахаргъа барыргъа керекди* 'Нам необходимо съездить в город'; 2. *Бизге шахаргъа барыргъа тюшгенди* 'Нам пришлось съездить в город'; 3. *Бизге шахаргъа барыргъа жарайды* (или *болады*) 'Нам можно поехать в город' и т. д. В них

сочетание инфинитива со словами *керекди* 'необходимо, нужно', *тюшгенди* 'пришлось', *жарайды* 'можно, разрешается' традиционной грамматикой рассматривается как составное сказуемое. Однако с этим вряд ли можно согласиться. Дело в том, что, во-первых, такой подход ведет к приравнению вторых элементов указанных сочетаний к вспомогательным словам [13. С. 151], для чего нет достаточных оснований; во-вторых, в этом случае не раскрывается причина употребления слова, выражающего субъект, в дательном-направительном падеже; в-третьих, подобная концепция противоречит правилам выделения оборотов, образуемых личными формами глагола.

Вторые элементы сочетаний, которым приписывается синтаксическая функция сказуемого, являются самостоятельными словами, выражающими различные предикативно-модальные значения. Их в тюркских языках немного. Условно назовем их включающими предикатами [14. С. 2—9; 15]. Такие предикаты, в отличие от остальных предикатов, аргументами которых являются непредикативные слова, требуют наличия в аргументных местах синтаксической конструкции других предикатов, которые оказываются включенными в предложение. В анализируемых предложениях личные формы глагола, рассматриваемые тюркологами как часть составного сказуемого, являются включенными предикатами. У включающего и включенного предикатов—свои аргументы. Слово, выражающее субъект в рассматриваемых предложениях, является аргументом включающего предиката. Об этом свидетельствует тот факт, что форма такого слова зависит от включающего предиката. В тех же случаях, когда по требованию предиката слово, являющееся выразителем субъекта, употребляется в дательном-направительном падеже, образуется конструкция, в которую нельзя ввести слово в форме основного падежа, служащее для передачи субъекта. Так образуются предложения с субъектом, передаваемым дательном-направительным падежом.

В отличие от позиции включающего предиката, которая может быть занята ограниченным числом слов, в позиции включенного предиката в указанных предложениях могут быть использованы глагольные лексемы любого лексико-семантического класса; ср.:

Анга	{	ары барыргъа аны кёрюрге аны бла сёлеширге анда жашаргъа юй ишлерге юйде солургъа	}	тюшеди
'Ему приходится	{	ндти туда увидеть его разговаривать с ним жить там строить дом отдохнуть дома'	}	

Здесь слова *ары* 'туда', *аны* 'его', *аны бла* 'с ним', *анда* 'там', *юй* 'дом', *юйде* 'дома' относятся к инфинитивной форме глаголов. Как известно, личные формы глаголов с относящимися к ним словами принято считать оборотами. Однако обороты, имеющиеся в указанных примерах, как таковые синтаксистами не выделяются, в чем нельзя не видеть противоречие. Здесь субъект выражен дательном-направительным

падежом, что объясняется его связью с глаголом *түшөди* 'приходится'. Слово, которым выражен субъект, одновременно вступает в связь и с глаголом — включенным предикатом. Иначе говоря, включающий и включенный предикаты объединяет то, что оба они вступают в связь с субъектом; ср.: *Анга аны кёрюрге түшөди*.

В данном случае включенный предикат в силу своих формально-семантических качеств не отвечает требованиям традиционных членов предложения, и поэтому его невозможно отнести к тем или иным самостоятельным членам предложения. По этой причине, не найдя другого выхода, сочетание включенного предиката с включающим традиционная грамматика рассматривает как составное сказуемое. Этому способствует и то, что включающий и включенный предикаты связаны не только с общим для них субъектом, но и между собой (см. приведенный пример). Однако исследователи не учитывают, что аргументы включенного предиката прямой связи с включающим предикатом не имеют. Их связь с ним опосредована включенным предикатом; ср.:

Манга ары баргъан	{	тынчды
		игиди
		къыйынды
		аманды
		зыйпыды
		ушамайды

'Мне ехать туда	{	легко
		хорошо
		трудно
		глохо
		стыдно
		неприлично'

В отличие от вышерассмотренного случая, здесь включенный предикат выражен не инфинитивом, а причастием. Это причастие с относящимся к нему словами образует оборот, который в таких предложениях традиционно рассматривается как подлежащее. В силу этого приведенные предложения, как правило, относят к двусоставным личным конструкциям. Не только в школьной и вузовской практике, но и в общих грамматиках и специальных исследованиях указанные предложения подвергаются следующему синтаксическому членению: 1. *Манга аны кёрюрге керекди*; 2. *Манга аны кёрген тынчды*.

Это может быть оправдано лишь тем, что в отличие от *аны кёрюрге* 'увидеть его' оборот *аны кёрген* 'увидеть его' может отвечать на вопрос подлежащего. С семантической же точки зрения указанные конструкции друг от друга не отличаются. Между словами устанавливаются такие же взаимоотношения, как и в рассмотренном до этого случае; ср.: *Манга ары баргъан тынчды* 'Мне легко ехать туда'.

Слова *керекди* 'нужно', *тынчды* 'легко' выражают включающие предикаты. Семантика таких предикатов зависит от семантики конкретных слов, используемых в этой роли. В качестве включенных предикатов могут выступать глаголы любого семантического класса. Количество и формально-семантические признаки аргументов включенных предикатов зависят от семантики и валентных свойств этих предикатов. Форма слова, употребленного в дательном-направительном падеже, обуславливается включающим предикатом, хотя субъект, выраженный этим словом, относится к обоим предикатам. В анализируемых случаях аргу-

менты включенного предиката выступают в роли объекта или обстоятельства.

Если же включенный предикат выражается причастием, словами на *-лыкъ/-лик*, образованными от отдельных прилагательных, именем действия, то один из его аргументов может быть выразителем субъекта; ср.: 1. *Мен Хасанны келлигин билеме* 'Я знаю, что Хасан придет сюда'; 2. *Манга Хасанны бери келлиги игиди* 'Для меня хорошо, что Хасан придет сюда'.

В этих предложениях налицо не один субъект, являющийся общим для включенного и включающего предикатов. Здесь как включающий, так и включенный предикат — оба имеют свой собственный субъект. В первом предложении субъект включающего предиката выражен лексико-морфологически, т. е. формой основного падежа местоимения *мен* 'я' и лично-предикативным аффиксом, присоединенным к включающему предикату *билеме* 'знаю'. Во втором же предложении субъект включающего предиката выражен только лексически, т. е. словом в дательном-направительном падеже. Субъект включенного предиката и в первом и во втором предложении представлен словом в форме родительного падежа. Слово, которым выражен включенный предикат, принимает притяжательный аффикс, значение лица и числа которого соответствует лицу и числу слова, которым выражен субъект включенного предиката. Слово, являющееся выразителем включенного предиката, употребляется в оформленном, а иногда и в неформальном родительном падеже. В том и другом случае субъект выражается лексико-морфологически.

В тюркских языках встречаются обороты с самостоятельным субъектом и предикатом, которые не имеют никаких показателей согласования, например: *Мен таныгъанны сен да таныйса* 'Того, кого знаю я, знаешь и ты'. В таких оборотах субъект выражается только лексически.

Интересно отметить, что при распространении оборота, предикат которого выражен переходным глаголом, объектной лексемой, субъектная лексема принимает аффикс родительного падежа, а предикатная лексема — притяжательный аффикс; ср.: 1. *Мен таныгъанны сен да таныйса* 'Того, кого знаю я, знаешь и ты'; 2. *Мени Хасанны таныгъанымы сен билесе* 'Ты знаешь, что я знаю Хасана'.

В тюркских языках встречаются предложения, построенные по схеме «имя в дательном-направительном падеже + имя в местном падеже (или наречие места) + прилагательное в лично-предикативной форме», например:

Анга мында	{ сууукъду	'Ему здесь	{ холодно
	{ жылыды		{ тепло
	{ аманды		{ плохо
	{ игиди		{ хорошо
	{ тарды		{ тесно
	{ кенгиди		{ свободно
{ тынчды	{ легко		
{ кыйынды	{ трудно		

В таких предложениях форма субъектной лексемы (дательном-направительном падеж) также определяется валентными свойствами предиката. В роли предиката используется ограниченное число прилагательных, список которых необходимо уточнить.

В дательном-направительном падеже употребляется субъектная лексема и в фразеологизированных предложениях типа *Анга жетел тийгенди* 'На него напал кашель'. В них форма субъектной лексемы опре-

деляется глагольным элементом фразеологической единицы, формально построенной по схеме «имя в основном падеже + глагол в лично-предикативной форме». Такие предложения, с семантической точки зрения, двухкомпонентны и выражают состояние субъекта.

В тюркских языках встречается также несколько фразеологизированных типов предложения, в которых в выражении субъекта принимает участие форма родительного падежа вместе с притяжательным аффиксом. Например, в карачаево-балкарском языке довольно часты предложения типа: *Мени жырларыгъым келеди* 'Мне хочется петь'; *Бизни окъуругъубуз келеди* 'Нам хочется учиться'; *Аланы ишлериклери келеди* 'Им хочется работать'. Такие конструкции некоторые исследователи формально относят к двусоставным предложениям, что не может не вызывать возражения.

В первом примере предложение не может быть расчленено на подлежащее и сказуемое; здесь причастие *жырларыгъым* и глагол *келеди* всегда употребляются в единственном числе. Сочетание *жырларыгъым келеди* является устойчивым, и потому традиционно оно рассматривается как один член предложения — сказуемое. Другого же главного члена — подлежащего — в этом случае нет и быть не может, потому что его позиция занята именным компонентом «составного сказуемого», т. е. причастием в основном падеже, всегда употребляющимся с притяжательным аффиксом.

Предложение *Жырларыгъым келеди* в плане содержания состоит из двух элементов: субъекта, который выражается притяжательным аффиксом (или одновременно формой родительного падежа и тем же аффиксом), и предиката, выраженного глаголом *жырла-* 'петь', от которого образовано указанное причастие. Глагол *келеди* употребляется здесь в значении «хочется» и выражает модальное значение желания. Общая семантика рассматриваемых предложений: наличие желания у личного субъекта совершить определенное действие, выражаемое причастием.

В форме причастия будущего времени в таких предложениях могут употребляться глаголы различных семантических классов. В зависимости от этого данные конструкции могут включать в свой состав разное количество необходимых актантов и выражать различные семантические структуры. Ср.: 1. *Мени жукъларыгъым келеди* 'Мне хочется спать'; 2. *Мени китап окъуругъум келеди* 'Мне хочется читать книгу'; 3. *Мени космосха учарыгъым келеди* 'Мне хочется совершить полет в космос'; 4. *Мени аны юсюнден сёлеширигим келеди* 'Мне хочется говорить о нем' и т. п. Характерной особенностью данных предложений является то, что в них в форме родительного падежа употребляются только слова, обозначающие лицо—человека.

В тюркских языках для передачи отрицания используются различные средства: 1) аффиксы отрицания (в глагольных предложениях), 2) отрицательная частица *туйюл*, 3) слово *жокъ* 'нет'.

Слово *жокъ* участвует в формировании предложений, которые состоят из имени в родительном падеже, причастия на *-лыкъ* и слова *жокъду*; ср.: *Мени ары барлыгъым жокъду* 'Я туда не пойду'.

В данных конструкциях в форме причастия будущего времени употребляются глаголы любых семантических классов со значением различных предикатов. Формой слова в родительном падеже и аффиксом притяжательности, присоединяемым к указанным причастиям, выражается субъект, семантическое качество которого, как и в структурах с глаголом *келеди* 'хочется', зависит от специфики семантики глагола, от которого образовано причастие. И здесь слово в родительном падеже

может употребляться не только в единственном, но и во множественном числе. Независимо от этого слова *жокъду* и *келеди* всегда стоят в форме ед. числа 3-го лица; ср.: *Мени ары барлыгъым жокъду* 'Я туда не пойду'; *Аланы ары барлыкълары жокъду* 'Они туда не пойдут'; *Мени жаным кетди* 'Я испугался' (букв.: 'Моя душа ушла'); *Мени кълюм бокъланды* 'Меня тошнит' (букв.: 'Мое настроение загрязнилось') и др. Данные фразеологизированные предложения включают в себя слова, стоящие в основном в родительном падеже, и глаголы *кет-* 'уходить', *бокълан-* 'загрязниться, помутнеть' и т. д.

В родительном падеже употребляются только те слова, которые обозначают какое-либо лицо, а в основном — абстрактные имена типа *жан* 'душа', *акъыл* 'ум', *къл* 'настроение' и т. п. Сочетания, состоящие из данных слов и вышеуказанных глаголов, относятся к устойчивым. В словарях тюркских языков они приводятся как фразеологизмы, а в синтаксических исследованиях — как средства выражения сказуемого.

Правы исследователи, когда говорят, что слова из рассматриваемых предложений, употребленные в основном падеже, носителями языка ранее понимались как подлежащее [4. С. 48]. Сейчас же они в сочетании с указанными глаголами обозначают, по их мнению, единое название процесса. Это признают и те, кто занимается фразеологией тюркских языков. Например, З. Г. Ураксин подчеркивает, что такие слова в предложении «выполняют функцию предиката» [17. С. 75].

Предложения, предикативную основу которых составляют подобные фразеологизмы, по своей форме и содержанию бывают самыми различными. Например, конструкции *Мени жаным кетди*, *Мени кълюм бокъланды* передают психофизиологическое состояние личного субъекта, выражаемого словом в родительном падеже и притяжательным аффиксом.

Многие фразеологизированные модели предложений имеют свои синонимичные варианты, представляющие собой двусоставные конструкции; ср.: 1. *Мен ары барлыгъым жокъду* // *Мен ары барлыкъ туюлме* 'Я туда не пойду'; 2. *Мени жырларыгъым келеди* // *Мен жырларгъа сюгме* 'Я хочу петь'; 3. *Манга окъургъа керекди* // *Мен окъургъа керекме* 'Мне необходимо учиться'.

В отличие от этих фразеологизмов, в ряде случаев именной элемент глагольных устойчивых сочетаний выражается формой косвенного падежа, например: *Мени анга китап берирге кълумдан келмеди* 'Я не смог отдать ему книгу'. Здесь глагольный фразеологизм *кълумдан келмеди* '(я) не смог' выступает в роли включающего, а инфинитив *берирге* 'отдать' — включенного предиката. Именной компонент фразеологизма имеет форму исходного падежа и снабжен аффиксом принадлежности, указывающим на субъект. Словоформа *мени* также указывает на субъект.

Семантическое и синтаксическое членения предложения не всегда совпадают. Так, принято считать, что предложение *Аны башы ауруйду* 'У него болит голова' состоит из трех членов предложения: сказуемого *ауруйду*, подлежащего *башы* и определения *аны*. Семантически же здесь могут быть выделены только два компонента: субъект состояния и предикат состояния.

Характерная особенность этих предложений заключается в том, что в них позицию подлежащего занимают слова, обозначающие части тела человека и обычно употребляющиеся только с аффиксами принадлежности. Поэтому в таких конструкциях субъект выражается лексико-морфологически.

Наблюдения показывают, что очень редко значение субъекта может

передаваться и словом в местном падеже; ср.: *Асланда уят жокъду* 'У Аслана нет совести'; *Менде айып жокъду* 'Я не виноват'.

Чтобы убедиться в правильности этих положений, можно сравнить приведенные предложения с их синонимичными вариантами: *Асланда уят жокъду* // *Аслан уятсызды* 'Аслан является бессовестным'; *Менде айып жокъду* // *Мен терс туйюлме* 'Я не виноват'.

Возможности лексического наполнения синтаксических позиций таких предложений ограничены. Их семантическая структура включает два компонента: субъект и предикат. Субъект здесь выражен лексически.

Для передачи субъекта могут быть использованы формы и других падежей. Вспомним концепцию, развиваемую в работах ряда современных лингвистов, согласно которой понудительная форма глагола выражает не только то или иное действие, но и каузацию [18. С. 238], рассматривающуюся как самостоятельный семантический компонент предложения [19. С. 82—83; 20. С. 17]. Исходя из этой концепции, можно сказать, что предложение *Харун Хасанны ачыуландырды* 'Харун обозлил Хасана' состоит из трех компонентов: подлежащего (*Харун*), дополнения (*Хасанны*) и сказуемого (*ачыуландырды*). Подлежащее является выразителем субъекта-каузатора ($C_{\text{кауз}}$), дополнение — носителем двух семантических элементов: объекта каузации ($O_{\text{кауз}}$) и субъекта состояния ($C_{\text{сост}}$). Сказуемое также является носителем двух семантических элементов: предиката состояния ($P_{\text{сост}}$), выраженного на поверхностном уровне глаголом *ачыулан*, и семы каузации (K), показателем которой является аффикс понудительного залога, которым снабжен указанный глагол. Формально-семантическую структуру разбираемого предложения можно изобразить следующим образом:

$$\frac{\text{Подлежащее}}{C_{\text{кауз}}} + \frac{\text{Дополнение}}{O_{\text{кауз}} + C_{\text{сост}}} + \frac{\text{Сказуемое}}{K + P_{\text{сост}}}$$

Как видно, в роли выразителя субъекта может употребляться форма винительного падежа.

В данной функции при определенных условиях встречается и сочетание имени с послелогом *бла* 'с'. Например, в предложении *Азиз Аслан бла жыгъышады* 'Азиз борется с Асланом' нашли формальное выражение два участника действия. Один из них — субъект — выражен подлежащим, а косубъект (см.: [21. С. 7]) — дополнением. Второй субъект (т. е. косубъект) делает то же, что и субъект. Схематически это передается так:

$$\frac{\text{Подлежащее}}{\text{Субъект}} + \frac{\text{Дополнение}}{\text{Косубъект}} + \frac{\text{Сказуемое}}{\text{Предикат}}$$

Чаще всего встречаются предложения, состоящие из подлежащего, выраженного основным падежом, и сказуемого. В тех случаях, когда в роли подлежащего употребляются слова в 1-м и 2-м лице, сказуемое простого предложения принимает лично-предикативные аффиксы, указывающие на те же лица: *Мен школгъа барам* 'Я иду в школу'; *Сен школдан келесе* 'Ты идешь из школы'.

В таких двусоставных предложениях субъект, за редким исключением, выражается лексико-морфологически; ср.: *Сен школдан келе кёреме* 'Оказывается, ты идешь из школы'. Здесь подлежащее — местоимение 2-го лица — является выразителем субъекта. Несмотря на это, сказуемое снабжено лично-предикативным аффиксом 1-го лица, т. е.

не согласуется с подлежащим. Такое явление в карачаево-балкарском языке отмечается в тех случаях, когда сказуемое предложения включает в себя модально-вспомогательный глагол *кёрме* 'оказывается'.

Если же подлежащее двусоставного предложения состоит из слов, стоящих в 3-м лице, показатель лица сказуемого является нулевым. Здесь субъект выражается лексически, т. е. подлежащим, поэтому опущение подлежащего может привести к образованию: 1) неполного предложения, 2) неопределенно-личного предложения и 3) безличного предложения. Если в двусоставных предложениях, сказуемые которых снабжены лично-предикативными аффиксами 1-го и 2-го лица, всегда выражается личный субъект, то в предложениях, сказуемое которых имеет нулевой показатель лица, — личный или предметный субъект. В тюркских языках предложения, в которых отсутствует субъект, образуются по двум основным причинам: 1) невозможность сочетания предикативной лексемы предложения с грамматическим подлежащим (например, некоторые семантические типы глаголов в форме страдательного залога, занимая в предложении позицию предиката и употребляясь в нулевой форме лица, не способны сочетаться с грамматическим подлежащим и сами не имеют значения лица. Поэтому в таких предложениях действие мыслится безотносительно к какому-либо лицу; ср.: *Бусагъатда шахаргъа тынч барылады* 'Сейчас в городе ехать легко'); 2) опущение субъекта (причины его редуцирования известны из традиционной грамматики. Опускается обычно предметный субъект; ср.: *Мында хауа суукъду* 'Здесь воздух холодный' — *Мында суукъду* 'Здесь холодно'. Редуцированию подвергается и личный субъект; ср.: *Манга школгъа барыргъа алыкъа эрттеди* 'Мне пока рано идти в школу' — *Школгъа барыргъа алыкъа эрттеди* 'Пока рано идти в школу'). В этих предложениях связь между субъектной лексемой и предикатом слабая. Наличие или отсутствие лексемы зависит от смысловой нагрузки предложения.

В отличие от предложений, которые противопоставляются друг другу по признаку наличия—отсутствия в них субъекта, в отдельных предложениях, относимых традиционной грамматикой к безличным конструкциям, опущение субъекта невозможно; ср.: *Мени жырларыгъым келеди* 'Мне хочется петь'; *Сагитгъ безгек тийди* 'Сагит заболел малярией'; *Азизге бюгюн жырларгъа тюшгенди* 'Азизу сегодня пришлось спеть' и др. При опущении средств выражения субъекта эти предложения разрушаются. Заметим для сравнения, что опущение же подлежащих, выраженных словами в 1-м и 2-м лице, приводит к образованию формально односоставной конструкции, в которой субъект передается морфологически.

Подлежащее не всегда служит выразителем субъекта. Например, в подлежащих предложениях, в которых позицию сказуемого занимают переходные глаголы в форме страдательного залога, субъекта нет; ср.: *Тюкенде китапла сатыладыла* 'В магазине продаются книги'.

Судя по изложенному, предложения в тюркских языках по наличию субъекта можно разбить на два типа: 1) субъектные и 2) бессубъектные. Для выражения субъекта используются следующие средства: 1) только лексические, 2) только морфологические, 3) как лексические, так и морфологические. В роли лексических средств выражения субъекта выступает слово в основном падеже, которое употребляется в глагольно-именных оборотах и простых предложениях со сказуемым, не имеющим показателя лица; слова в дательном-направительном и очень редко в винительном и местном падежах, а также сочетание имени с некоторыми послелогом. Лексические средства выражения субъекта мо-

гут употребляться одновременно с морфологическими. В таком комплексе функционируют слово в основном падеже с лично-предикативными аффиксами и слово в родительном падеже вместе с притяжательными аффиксами. Морфологическими средствами выражения субъекта являются лично-предикативные аффиксы, которыми снабжен главный член традиционных односоставных личных предложений. Во всех предложениях, в которых субъект выражается с помощью косвенных падежей и послеложных сочетаний, этот субъект бывает личным.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Золотова Г. А. О субъекте предложения в современном русском языке // Филол. науки. 1981. № 1.

² Костинский Ю. М. Подлежащее — в родительном падеже // Рус. речь. 1969. № 6.

³ Практические заметки о русском синтаксисе // Филологические записки. 1977. Вып. 3.

⁴ Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.

⁵ Балакаев М. Б. Современный казахский язык. Алма-Ата, 1959.

⁶ Неустров Н. Н. Безличные предложения в якутском языке. Якутск, 1972.

⁷ Юрченко В. С. Простое предложение в современном русском языке. Саратов, 1972.

⁸ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.

⁹ Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968.

¹⁰ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

¹¹ Джакубов И. Д. Основы синтаксиса простого предложения в современном киргизском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Фрунзе, 1966.

¹² Ахматов И. Х. Образование структурно-семантических типов безличных предложений в карачаево-балкарском языке: Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1979. Вып. 1.

¹³ Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.

¹⁴ Ахматов И. Х. Включающий предикат и его роль в тюркских языках // Структура и функционирование языка. М., 1981.

¹⁵ Вопрос о возможности отнесения этих слов к предикатным является спорным и ждет своего решения. Об этом см.: [16. С. 4].

¹⁶ Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.

¹⁷ Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка. М.: Наука, 1975.

¹⁸ Корнилов Г. Е., Холодович А. А., Храковский В. С. Каузативы и антикаузативы в чувашском языке // Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969.

¹⁹ Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.

²⁰ Храковский В. С. Очерки по общему и арабскому синтаксису. М., 1973.

²¹ Холодович А. А. Теоретические проблемы реципрока в современном японском языке // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.

А. НУРМАНОВ

**ПРЕСУППОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОСТОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА**

Семантическая структура предложения, как утверждают многие исследователи, довольно сложна. По мнению В. В. Богданова, пресуппозиция, поскольку она представляет собой один из аспектов значения предикативных выражений, также должна найти отражение в семантической структуре [1. С. 139].

В исследованиях, посвященных изучению пресуппозиционального аспекта предложения [2; 3], статус пресуппозиции характеризуется далеко не одинаково. Как считает немецкий логик Г. Фреге, пресуппозиция является естественной предпосылкой суждения. Э. Кинен предложил разграничить прагматическую и логическую пресуппозицию. Первая определяется как структура индивидуального тезауруса говорящего, а вторая — как семантическое отношение между предложениями [4. С. 45—52].

В современном языкознании под пресуппозицией понимается либо имплицитное суждение, представленное в форме предложения, которое является смысловым компонентом какого-то эксплицитного выражения, либо совокупность предварительных (фоновых) знаний («общий фонд знаний собеседников»), делающих возможными данное высказывание и его понимание [5. С. 14; 6. С. 85].

Мы поддерживаем тех исследователей, которые рассматривают пресуппозицию исходя из формальной структуры предложения. В частности, Д. Лейтфут отмечает, что пресуппозиции создаются «предложениями, а не людьми», они определяются «формой предложения, а не убеждениями того или иного говорящего» [7. С. 184, 191].

Понятие пресуппозиции охватывает понятие контекста (лингвистическое окружение данной языковой единицы) и ситуации (внелингвистический субстрат данного высказывания, условия, в которых осуществляется данное высказывание) [5. С. 14]. Так, предложение *Бугун инструкторимизни қолдирдим, дада* (Абдулла Қаҳҳор. Ужар) 'Сегодня обыграл инструктора, папа' дает желаемую информацию только в контексте. В контексте же речь идет о шахматах. Поэтому приведенное предложение имеет пресуппозицию *инструкторимиз билан шахмат ўйнадим* 'я играл в шахматы с инструктором'. Вне контекста пресуппозиция оказывается заблокированной.

Пресуппозиция как результат универсального знания людей об окружающем мире и о языке может проявляться и в лексическом значении тех или иных слов. Например, предложение *Мең Тошкентдан Москвага учдим* 'Я летел из Ташкента в Москву' имеет пресуппозицию *само-*

лётда келдим 'прилетел самолетом'. Лексическое значение слова *учмоқ* 'летать' и общий фонд знаний о языке делают понятной эту пресуппозицию для собеседников. В другом предложении — *Бир қиз келди* 'Пришла какая-то девочка' — пресуппозиция 'не замужем' заключена в слове *қиз* 'девочка'.

Кроме того, в каждом языке существуют специальные лингвистические средства, с помощью которых определяется наличие пресуппозиции. Поэтому их можно назвать «сигналами» пресуппозиций. Такими «сигналами» в современном узбекском языке являются частицы: *фақат* 'только', *хатто* 'даже', *ҳам* 'и', *-гина* 'только', *эмас* 'не', *нафақат* 'не только' и т. д.; послелогои: *ташқари* 'кроме', *билан бирга* 'вместе с тем', *ўрнига* 'вместо того' и т. д.; наречия: *яна* 'еще', *тағин* 'еще' и т. д. Если спустить эти сигналы, пресуппозиция будет заблокирована.

Пресуппозиция определенным образом связана с актуальным членением речи. Связь эта выявляется через фокус, который представляет собой выделение логическим ударением того или иного слова в составе предложения. Так, в предложении *Мен қизиқ китобларни ўқийман* 'Я читаю интересные книги' фокусом служит слово *қизиқ* 'интересные', которое является ремой, все остальные члены — это тема. Фокус всегда находится в зоне действия пресуппозиции, так как предложение с интонационным центром на слове *қизиқ* имеет пресуппозицию *бошқа китобларни ўқимайман* 'не читаю других книг'. Остальные приемы актуализации (путем изменения порядка слов и использования грамматических средств) также связаны непосредственно с пресуппозицией.

Рема высказывания, независимо от того, с помощью каких средств она выделяется, предполагает наличие противочленов, которые и составляют ее основную пресуппозицию. Например, в предложении *У кўйлак ҳам олди* 'Он(а) купил(а) и сорочку (платье)' частица *ҳам* 'и' является одновременно и средством актуализации и средством пресуппозиции. Выделяя слово *кўйлак*, оно реализует в то же время и пресуппозицию *бошқа нарса ҳам олди* 'купил(а) и другие вещи', так как выражает включение понятия, выраженного в дополнении *кўйлак* 'сорочка', в число других семантически близких ему понятий (*майка* 'майка', *шим* 'брюки' и т. д.). В предложении *У фақат кўйлак олди* 'Он(а) купил(а) только сорочку (платье)' частица *фақат* 'только', отграничивая дополнение *кўйлак* 'сорочку (платье)' от семантически близких к нему понятий, вместе с тем реализует пресуппозицию *бошқа нарса олмади* 'других вещей не купил(а)'. Как видно из примеров, пресуппозиция определяется относительно близкими и ассоциативно связанными между собой понятиями, называемыми обычно противочленами.

Противочлены имеют различное материальное выражение.

I. Материально выражается только один противочлен, а он ассоциативно предполагает другой. Противочлены между собой находятся в самых различных отношениях: копулятивном, противительном, компаративном, градуальном и т. д. Например:

1. Кўприкни биз қурдик	}	'Мы строили мост'
2. Биз фақат кўприк қурдик		'Мы строили только мост'
3. Биз кўприк кина қурдик		
4. Биз кўприк ҳам қурдик		'Мы и мост строили'
5. Биз яна кўприк қурдик		'Мы еще мост строили'
6. Биз хатто кўприк қурдик		'Мы даже мост строили'

Указанные предложения допускают следующие пресуппозиции:

1. <i>Бошқалар</i> қурмади	'Другие не строили'
(3) 2. <i>Бошқа нарса</i> қурмадик	'Больше ничего не строили'
4. <i>Бошқа нарса</i> ҳам қурдик	'И другие кое-что строили'
5. <i>Илгари</i> ҳам кўприк қурган- миз	'И раньше строили мост'
6. <i>Бошқа нарса</i> ҳам қурдик	'Строили и другое'

Выделенные члены предполагают противочлены *бошқалар*, *бошқа нарса*, *илгари* ҳам, *бошқа нарса* и т. д. Между противочленами существуют следующие отношения: в первом, втором и третьем предложениях — выделительное; в четвертом и пятом — копулятивное, в шестом — градуальное и т. д.

II. Оба противочлена имеют материальное воплощение, но один из них является номинализованной трансформой предикативного выражения и употребляется с послелогами *ташқари*, *бошқа* 'кроме', *билан бирга* 'вместе с тем', *ўрнига* 'вместо того' или с отрицательными частицами *эмас* 'не', *тугул* и т. д. Послелоги и частицы служат сигналами пресуппозиции, и отсутствие их блокирует пресуппозицию. Например:

1. <i>Сендан</i> <i>ташқари</i> ҳамма келди	'Кроме тебя, все пришли'
2. <i>Ўқиш</i> <i>ўрнига</i> <i>ишлади</i>	Вместо того, чтобы учиться, работал'
3. <i>Ўқиш</i> <i>билан</i> <i>бирга</i> <i>ишлади</i>	'Совмещал учебу с работой'
4. <i>Карим эмас</i> <i>Ҳалим</i> келди	'Не Карим, а Халим пришел'
5. <i>Карим</i> <i>тугул</i> , <i>ҳатто</i> <i>Ҳалим</i> келди	'Не только Карим, даже Халим пришел!'
6. Нафақат <i>Карим</i> , ҳатто <i>Ҳалим</i> келди!	
7. Бу <i>қовун эмас</i> , <i>асал</i>	'Это не дыня, а мед'

Противочленами в первом предложении являются *сен* 'ты' — *ҳамма* 'все', во втором и третьем — *ўқиш* 'учеба' — *ишлади* 'работал', в четвертом, пятом и шестом — *Карим* — *Ҳалим*, в седьмом — *қовун* 'дыня' — *асал* 'мед'. Предложения допускают следующие пресуппозиции:

1. Сен келмадинг	}	'Ты не пришел'
2. Ўқимади		'Не учился (лась)'
3. Ўқиди		'Учился (лась)'
4. Карим келмади		'Карим не пришел'
5—6. Карим келди		'Карим пришел'
7. Қовун ширинлиги асалга ўхшайди		'Дыня подобна меду.'

Противочлены в них между собой находятся в следующих отношениях: в первом содержание первого противочлена вычленяется из содержания второго; во втором противочлены противопоставляются друг другу: первый выражает ожидаемое, должное, второй — действительный факт; в третьем предложении содержание первого противочлена объединяется с содержанием второго; в четвертом содержание первого противочлена отрицается, второго — утверждается; в пятом и шестом между противочленами существует копулятивное отношение и содержание противочленов градуируется по значимости, качеству или количеству; в седьмом

предложении значение первого противочлена уподобляется значению второго противочлена.

Из примеров видно, что пресуппозиция по характеру выявления и по отношению между ее противочленами неодинакова и потому исследователями классифицируется по-разному. По характеру выявления она делится на широкую, узкую и лингвистическую (Г. В. Гак); на семантическую и прагматическую (Е. В. Падучева); на пресуппозицию относительно противочленов и пресуппозицию ожидания (Н. А. Торопова) и др.

Мы, исходя из особенностей выявления пресуппозиции, классифицируем ее как прагматическую пресуппозицию и пресуппозицию относительно противочленов. Пресуппозицию второго вида, в свою очередь, на основе отношений между противочленами можно разбить на следующие группы: пресуппозиция включения; вычитания; ожидания, экзистенции; противопоставления; уподобления и сравнения.

Итак, в узбекском языке пресуппозиция либо проявляется в лексическом значении определенной синтаксемы (прагматическая пресуппозиция), либо реализуется с помощью определенных материально выраженных сигнализаторов (пресуппозиция относительно противочленов). В последнем проявлении пресуппозиции обязательно принимают участие противочлены. Естественно, пресуппозиция входит в семантическую структуру предложения и составляет один из ее аспектов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
2. Нурманов А. Кумакчили конструкциялар пресуппозицияси // Ўзбек тили ва адабиёти. 1986. № 6.
3. Махмудов Н. Пресуппозиция ва гап. // Там же.
4. Keenan E. Two kinds of presupposition in natural language // Studies in Linguistics semantics. N. Y., 1971.
5. Гак Г. В. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. М., 1981.
6. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т. 32, вып. 1.
7. Leightfoot D. Les presuppositions dans la grammaire transformationelle // Problemes de semantique. Montreal, 1973. № 2.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

К. Н. ВЕЛИЕВ

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ И ЕГО ПОЭТИЧЕСКИЕ
КОНСТИТУЭНТЫ В ЭПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Единицы синтаксического уровня усложняются в следующей последовательности: словосочетание — простое нераспространенное предложение — простое распространенное предложение — сложное предложение — сложное предложение смешанного типа — сложное синтаксическое целое (ССЦ).

Каждая из единиц, отражая разные по количеству и качеству уровни усложнения, отличается только ей присущими особенностями.

Основное противоречие классического определения предложения заключается в том, что оно представляется выражением законченной мысли. Со временем был сделан вывод, что завершенность мысли имеет относительный характер. Так, в предложении, являющемся по отношению к слову и словосочетанию предикативной единицей, не может быть завершенной мысли; она может наблюдаться лишь в исключительных случаях (в условиях «предложение — текст»). Завершенность мысли и интонации с точки зрения формы и содержания возможна только в пределах единицы, которая больше предложения. Структурное и семантическое своеобразие текста, в который предложение входит как организующая единица, изучает лингвистика текста.

Тесная взаимосвязь лингвистики текста с поэтикой и синтаксической стилистикой не случайна. Выбор текстового уровня в качестве основы для определения цельности сообщения, а также сферы функционирования формальных признаков является традицией, идущей от античного языкознания. Но в то же время ограничивать лингвистику текста только стилистикой и поэтикой неправомерно. Предложение (высказывание), как и другие единицы языка (речи), является предметом языкознания, в том числе и стилистики. В зависимости от точки зрения, задачи науки оно может изучаться и как в чисто грамматическом, так и в стилистико-поэтическом аспектах, не говоря уже о психологическом и логическом. Без опоры на общелингвистические основы лингвистики текста невозможно раскрыть его экспрессивные, эмоциональные особенности.

Известно, что переход от предложения к предложению есть переход от существования одного предмета к существованию другого. Однако интеграция преходящих впечатлений, случайных понятий осознается при анализе не одного, а множества предложений, объединенных единой семантикой и структурой, т. е. при учете контекста.

Чтобы проследить развитие художественной мысли и определить закономерности распространения эстетической мысли, структурные и

ссемантические особенности анализируемого художественного текста, взятые в совокупности единицы языка (речи), составляющие этот текст — фонемы, лексемы, сегменты, предложения, — исследуются последовательно с точки зрения контекстуальности. В процессе анализа устанавливается следующая довольно интересная истина: «основу текста составляет не его внутренняя закрытая структура, поддающаяся объективному изучению, а его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки, иначе говоря, существо текста не в тексте как таковом, а в его межтекстовом характере» [1. С. 12—312].

Тексты, как известно, делятся на две группы: микротексты и макротексты. Микротексты первой степени охватывают ССЦ, второй — корпус, объединяющий несколько (два и более) ССЦ, а микротексты третьей степени — отдельные сказания или главы. Макротекст же — это целиком произведение.

Хотя микротекст приобретает значение более со стилистико-поэтической и литературоведческой точек зрения, он интересен и для чисто лингвистического анализа. Лингвистическое исследование концентрируется в основном на синтаксических проблемах, и термин «текст» употребляется порой как их синоним.

Рассмотрим ССЦ на основе примеров из эпических текстов:

Оғуз бәјләри кәлиб, оғланын үстүнә йығнаг олдулар, тәһсин дедиләр. Дәдәм Горғуд кәлсин, бу оғланы ад гојсун, билләһсинә алыб бабасына варсын. Бабасындан оғлана бәјлик истәсин, тахт алыб версин, — дедиләр. Чағырдылар, Дәдәм Горғуд кәлир олду. Оғланы алыб бабасына варды 'Огузские беки собрались вокруг юноши, восхваляя его. Пусть дед Коркуд придет, даст имя этому юноше, возьмет его и отправится к отцу. У отца пусть попросит для юноши бекство и престол, — сказали. Позвали — пришел дед Коркуд. Взял юношу, отправился к его отцу' [2. С. 19].

Здесь целое, органично объединяя предложения и создавая единую интонацию, смысл и структуру, служит выражению некой цельности. Ключевым во внутренней связи предложений, составляющих это целое, является слово *оғлан*. Выступая в различных грамматических позициях и функциях, оно в различных формах соединило эти предложения. Различные формы — это такие возможные формы, куда входят различные парадигмы, в которых употребляемо само слово, и слова, выступающие в заменяющей функции.

Параллельность компонентов в приведенных ССЦ выступает в качестве основного структурного фактора, организующего текст. В текстах подобного типа зачастую план содержания сопровождается психологическим параллелизмом.

Семантические, функциональные и структурные особенности целых подобного типа, имеющих начало, развитие и конец, изучаются именно в синтаксисе текста.

Одна часть исследователей, занимающихся ССЦ, распространяет организационные и функциональные качества предложения и на текст, другая — отчетливо выделяет смысловые связи (временную, причинно-следственную), однородность, союзы, общие средства в качестве основы классификации. Известно, что классификация является не конечной целью исследования, а средством изучения, и потому нет нужды выводить своеобразие текста полностью из ССЦ. Правда, изоморфность текста и предложения (высказывания), семантическая и структурная типология и без того открывают путь к сравнению, однако во всяком случае важно обращаться к следующим признакам, присущим самим ССЦ: 1) единство содержания, смысла, цельность (конкретность);

2) способы связи, проявляющиеся во взаимоотношениях компонентов; 3) структурная замкнутость; 4) глубина, многосторонность способов связи по сравнению со сложными предложениями; 5) относительная самостоятельность внутритекстовых грамматических и лексических единиц; 6) существование ключевых слов, предложений, возможность замены их местоимениями и местоименными словами, а также синонимами.

Среди этих особенностей ССЦ следует особо выделить когерентность и способы связи, ибо все их семантико-структурное богатство порождено именно этими двумя основными элементами. Текст — не механическое собрание отдельных предложений, а их закономерная целостность, проявляющаяся в русле новых качеств и количеств. Семантика текста шире семантики предложений (высказываний), т. к. текст — это одна картина, событие, цель, и предложения как отдельные части создают определенную цельность. Предложение, как и слово, имеет свои парадигмы, и в тексте выступает одна из этих парадигм — реальность, создающая единый смысл текста. Это проявляется и в качестве принципа, порожденного внутренней структурой языка (речи). Если в предложении интересен факт равенства самому себе, то в высказывании — смысл и функция. Языковая картина текста связана с семантическим (план содержания), структурным (план выражения) и коммуникативным (функциональность) аспектами, которые интересны не только с лингвистической точки зрения, но и с семантической и философско-онтологической.

Когерентность текста охватывает логико-семантическую, синтаксическую и стилистико-поэтические связи, что соответствует семантическим отношениям единиц в тексте: а) отношение знака к знаку — синтаксический уровень; б) отношение знака к говорящему (интерпретатор — адресант) — прагматический уровень; в) отношение знака к объекту — семантический уровень.

Неслучайно в синтаксисе текста ведущими являются четыре плана: 1 — семантический; 2 — синтаксический; 3 — прагматический; 4 — функциональный.

Хотя связанность и является основным условием цельности, тем не менее цельность не определяется лишь связанностью. Именно поэтому связанный текст не всегда бывает цельным. Исследователи различают и такие особенности текста, как законченность и завершенность, первую — как относительность, вторую — как абсолютность. Для текста эти особенности приобретают принципиальное значение [3. С. 21].

Градуирование в синтаксисе текста ведется на основе принципа ослабления цельности. При этом немалую роль играют внутри- и внеязыковые факторы, их соотношение.

Среди типичных для азербайджанского языка формальных и содержательных средств текста можно выделить следующие:

Формальные средства: 1) повтор; 2) порядок слов; 3) включение или подчеркивание того или иного элемента; 4) связки; 5) модальные слова; 6) местоимения или другие прономинализованные части речи; 7) синонимичные единицы.

Содержательные средства: 1) напоминание; 2) связанность; 3) неповторимость (уникальность); 4) отбор—выделение; 5) определенность и неопределенность.

Несомненно, роль этих средств в организации конкретного текста неодинакова, и необязательно, чтобы они были представлены во всех случаях.

Три случая каждого текста: начало (тема) — середина (развитие) — конец (результат) — со структурной и семантической точек зрения дополняют друг друга. Это деление, связанное с содержанием, передает логико-семантическую структуру текста.

Иногда начало, выражаемое восклицательным или вопросительным предложением, развиваясь, подытоживает его, а иногда части текста последовательно выстраиваются согласно различной интонационной напряженности одних лишь повествовательных предложений. Описательные и повествовательные предложения, будучи типами функционального смысла речи, приобретают в тексте дополнительную функцию. В этих случаях особый интерес вызывает актуальное членение. Обращает на себя внимание постепенное ослабление информативной насыщенности первого предложения с последующим привязыванием к нему целого, словом, механизм организации текста.

Структура текста порождается единством формы и содержания. Параллельное и цепное соединения наблюдаются между предложениями, составляющими микротекст, а также между микротекстами макротекста [4. С. 49—93, 132—170].

Важную роль в структурно-семантической организации текста играют повторы — лексические, морфологические, морфонологические, синтаксические, общесимметричные и асимметричные.

В тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, система повторов считается одним из главных признаков поэтического языка. Невозможно представить без повторов и эпический текст. Контактный и дистантный повторы играют важную роль в организации эпических текстов, в различной степени опирающихся на формулы, стих, прозу, ритмику, параллелизм.

Особую роль в организации эпического текста и реализации конкретности и интеграции играют способы связи компонентов.

Г. Я. Солганик отмечает два типа структур среди завершенных предложений и особенно ССЦ — «цепные и параллельные» [4. С. 49—170]. На наш взгляд, к этим типам связи можно добавить и третий — цеповидно-параллельный (смешанный).

Общая основа, объединяющая указанные типы связи,—это система повторов.

Повторы слова, синтаксической структуры, выступая в тексте формальным признаком типовой связанности, служат созданию его монолитности.

Повтор синтаксической структуры как форма самовыражения непосредственно поэтического языка — древняя и довольно известная фигура. Сущность всей его системы демонстрирует органическую связь грамматических и стилистико-поэтических функций текста.

Рассмотрим типы связи на примерах из эпических текстов.

Параллельная связь. Параллельные предложения, сопровождаемые элементами, присущими другим уровням системы повтора (повторам звуков, слов, морфем), служат созданию и формированию единого текста. В подобных текстах сильна ритмичность, признаки стиха.

Сколько бы не видоизменялись и не обогащались образцы словесного искусства, тексты с параллельными компонентами, эта главная линия, связанная с их структурно-генетическими особенностями, сохранилась. Примеры внутритекстового параллелизма в тюркских эпических текстах, связанных со своеобразным синкретизмом стиха и прозы, часты и разнообразны. Можно выделить два вида такого параллелизма: параллелизм, находящийся за пределами предложения; параллелизм, рассматривающийся в качестве структурной основы целого текста,

В первом критерии определяются на уровне предложения, во втором — на уровне текста. Хотя случаи пресечения, тождества и соответствия часты, однако в каждом отдельном случае способы их реализации весьма разнообразны. Нами основное внимание уделяется языковым фактам, оставшимся вне предложения.

Что же представляет собой параллельное соединение?

Возьмем для примера диалог Газан-хана и его сына Уруза из «Книги Коркуда»:

- I. 1 — Бэри кэлжил, ағам Газан,
 2 — Тәпә кими гаралыб кәлән нәдир?
 3 — Од кими шылајыб, улдуз кими парлајыб кәлән нәдир?
 4 — Ағыз дилдән беш кәлмә хәбәр мана,
 5 — Гара башым гурбан олсун, бабам, сана,—деди.
 Газан ајдыр:
- II. 1 — Бэри кэлжил, асланым оғул,
 2 — Дәниз кими јәјханыб кәлән кафирин ләшкәридир,
 3 — Күн кими шылајыб кәлән кафирин башында ишығыдыр.
 4 — Улдуз кими парлајыб кәлән кафирин чидасыдыр,
 5 — Азғын динли јағы кафирдир, оғул, — деди.

Послушай, отец мой Газан,
 Что это движется темнеющее, как холм?
 Что это движется пламенеющее, как огонь,
 сверкающее как звезда?

Пять слов скажи мне, объясни,
 Да будет твоей жертвой моя бедная
 голова, отец, — сказал.

Газан сказал:
 Послушай, лев мой сын.
 Это движется войско неверных,
 колыхаясь словно море.
 Это шлемы на головах неверных
 пламенеют словно солнце.
 Это копья неверных сверкают
 словно звезды.
 Это неверные — враги,
 исповедующие заблудшую религию, сын, —
 сказал [2. С. 71].

Здесь привлекает внимание двойной параллелизм: внутренний параллелизм ССЦ (с. I — 2 — 3 и II — 2 — 3 — 4) и параллелизм межтекстовой композиции (I — 2 — 3 — 4 и II — 2 — 3 — 4). Определяемые различия (общее слово в компоненте 1—3 объединило в одном предложении два параллельных отрывка) дополняют (с точки зрения структуры) семантический параллелизм; симметрия вопросов — ответов этих целых, система связей приобретают завершенность.

Многие эпические тексты построены на параллелизме именно этого типа.

В соединении различных частей текста активную роль играют и анафорические повторы, встречающиеся в тексте в самых разных позициях (в основном в начале). Например: *Ана, ағзын гурусун, ана, дилин чурусун* 'Мать, да высохнет твой рот. Мать, пусть сгниет твой язык' [2. С. 133].

Различные виды параллелизма, участвующие в организации текста, тем самым выполняют соответствующую синтактико-поэтическую функцию. Например:

Алтындағы ал аҗғыры билириз,
 Бәкилиндир, Бәкил ганы?
 Гара полад үз гылычын
 Бәкилиндир, Бәкил ганы?
 Әҗиндәғи дәмир донун
 Бәкилиндир, Бәкил ганы?
 Јанындағы јикитләрин
 Бәкилиндир, Бәкил ганы?

Красного жеребца под тобой мы знаем.
 Он — Бекиля, где Бекиль?
 Твой черный булатный меч мы знаем.
 Он — Бекиля, где Бекиль?
 Железная броня, что на твоих плечах, —
 Бекиля, где Бекиль?
 Джигиты, что сколо тебя, —
 Бекиля, где Бекиль? [2. С. 120].

Будучи типичной формой поэтической техники, параллелизм приносит в текст особую гармонию и ритмику сказа и предстает одним из основных синтаксических средств, организующих эпический текст.

Цепная связь в тексте — это один из видов повтора. Хотя некоторые исследователи и объясняют ее с акцентом на члены предложения, все же здесь на первый план выступают грамматические и стилистико-грамматические особенности.

Слово, употребляющееся в различных формах и функциях (порой его называют ключевым), в силу своей внешней лексической и внутренней синтаксической сущности объединяет развивающуюся в тексте мысль. Повторение этого слова, перестановка темы и ремы являются важными для конкретных параметров текста условиями. Замена слов синонимами, местоимениями, словами, выступающими в роли местоимения, чередование темы и ремы не меняют сути дела, а, напротив, подтверждают разнообразие форм связи.

Однако и здесь стилистико-поэтический аспект проявляется со своеобразными оттенками, с богатыми экспрессивными и эмоциональными особенностями, и этот аспект весьма интересен для анализа эпического текста.

В эпическом тексте более активными являются цепные соединения, что обуславливается спецификой эпоса — этого сложнейшего жанра устного народного поэтического творчества. Особенно интересно внутреннее соединение предложений в синтаксических целых: *Оғлан бабисынын ордусуна кирди. Мәкәр евләри өнүндә бир бәјүк ағач варды. Ол ағачын дибиндә бир јахшы бинар варды. Бејрәк бахды, көрдү ким, кичик гарындашы бинардан сы алмаға кәлир* 'Юноша вошел в ставку отца. Перед их домом росло большое дерево. Под этим деревом был хороший родник. Бейрек посмотрел — увидел, что младшая его сестра идет по воду к роднику' [2. С. 58].

В этом примере соотношение темы и ремы является отражением целого, проявляющегося в особом порядке слов (*ордусуна — евләри — ағач — бинар — бинардан*), причем таким отражением, когда передава-

емая информация обростает сложными смысловыми оттенками, богатой гаммой звуков.

Употребление компонентов в виде цепных и параллельных соединений может рассматриваться в двух аспектах: а) противопоставления; б) взаимодействия в организации единого текста.

Непрерывность времени и пространства (континуум) выражается посредством параллельных конструкций и повторов, которые связывают друг с другом отдельные компоненты текстов подобного типа, формируют их. Например:

Мэрэ, Эзрајыл, аман,
 Тапрынын бирлијинэ јохдур күман,
 Мэн сәни бөјлә билмәз идим.
 Оғурлајын чан алдыгын билмәз идим,
 Дөнмәси бөјүк бизим дағларымыз олур,
 Ол дағларда бағларымыз олур,
 Ол бағларын гара салхымлары, үзүмү олур,
 Ол үзүмү сыхарлар, ал шәрабы олур,
 Ол шәрабдан ичәи әсрук олур,
 Шәраблыјдым, дујмадым,
 Нә сөјләдим, билмәдим,
 Бөјлијә усанмадым,
 Јикитлијә дојмадым,
 Чаным алма, Эзрајыл, мэдәд, — деди.

Азраил, пощади.
 Нет сомнения в единстве Танры.
 Я не знал тебя таким.
 Не думал, что ты по-воровски забираешь жизнь.
 У нас есть горы с большими склонами,
 На тех горах у нас есть сады.
 В тех садах есть черные гроздья винограда.
 Этот виноград давят, получают красное вино.
 Выпивший это вино теряет разум.
 Опьянен был я, не подумал,
 Что говорил, не знал,
 Бекством я не пресытился,
 Молодечеством не насытился,
 Не забирай мою жизнь, Азраил, пощади, — сказал
 [2. С. 86].

При ослабевании семантических и синтаксических связей компоненты текста трансформируются в носителей смысла уже в качестве элементов системы языка. Необходимая увязка с глубинными структурами реализуется компонентами, несущими грамматическую нагрузку. Трансформация некоторых из них влияет на структуру текста: те, что несут в тексте семантическую нагрузку, воспринимаются автономно.

Вообще, роль союзов, связок, местоимений, вспомогательных слов, грамматических и грамматико-лексических показателей в соединении компонентов текста очень велика. Например, функции союза *ва* ('и'), довольно широкие в письменной речи, в устной зачастую выполняются богатыми средствами: *һә, ону; буну да дејим, һәм; һәм дә, амма, ләкин, орасы да; бурасы да вар; бир дә ки, сонра* 'да, скажу и это, так же, но, однако, впрочем, и то верно, что кроме того, затем...'

В целом можно сказать, что эпическая традиция редко предполагает искусственное расширение сложного предложения. Грамматическая и стилистико-поэтическая закономерности языка азербайджанского эпоса получили свое отражение в организации текста и с точки зрения актуального членения. В языковедческой литературе начальную часть, не совпадающую с темой, называют антитемой.

Антитема интересна для первого синтаксического целого. В последующих ССЦ внутритекстовая семантико-грамматическая связь контекстуальна и легко определяется.

Приведем начальные предложения из «Книги Коркуда»:

1. *Рәсул әлејһуссалам заманына јахын Бајат бојундан Горғуд Ата дерләр бир әр гонду* 'Близко ко времени пророка из племени Баят вышел некий муж по имени Коркуд Ата' [2. С. 11].

2. *Ханым, һеј. Бир күн Гамған оғлу Бајындыр хан јериндән дурмушду* 'Эй, мой хан, однажды Гамганоглу-хан Баяндур встал со своего места' [2. С. 16].

3. *Бир күн... Салур Газан јериндән дурмушду* 'Однажды... Салур Газан встал со своего места' [2. С. 28].

4. *Ханым, һеј. Оғуз заманында Ганлы Гоча дерләрди, бир корбуз әр варды* 'Эй, мой хан! Во времена огузов был некий муж по имени Ганлы Годжа' [2. С. 92].

5. *Ханым, һеј. Бир күн Гамған оғлу... јериндән дурмушду* 'Эй, мой хан! Гамганоглу-хан встал со своего места' [2. С. 106].

6. *Ханым, һеј. Мәкәр ханым, бир күн Оғуз отурукән үстүнә јағы кәлди* 'Эй, мой хан! Однажды пришел на огузов враг' [2. С. 112].

Три начала строятся по одинаковой модели: некий герой встает со своего места. Ввиду того, что все персонажи являются известными героями огуз-наме, здесь нет признака неопределенности, налицо только некоторые художественные определения. Первые предложения в сказаниях играют роль начала, и потому в антитеме нет нужды: деление по теме и реме совпадает с различными группами сказуемых.

В других сказаниях неизвестный или малоизвестный персонаж и события выступают в качестве ремы. В предложениях, являющихся началом текста, возможно лишь относительное тема-рематическое деление. Например: *Рәсул әлејһуссалам заманына јахын Бајат бојундан Горғуд Ата дерләр бир әр гонду* [2. С. 11]. В этом предложении определитель времени *Рәсул әлејһуссалам заманына јахын* 'Близко ко времени пророка' может анализироваться как антитема, *Горғуд Ата* — как тема, а *бир әр гонду* 'вышел некий муж' — как рема.

Интересна и позиция неопределенной связки *бир* 'некий'. Эта связка, выполняющая в азербайджанском и вообще в тюркских языках функцию артикля, интересна именно как начало текста, развивающегося от непосредственности к определенности. Следовательно, в этом случае исчерпывающий анализ возможен лишь на уровне текста.

Организация текста подчинена стилистическим нормам языка, на котором он написан. Н. А. Слюсареза по этому поводу пишет: «Русский заголовок содержит тему, а английский — полную тема-рематическую структуру» [5. С. 156]. С этой точки зрения следующие названия сказаний «Книги Коркуда» передают тема-рематическую структуру текста: *Басат Тәпәкәзү өлдүрдүју боју бәјал едәр* 'Сказание об убиении Басатом Тепегеза'; *Салур Газан душтаг олуб оғлу Уруз чыхардығы боју бәјан едәр* 'Сказание о пленении Салур Газана и освобождении его сыном Урузом'.

Кроме этих заголовков, передающих краткое содержание сказания, есть множество и других, отражающих лишь тему. Например: *Дирсә*

хан оглу Бугачын бојун бајан едар 'Сказание о Бугадже, сыне Дирсехана'; Бајбуранын оглу Бамсы Бейрак бојуну бајан едар 'Сказание о Бамсы Бейреке, сыне Байбуры' и др.

Отметим, что в других эпических текстах и сказках заголовки, содержащие только тему, составляют абсолютное большинство.

Говоря об эпическом тексте, нельзя не коснуться и роли в нем пословиц и поговорок. Семантические и поэтические позиции пословиц, занимающих в эпосе очень важное место, неодинаковы. Так, например, в древнегузских эпических текстах пословицы заменяют вступление и устад-наме более поздних дастанов и обращают на себя внимание дидактико-реалистическим содержанием.

Семантико-структурное содержание пословиц, выступающих в качестве отдельных микротекстов, в макротекстах введения «Книги Коркуда» проявляется довольно отчетливо. Более 80 пословиц органично вписываются в текст. Введение к эпосу вообще представлено циклом пословиц. Есть среди них и довольно часто встречающиеся в азербайджанском фольклоре, особенно в дастанах и сказках, пословицы с особой ритмической структурой о женах:

Гарылар дөрд дүрлүдүр:
Бириси солдуран сојдур,
Бириси долдуран тојдур,
Бириси евин дајағыдыр,
Бириси нечэ сөјлэрсэн бајағыдыр.

Женщины бывают четырех родов: одна — наводящая бледность порода, одна — оставляющий пресыщение пир, одна — опора дома, одна — хуже всего [2. С. 14].

После этого высказывания на каждую синтагму-предложение следует соответствующее ССЦ, и каждая из синтагм раскрывается и объясняется именно в этом ССЦ. В результате выявляется общая семантика текста: различие жен по характеру (четырёх типов). Своеобразие структуры текста состоит в том, что тема-рематическая структура дается в двух планах. Вначале типы темы (жены) распределяются по параллельным конструкциям, затем граница темы — ремы определяется заново, и вследствие расширения сферы ремы структурная изоморфность сохраняется только в общем делении. Каждое синтаксическое целое выступает отдельно в своеобразном структурном типе: I ССЦ начинается придаточным сказуемым; II, III, IV — сложноподчиненными предложениями с придаточным подлежащим; каждое из них завершается восклицательным предложением благословительного характера. Последовательность отличается от той, которая наблюдается в высказывании: II, III и IV ССЦ раскрывают I ССЦ:

Озан, евин дајағы олдур ки, јазыдан-јабандан евэ бир гонаг кэлсэ, эр адам евдэ олмаса, ол ону једирэр, ичирэр, ағырлар, эзилэр, көндэрэр. Ол Ајишэ, Фатимэ сојудур. Ханым, онун бэбэклэр битсин.

Очағына бунчулајын өврэт кэлсин.

Кэлдин ким, ол солдуран сојдур: сабаһданча јериндэн уру дурар, элин-јүзүн јумадан доггуз бозламач илэн бир күвэлэк јоғурд күвэзлэр, дојунча тыха-баса јејэр, элин бөјрүнэ урар, ајдар:

— Бу еви хараб оласы эрэ варалыдан бери дөхи гарным дојмады, јүзүм күлмэди, ајағым башмај, јүзүм јашмаг көрмэди, дејэр. А нолајды, бу өләјди, биринэ дөхи варајдым, умарымдан јахшы о бары олајды.

Онун киминин, ханым, бәбәкләри битмәсин, очагына бунчулајын өврәт кәлмәсин.

Кәлдин ким ол долдуран тојдур. Тәрпәдинчә јериндән уру дурду. Әлин-јүзүн јумадан обанын ол учундан бу учуна, бу учундан ол учуна чарпышдырды. Гу гылды, дәк динләди, сабаһданча өјләјәдәкинчә кәзди, сјләдән сонра евинә кәлди. Көрду ким, оғру көпәк јејә-дада евини бир-биринә гатмыш, тојуг комасына, сығыр дамына дөнмүш.

Бунун киминин, ханым, бәбәкләри битмәсин, очагына бунун кимнә өврәт кәлмәсин.

Кәлдин ол ким, нечә сөјләрсән бајағыдыр.

Евинә јазыдан-јабандан бир удлу гонаг кәлсә, әр адам евдә олса, әри она десә ки, дур, өврәт, әтмәк кәтир, јејәјин, бу да јесин, Бишмиш әтмәјин бәгасы олмас, јемәк кәрәкдир.

Ондан дәхи, ханым, сизи аллаһ сахласын. Очагыныза бунчалајын өврәт кәлмәсин.

‘Озан, опора дома — это та, которая, когда из степи в отсутствие мужа в дом приходит гость, гостя накормит, напоит, уважит и отпустит. Это порода Айши и Фатимы. Хан мой, пусть ее дети вырастут.

Пусть такая женщина придет к твоему очагу.

Теперь о тех, кто из породы наводящих бледность: с раннего утра встает, не вымыв рук и лица, высматривает девять пирогов из хлеба, один кувшин с простоквашей, ест-жрет досыта, подбоченивается и говорит: «Пусть разрушится этот дом! С тех пор, как я вышла замуж, досыта не поела, не улыбнулась, мои ноги не видели башмаков, голова — платка. Ах, что было бы, если бы этот (муж) умер: вышла бы я за другого, а он оказался бы лучше, чем я ожидаю».

У такой, мой хан, пусть не вырастут дети, пусть такая женщина не придет к твоему очагу.

Следующая — это заполняющая празднества. Встрепенувшись, встала она с места. Не умыв рук и лица, носится из одного конца кочевья в другой, все ходит, злословит, с утра до полудня гуляет, после полудня приходит домой. Видит: вороватая собака, теленок перевернули дом вверх дном, превратили дом в курятник, хлев... У такой, хан мой, пусть дети не вырастут. Пусть такая женщина не придет к твоему очагу.

Следующая — это та, что хуже всего, что бы ты не сказал. Когда в ее дом приходит из степи уважаемый гость, если муж скажет ей: «Встань (женщина), принеси еды, пусть и этот поест», (она скажет:) «У тебя не осталось испеченного хлеба, еда нужна ли?..».

От такой, хан мой, да сохранит вас аллах. Пусть не придет такая женщина к вашему очагу’ [2. С. 14].

Нельзя учитывать и ту особенность, что в «Книге Коркуда» метафоричность пословиц относительно слаба. Каждый заголовок, как и слова с прямым значением, и другие фразеологические соединения семантически более конкретны. Зачастую же пословицы используются как готовый материал для смыслового развития, организации текста и включаются в текст в качестве цельных семантических структур. В живом языке пословицы используются не ради красного словца. В памяти озана, который является носителем живого языка, пословицы всплывают не как отдельная система, а как сплетение огуз-наме, орнаменты речевой афористики, запечатленные в огуз-наме. Вследствие этого озан не только старается сделать свой язык динамичным, но и оживляет этноязыковые традиции, пословицы, обогащая их от текста к тексту новыми оттенками.

Интересно и то, что крылатые слова, меткие выражения, порой

употребляемые в прямом значении, впоследствии становятся пословицами.

Пословицы в тексте выступают в форме, соответствующей своему потенциалу. Потенциальная семантика реализует абстрагирование пословиц в контексте и активизирует их вокруг единого смысла.

Так же, как в предложении (а также в словосочетании, синтагматической последовательности) реализуется один смысл из многих, в тексте реализуется один из смыслов пословицы. Что касается различия форм пословиц, то активизация современных пословиц не тождественна таковой в эпосе; кажущаяся нам вариантом форма пословиц в языке эпоса в диахроническом аспекте может быть инвариантом. Активность формы можно привлекать к исследованию лишь с учетом исторического эпоса. В изучении происхождения и генезиса пословиц важное значение приобретает аспект текстовых разысканий.

Иногда ритмический повтор отдельных морфологических признаков играет роль основного фактора единства компонентов ССЦ. Например: *Асманлы көйда гара булуд олубан кафирин үзэринэ курлајайым, ағ илдырым олуб шагыјајым. Кафири гамыш кими од олуб јандырајым. Урушумдан, дөјүшүмдән аләмләри долдурајым, јарадан аллаһдан мәдәд деди* 'Став черным облаком на небе, загремлю на неверных. Белой молнией став, ударю. Став пламенем, сожгу неверных словно камыш. Деятерых пересчитаю. Без боя, без битвы заполню миры, помоги мне аллах-создатель, — сказал' [2. С. 81].

В целях разнообразия композиции макротекста тексты скрещиваются, располагаются по-новому во времени и пространстве. Аранжировка микротекстов внутри подобного макротекста типична для крупных жанров устной народной литературы и является одним из важных факторов, обуславливающих композиционное разнообразие. Дистантный повтор микротекстов усиливает монолитность и реконструирует психологический континуум макротекстов. Синхронный событийно-действенный комплекс, наблюдающийся одновременно в скрещенных микротекстах, подается в определенном порядке. Этот принцип в форме завершенной поэтической системы применяется в письменной литературе.

Один из повторов контактного предложения, встречающихся в «Книге Коркуда», — *Чал гылычын, ағам Газан, јетдим* 'Ударь мечом, ага мой Газан, я поспел' — связывает девять синтаксических целых в монолитную форму. Хотя отрывки, перегруженные эпитетами в виде причастий, и параллелизуются в этих циклах определений, разное количество и свободное расположение компонентов удаляют их от параллельности. Напротив, повтор *Чал гылычын, ағам Газан, јетдим* 'Ударь мечом, ага мой Газан, я поспел' еще более усиливается повтором *Бунун ардынча, ханым, көрәлим кимләр јетди* 'За ним, хан мой, посмотрим, кто поспел'.

Перечисление огузских героев, хотя и дается в различных изданиях прозой, тем не менее является примером древнего стихотворного построения [6]. Ритм, созданный эпическими повторами в виде рефренов, органично соединяясь с ритмом, созданным интонацией, особенностями произнесения цикла художественных определений, выражает военное торжество, победный натиск.

В синтаксических единицах мы встречаемся с самыми различными формами проявления дефинитивности. Отличительный признак второго и третьего видов определительных словосочетаний заключается именно в дефинитивности. Два деления бессоюзного вида дополнения проводятся по определенности—неопределенности. Расположение определений (неоднородных) также предполагает дефинитивность. Тема-рема-тическое деление в предложении (высказывании) подразумевает про-

порцию дефинитивности. Нельзя забывать и о значении в порядке слов категории определенности и неопределенности. Принятие во внимание роли дефинитивности в сложноподчиненных предложениях существенно дополняет семантическое объяснение. И, наконец, дефинитивность выступает в качестве одной из категорий синтаксиса текста.

В актуальном членении текста, как и вообще в его организации, довольно велика роль вопросительных предложений [7]. Задача вопросительного предложения, независимо от вида, типа, характера (риторический или действительный вопрос), заключается в том, чтобы, выступая в тематическом плане, выявлять рему. В эпическом тексте вопросительные предложения активизируются еще больше. Собственное тематическое деление неопределенного вопросительного предложения получает реальный смысл на уровне текста в том случае, когда ответ-текст полностью или частично удовлетворяет «требованию» этого предложения, выраженному заменителем вопроса, порядком слов или же лишь интонацией.

Конкретность неоднократно повторяющихся в «Книге Коркуда» вопросов: *Көрүрмүсән, нэләр олду?* 'Видишь ли ты, что произошло?', *Су гачан хәбәр версә кәрәк?* 'Разве же вода расскажет?' и других достигается последовательностью их расположения. Факты подобного типа интересны с точки зрения орнаментальной структуры текста.

Действительно, каждый микротекст соединяет в себе ретроспективный и перспективный аспекты. В тексте находят свою конкретную реализацию прошлое и будущее предмета, о котором идет речь. Смысловое определение текста может сопровождаться языковыми фактами или же идти в чисто логико-семантическом направлении. Мы — сторонники отнесения (с точки зрения дефинитивности) эксплицитного деления Вардуля к текстам, сопровождаемым реальными языковыми фактами, и неэксплицитного (или имплицитного) — к текстам без этих фактов.

Известно, что насыщенность информации прямо пропорциональна ее разнообразию. И в тексте определенность может идти как от абстрактного к конкретному, так и от конкретного к абстрактному — в зависимости от специфики текста.

В языках, где развился артикль, определенность выражается определенными и неопределенными артиклями. В тюркских языках из-за отсутствия артикля эту функцию выполняют языковые единицы, выражающие определенность и неопределенность (частицы, модальные слова, слова с лексическим смыслом, местоимения). В динамичных (чьи компоненты соединяются цепеобразно) и статичных (с параллельным соединением компонентов) текстах форма проявления определенности довольно своеобразна. Известных заранее резких границ для определения частей текста (начала, развития, конца) не существует.

В тексте реализуется и процесс определения I компонента определительных словосочетаний II вида неопределенного бессоюзного дополнения. Ввиду того, что для семантического членения, обусловливаемого тема-рематической заменой, диалектическими изменениями и порядком слов, главным критерием является текст, основным способом его научного описания будет изучение всего разнообразия этой категории в тексте.

Рассмотрение эксплицитного и имплицитного фактора в единстве, точное изучение роли дефинитивности в организации текста имеют огромное значение с грамматической и стилистико-поэтической точек зрения. В выражении предметной ситуации особенно велика роль первой части высказывания, выступающей в тексте как тема.

Основным фактором, выделяющим художественный язык и художественный текст из бесчисленного количества текстов, является специфика его особой организации. Все сказанное доказывает, что дефинитивность, входящая в качестве морфосинтаксической категории в пограничную сферу морфологии и синтаксиса, имеет практическое применение в тексте.

Известно, что проблема определения границ ССЦ до сих пор не решена. Несмотря на применение различных методов, вариантность речи, неодинаковый уровень когерентности препятствуют их точному разграничению. План выражения, отражаемый формальными показателями, находится в диалектическом единстве с содержательным планом, связанным с семантическим уровнем.

Для демонстрации подходов к определению ССЦ в художественном тексте, а конкретнее — в эпических текстах, — нами рассмотрены три различных издания «Книги моего деда Коркуда» (О. Ш. Гёкья, М. Эргина и Г. Араслы). В качестве примера взяты три сказания — «Сказание о пленении Салур Газана и его освобождении сыном Урузом», «Сказание о пленении Уруз-бека, сына Газан-бека» и «Сказание о разграблении дома Салур Газана».

В «Сказании о пленении Салур Газана и освобождении его сыном Урузом» (в издании О. Ш. Гёкья) выделено 99 синтаксических целых, в издании Г. Араслы — 72, в издании М. Эргина — 34.

В «Сказании о пленении Уруз-бека, сына Газан-бека» в издании О. Ш. Гёкья выделено 88 синтаксических целых, в издании Г. Араслы — 77, в издании М. Эргина — 43.

В «Сказании о разграблении дома Салур Газана» издания О. Ш. Гёкья выделено 99 синтаксических целых, в издании Г. Араслы — 76, в издании М. Эргина — 29.

Различия в определении ССЦ в разных изданиях связаны с неизученностью текстологических проблем азербайджанского фольклора. Мы считаем, что с точки зрения критериев определения ССЦ издание О. Ш. Гёкья, за небольшим исключением, более всего отвечает научным принципам.

Точное определение ССЦ очень важно для выяснения поэтического разнообразия эпического текста, установления границ стиха и прозы, выявления интонационного и ритмического своеобразия, прослеживания сферы деятельности формул.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1980. Вып. 9.

² Китаби Деде Коркуд / Сост. Г. Араслы. Баку, 1962.

³ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

⁴ См.: Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика: (сложное синтаксическое целое). М., 1973.

⁵ Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.

⁶ Привлекает внимание и особенность использования идущей в начале ремы. Перенос подлежащего к сказуемому представляет актуализированную рему в более напряженной функции. Здесь *jetdim* 'поспел, прискакал' выступает в качестве темы.

⁷ См.: Шевякова В. Е. Актуальное членение вопросительного предложения // Вopr. языкознания. 1974. № 5.

А. В. ОБРАЗЦОВ

СТРУКТУРА «ИСКЕНДЕР-НАМЕ» АХМЕДИ

В средневековом литературном каноне народов исламского ареала была разработана довольно жесткая схема литературных форм и моделей, которая нашла выражение в скрупулезной регламентации структурных компонентов данной формы. Сохраняя известную свободу, автор тем не менее должен был вводить ряд структурно-тематических звеньев, даже если они находились в весьма опосредствованной связи с дальнейшим повествованием.

В месневи наибольшей регламентации подверглись, что естественно, вступление и заключительная часть.

* * *

Своей поэме Ахмеди предпослал довольно обширное — 306 бейтов — вступление. В традициях классических месневи оно открывается «беслеме» — своеобразным обращением к богу. Достаточно привести лишь несколько начальных бейтов, чтобы дать представление о содержании этой части:

ذکر بسم الله الرحمن الرحيم
 قامو نسنه بیز کیدرای حکیم
 هر مکنون کم یولد شی توفیق الا
 هر نه سز کم سیلیا تحقیق الا
 چون که توفیق اولدی بیزه هم طریق
 در مهنیه قلق طوت ای رفیق

Зикр — во имя аллаха милостивого и милосердного.
 Всё сущее придет к нам, о владыка,
 Всякая тварь, что станет другом, будет милостью бога,
 Всякое слово, что будет сказано, будет истинно,
 Ибо милость господина стала дорогой для нас.
 Эй, приятель, прислушайся к перлам смысла [2; 3].

Следующей частью вступления является «тевхид» — «слово о единобожии». Он открывается двумя оригинальными отрывками — «Спор мотылька и свечи», «Спор свечи и курильницы», где на базе известных аллегорий раскрывается сущность божественной любви как средства слияния с абсолютном.

Далее идут пространные рассуждения (134 бейта) на тему единства всевышнего, его свойств и качеств, которые проявляются в его именах. Помимо требований канона, данная часть в более чем обильно насыщенной дидактикой поэме мотивируется еще и тем, что девяносто девять «прекрасных имен» аллаха суть человеческие качества, но в своем предельном совершенстве. В качестве примера приведем отрывок из раздела о проявлениях божественных имен:

عقله هم محرد ای امین
 مطهر علم الهی در یقین
 عن آدی در قلم بی ارتباب
 لوح در نفس آدی و ام الكتاب
 هر سه صورت و ارسه بالده بین
 که اله عن احاطه در مشتم

Посредством разума обнажается душа, да будет так.
 Проявления божественной науки тверды и непреложны.
 Имя разума — перо без колебаний,
 Имя души — доска для письма и начало книги.
 Знай, какой бы образ ни был в этом мире,
 Не иначе как заключено в конечном разуме.

В дальнейшем Ахмеди еще не раз возвращается к разговору о единстве бога:

1. В связи со спором философов о сущности, которая составляет основу мироздания. Хызр, подводя итог спора, доказывает, что в основе мира — бог:

هر کج در کج مرکز کر بسیط
 انبو عالم مرکزیدن تا محیط
 کر عمر اول و کر جوهر یقین
 فاموسی محدث در ای دامای دین

Всё что есть — и сложное, и простое,
 А таков мир от середины до краев,
 Несомненно, что это и с виду и по сути
 Всё создатель, о благочестивые мудрецы.

Подобный ответ дает автору повод для новых размышлений о единстве всевышнего и видах единобожия.

2. Аналогичные вставки на тему «тевхида» имеются еще в различных дастанах: «Искендер и индийские мудрецы», перед «астрономическим» разделом и в ряде других.

Следующая часть вступления к поэме — «мюнаджаат», т. е. молитва, обращенная к богу. Она включает в себя ряд подразделов — от наставлений к достижению блаженств того света до наставлений же

о необходимости поклонения всевышнему. Приведем небольшой отрывок из последнего:

حَقْدَن اَوْنَسْر خَلِيْفَه بِي كَنَان
عَالَمْ غَيْبْ شَهَادَتَه عِيَان
سَسْ دَخِي اَنْدَن مَقْتَبَسْ سَسْ دَتْمَه شَكْت
فَاوْ نَسْنَه اَصْلَه مِيْسْ اَقْمَكْ كَرْت

Несомненно, халифы — от бога,
Сокрытый мир ясен в шахадете.
И ты произошел оттуда, отбрось сомнения.
Всё сущее должно желать приблизиться к основе.

После молитвы традиционно следует «наат» — хвала пророку:

حَصْرَتْ مَزْدَن اَوْنَسُوْن بِيَكْ سَلَام
مَسْعَفَانِيْتْ رُوْحَنَه هَر صَبْحْ وَ شَامْ

Да будет тысяча благопожеланий от блеска всевышнего
Душе избранника и каждое утро, и каждый вечер и т. д.

Далее, согласно схеме, должны были бы следовать три «необязательные» части: «мирадж», т. е. рассказ о путешествии Мухаммеда на небеса; «муджизат», т. е. рассказ о деяниях и высказываниях пророка; «медх-и чехар йар» — хвала четырем праведным халифам. Во вступлении к поэме эти части отсутствуют, однако Ахмеда включает их в историческую вставку, причем в довольно развернутом виде («мирадж», например, занимает 246 бейтов).

Следующая часть, названная довольно необычно — «Der beyanı hakikati nutuk bi harf-u savtest», что можно перевести как «Возвешение об истинной речи без букв и звуков», представляет собой рассуждения в русле традиционного спора о соотношении формы и содержания, смысла и словесного оформления:

اول دكل سر كم اول اول صورت و حرف
لله سو و حرف اول بدر سورة طرف

То не слово, что записано буквами,
Скорее, звуки и буквы — оболочка для слов.

Таким образом, Ахмеда, в сущности, высказывает точку зрения, предложенную еще античностью, — слово есть лишь символ, случайный набор звуков (а следовательно, и букв). Однако это единственно возможный путь для передачи сущностных характеристик:

حرف و صوتی میز صبر صکت جهن اول
حرفله صوته قلبن نا اعن اول

Если ты полагаешь, что буквы и звуки есть слово —
 то это невежество.
 Действующий лишь посредством букв и звуков —
 не достоин уважения.

لينك چون سز لفظله صورت ييلور
 هم معانى ترجمانى لفظ اولور

Но слово обретает форму при помощи «лафза»,
 Хотя совокупность слов не есть ни объяснение, ни рассказ [4].
 Другими словами, хотя «мысль изречения есть ложь», но при долж-
 ном красноречии можно приблизить слушателей к пониманию сущно-
 стей, поэтому

مشك عنبر بير ايدى خاصه يى
 نقش قوتلام سز كندر نامه يى

Превратим перо в железо, источающую мускус и амбру,
 Начертает же повесть об Искендере.
 И, наконец, последняя часть вступления — «Der tahallus-i kitab»,
 что можно перевести как «Тахаллус книги», имея в виду, что «тахал-
 лус» — это термин, означающий не только псевдоним поэта, но и пере-
 ход от одной мысли к другой, от одного мотива к другому [6. С. 120,
 186]. Причем в этом же отрывке читатель находит и имя автора поэмы:

در سزى انده ملخص ايدى تم
 احمدى ادينه مخلص ايدى تم

Изложим-ка мы здесь каждое слово кратко и точно,
 И найдем-ка мы убежище под именем Ахмеди.
 А далее идут бейты типа:

كوهى فضلى صنالم فاضله
 زاده عالى و رالم عاقله

Посвятим же перлы мудрости достойным,
 Отдадим-ка мы рожденное разумом умным.
 Затем автор говорит о цели написания книги, задавая как бы общий
 тон повествования:

فكرينه عقت يو نور ايلكى
 ذ نريله جان معمور ايلكى
 بونى كونلاره شمد م ايلكى
 جانلرى سورينه محرم ايلكى

Посредством мысли наполни умы светом,
 Посредством зикра благоустрой души,
 Сделай этот най другом небес,
 Сделай их души искренне преданными божественной тайне.

Собственно, введение здесь и заканчивается, хотя темы, которые присущи ему, появляются и в других частях поэмы.

Так, к примеру, многие авторы излагают во введении свои взгляды на поэзию как на искусство, Ахмед же рассматривает эту тему в двух отрывках, один из которых «Der hasb-i hal-i havisten ve itihar be-fazl» 'Рассказ о себе и похвала достоинствам' находится в первом дастане, а второй — «Der tariz ber-bazi ez-şuara» 'Порицание некоторых поэтов', более примечательный в связи с рассматриваемой темой, предваряет рассказ о походе Искендера в Хиджаз, т. е. находится уже ближе к концу поэмы. Рассмотреть здесь оба эти отрывка представляется целесообразным, так как их содержание отчасти объясняет как общую дидактическую направленность повествования, так и структуру отдельных дастанов. Важнейшая мысль, которая проводится автором в обоих отрывках, та, что поэзия не должна быть праздным суесловием, а должна прославлять всевышнего и приближать к нему:

عورتوت هر کم سزینه سبیلیه
 کندنوت تفصیحینی جزا هر ایلیه

Каждый, кто произносит слова, что пристали лишь женам,
 Тот обнаруживает свои недостатки.

د ن که تنکری ذکرنوت اولاییری
 عورت ادندن کرت اولایادی

Мужу, тому, чей язык — острие божественного зикра,
 Следует быть от женоподобных дел подальше
 (букв.: быть отделенным от дурной репутации жен).

Что же, по мнению Ахмеда, недостойно подлинной поэзии? Прежде всего самовосхваление и чрезмерное украшательство:

کندویه طاوسوش عاشق دکل
 اکه چون عقادر اوں لایین دکل
 بن الویم دییومن فکر ایلمز
 آدنی هر بیتته ذکر ایلمز

Мнящий себя подобным павлину, не ашик,
 А когда упорствует в этом, — сие недостойно.
 Кто говорит «я велик», — лишен мысли.
 Гнуснейшее дело не помянуть бога в каждом бейте.

بویب یوزینه ورمک رنگ و بوی
 آینه دوتب دوزنمک زلف و موی
 بی و قالق هم خیانت در اشی
 قیمت با النجلی صوتی اشی

Выкрасив лицо краской,
 Схватив зеркало, расчесывать локоны —
 Неверное и подлое это дело,
 Дело, подобное злословию, лжи и клевете.

* * *

Теперь обратимся к основной части поэмы. В данном случае основное внимание будет сосредоточено не на содержании, а на способе организации материала.

Весь текст поэмы разделен на ряд дастанов, всего их 24, причем некоторые никак не связаны с деяниями Искендера. Примером тому может служить 9-й дастан, который полностью посвящен рассуждениям о добродетелях, или все четыре дастана исторической вставки. При сравнении дастанов обнаруживается известное сходство в их структуре. С точки зрения строения, каждый «полный» дастан можно разделить на три части: 1 — вступление и начало дастана; 2 — основная часть; 3 — разъяснения и конец дастана.

Рассмотрим последовательно все эти части, взяв в качестве основного иллюстративного материала «Дастан о войне Искендера с Фуром и поражение Фура».

Хотя некоторые дастаны и имеют определенные отклонения от «нормы», в «образцовом» варианте дастан начинается отрывком, который уже в заглавии несет предварительную информацию об основной сюжетной коллизии: «Искендер едет под видом посла в Систан и влюбляется в дочь Зересба», «Поход Искендера с целью завоевания Хиндистана», «Искендер отбивает дракона в Хиндистане» и т. п.

Как правило, этот отрывок начинается с речи автора, обращенной к влюбленному соловью, сладкоголосому попугаю, кравчему:

ساز قس ای عند لیب خوشنوا
 کم سز کدر جانلره برک نوا
 سبله فرصت وارکن ای نغمه ساز
 سوزله هر پرد ده یوز د رلو راز

Сыграй на сазе, о сладкоголосый соловей,
 Ибо что ни слово, то западает в душу.

Эй, сыграй же на сазе, когда представится удобный
 случай,

Ведь при помощи слов в каждом напеве раскрывается
 тысяча тайн.

После этого и подобных ему обращений идут бейты, посвященные рассуждениям о бренности этого мира, о капризах судьбы и т. п.:

کم الا کرمز بو فرصت هر زمان
 چرخدن کم بولد ی کم بوله امان
 نیچه کم دندی د نیسر بو سپهر
 کمسیه اتعاد و اتناپه مهر
 کم بلور د هرون سرانجامی ندر
 یا بو د نعلد ر فلک نامی ندر

Кто постоянно упускает удачу,
 Кто нашел, кто еще найдет успокоение от судьбы.
 И, сколько бы ни вращалось колесо судьбы,
 К кому-то уже не пришла, к кому-то еще не придет
 любовь.

Кто знает, какой конец уготован судьбой
 Или какова воля этой изменчивой Фортуны.

В конце отрывка обычно перебрасывается мостик к последующему повествованию:

کیرو اسکندر سوزن سیلابوم
 فور هند نندی شرح ایلابوم

Продолжим же рассказ об Искендере,
 Поведаем-ка о том, что случилось с Фурум.

Подобные вступления имеются не перед каждым дастаном. Причем по большей части наличие или отсутствие вступления связано с тем, насколько данный дастан независим от других в сюжетном отношении. «Неполные» дастаны могут следовать за доминирующим сюжетом — второй дастан, где речь идет об уроках, данных философами Искендеру после его восшествия на престол, которое, в свою очередь, было описано в первом дастане. Другой случай, когда «неполный» дастан вклинивается между доминирующими частями, — дастан о правителях, современных Искендеру. Вступление может отсутствовать и тогда, когда дастан насыщен событиями, которые трудно свести к одной, пусть самой общей, типа «превратности судьбы» схеме. Такой случай только один — третий дастан, который посвящен событиям, предшествующим войне Искендера с Дарабом. Кроме того, вступление отсутствует в девятом дастане, о котором говорилось выше.

Следующая часть дастана, как правило, озаглавлена «Matla-i Dastan», «Agaz-i Dastan» и в большинстве случаев посвящена, в зависимости от характера дальнейших событий, описанию соответствующего времени года. Иногда оно указывается прямо в заголовке: «Der matla-i dastan ve vaf-i bahar». В начале же дастана об Искендере и Кайдафе вместо времени года речь идет о влиянии планет на возникновение любви:

اولد صبح انغاس خوش عبر سرشه

اولد باغ اطراف گلزار بهشت

نرگسک گلزارنه د سدی خار

سنبلک کیسوسی اولدی تا پیدار

لاله صلهدی مجمر یا قوتی عود

دزد کن شو قنده بلبیل ساز عود

Утренний ветерок стал благовоной амброй,
Сад превратился в райский цветник,
На глаза нарциссов пала истома,
Завились локоны гиацинта,
Тюльпан то ли качнул кадиллом, то ли сыграл на уде,
Соловей, исполненный любви к розе, настроил саз и уд.

Однако в конце концов разговор вновь сводится к сетованиям на непостоянство этого мира:

خوسرود دونه عشرت خوش دوی صفا

وه که ظالمدر بو چرخ بی وفا

Сколь приятны увеселения и наслаждения,
Но, увы, сколь жестока эта непостоянная судьба.

Равно как и вступление, эта часть может отсутствовать, причем если нет вступления, то, как правило, нет и «начала». (Исключение — лишь третий дастан). Кроме того, в двух заключительных дастанах вступление сливается с «началом», при этом, поскольку «Искендер обращает свой взор с этого мира на тот», Ахмеди не дает описания изменений в природе, так как эти картины генетически связаны с бранным миром.

После «начала» Ахмеди обычно переходит к изложению собственно сюжета, но иногда для усиления нравоучения или для того, чтобы задать читателю необходимые для правильной оценки событий ассоциации, вводятся небольшие рассказы. Примером может служить известная притча о лисе, упавшей в кувшин с краской и возомнившей себя павлином (и здесь Ахмеди верен своему правилу — сохраняя общую канву сюжета, изменять детали. Так, вместо шакала, который фигурирует в данной притче и у Руми и у Нахшаби, у Ахмеди появляется лиса) [7. С. 104—106; 8. С. 212—216; 9], которая вводится в дастан о походе Искендера в Хиджаз и о его решении «устремить взор к вечности». Нельзя не отметить, что притча, из которой выводится урок о необходимости гармонии между внешней оболочкой и внутренней сутью, здесь весьма кстати.

Однако подобные рассказы чаще появляются не перед сюжетом, а внутри него. Наибольшее количество подобных вставок находится в дастане об Искендере и Гюльшах, в дастане об Искендере и индийских мудрецах; в связи с разговором об единстве бога приводится любопытная притча, близкая по содержанию поэме Навои «Язык птиц».

Центральная часть каждого дастана, где проводится сюжетная линия, может быть посвящена как одному событию — Искендер убивает дракона, война Искендера с Фуром и т. п., так и целой сюжетной цепочке, где события объединяются либо единством места — Египетский поход, поход в Хиджаз, посещение островов, либо наличием общего смыслового ядра для ряда историй, — четырнадцатый дастан, например, посвящен борьбе Искендера со сверхъестественными существами. Рассказы «исторической» вставки объединены в дастаны по формально-временному признаку, где точкой ориентации является правление самого Искендера.

В данной статье нет нужды подробно характеризовать сюжетную основу поэмы, поэтому сразу переходим к заключительным частям дастанов.

Как правило, каждый дастан заканчивается «разъяснением вышеизложенного», где события получают аллегорическое толкование, и «завершением дастана», где преподносится соответствующая мораль. Говоря о «разъяснениях» к дастанам, следует отметить одну общую закономерность: враги Искендера обычно символизируют пороки и пагубные страсти, а Искендер и все связанное с его поступками — различные проявления божественной сущности, истинную веру, мудрость и т. п. К примеру: Фур — символ сладострастия, яджуджи и маджуджи — похоть и страсть, тигр, барсы и лев, убитые Искендером на охоте, — гнев, высокомерие, кичливость и голос плоти, дракон — дьявол, что обитает в смущенном сердце. Любопытно, что зачастую персонажи различных дастанов символизируют одни и те же пороки. С другой стороны, мудрость Искендера, которую он проявил в вопросах войны, — наставники в вопросах веры, вал против яджуджей и маджуджей — символ, связанный с поклонением богу, и т. п.

Логичным продолжением «разъяснения» является конец дастана, где уже на основе аллегорического толкования даются разнообразные наставления в деле достижения благ как этого, так и потустороннего мира. Вот пример подобных наставлений из дастана об Искендере и Фуре:

عقل نفعتك شرني ايد رسه دفع
باد شهتسن دنى عقبى ساكه نفع

Если разум изгонит зло души,
То ты — падишах. И тебе будет выгода и на этом и на том свете.

واى نفس ايد رسه عقلوكى زيون
دنيه و عقبيده اولدن سرنگون

Если ты поверг душу в печаль, а разум твой ослабел,
То ты повержен и на этом и на том свете

и т. п.

Иногда дастан не имеет «окончания», иногда «окончание» сливается с «разъяснением», иногда к «концу» дастана добавляется еще и молитва. В дастане может быть одно «разъяснение», а может быть не-

сколько, как в дастане о посещении Искендером островов. Но, как бы то ни было, дастан всегда завершается неким своего рода морально-этическим уроком. Исключением является лишь дастан об Искендере и Гюльшах, но он, вообще, занимает особое место в поэме.

Таким образом, каждый дастан, по существу, предполагает возможность тройной интерпретации:

1. Фактическая, т. е. в дастане описываются некие исторические или квазиисторические события;

2. Аллегорическое толкование, т. е. каждое из событий может рассматриваться как пример столкновения понятий из «области духа»;

3. Тропологическое толкование, т. е. событие — иллюстрация к определенному нравственному уроку.

Анализируя текст, легко заметить, что интерпретации не равноправны. Очевидно, что для Ахмеди прежде всего важна возможность тропологического толкования, причем оно базируется уже не на фактической, а на аллегорической основе, которая, как представляется, призвана помочь читателю быстрее и легче абстрагироваться от фактической основы. Тем самым нравоучение из комментария к конкретным событиям поднимается до уровня «вечных истин».

Кроме того, если рассматривать поэму как некое единство, а не как набор нравоучительных рассказов, которые связаны лишь общим героем, то возникает возможность еще и анагогического толкования, т. е. события раскрывают известную сакраментальную истину [10]. С этой точки зрения поэму можно рассматривать как раскрытие известного суфийского положения о возможности слияния с абсолютном посредством нравственного усовершенствования.

* * *

Наконец, осталось рассмотреть заключительную часть поэмы. Согласно литературному канону, заключительная часть месневи может затрагивать довольно значительный круг тем — от молитвы богу до сатиры на плагиаторов, однако строго обязательными являются три момента: указание объема произведения, даты написания, лица, которому посвящено произведение. И, естественно, редкий автор упускает подходящий случай воздать хвалу и своему детищу, и себе. Ахмеди в сравнительно небольшой по объему заключительной части — всего 45 бейтов — касается всех вышеперечисленных тем, лишь лицо, которому посвящена поэма, остается незазванным.

Большинство бейтов заключения посвящено похвалам, правда, довольно сдержанным, которые автор относит на счет своего произведения:

هر نه سز کم ایدرم بن ساکه نقس
ممنی قران دریا دای عشق

Что ни слово, которое я передал тебе,
То либо идеи Корана, либо доводы разума.

لفظ زیبا و عباراتی لطیف
نظم موزون اشاراتی شریف

Изящная речь и приятный стиль,
Благозвучный стих и изысканные символы.

درج حکمتدر لبالب طولودر
درج معنی در سمو فضلیله پر

Ларец мудрости заполнен до краев,
Шкала смыслов заполнена достойным.

Дата завершения поэмы, которая сообщается в заключении к поэме,—792 г. х., начало раби уль-ахера (б. 8730—8734), т. е. вторая половина марта 1390 г., а количество байтов в поэме — 8250 (б. 8753—8754) [12].

* * *

Наконец, завершая рассмотрение структуры «Искендер-наме» Ахмеди, попробуем выяснить, в какой степени подобная организация материала диктуется влиянием предшественников, а в какой является проявлением авторского начала. Задача облегчается тем, что наиболее значительные произведения, посвященные Искендеру, проанализированы, в том числе и с точки зрения структуры, в капитальном труде Е. Э. Бертельса [13].

Сравнительный анализ показывает наличие некоторых общих элементов структуры у Ахмеди как с предшественниками — Низами, Амиром Хосровом, так и с последователями — Навои. Начальные обращения к соловью, полугаю, кравчему у Ахмеди появились, очевидно, под влиянием аналогичных обращений к кравчему же или музыканту у Низами.

Значительные по объему вступления к главам наводят на мысль о сходстве с «Зерцалом Искендера» Амира Хосрова, хотя Ахмеди более однообразен и в выборе тем для вступления и в их разработке.

Несмотря на это, говорить о значительном сходстве в структурах произведений этих двух авторов с поэмой Ахмеди не приходится. Оно и понятно, так как и у Низами и у Амира Хосрова, при всей глубине и важности дополнительной информации, в центре внимания остаются деяния Искендера. У Ахмеди же поступки Искендера — лишь основа для морально-этических построений, что сближает поэму анатолийского автора с произведением Навои. Близкий подход к материалу — оба автора учат морали, хотя первый — индивидуальной, а второй «морали государственной» [13. С. 142] (и та и другая имеют общую основу) — казалось бы, должен привести к близким структурам, однако этого не происходит. Как установил Е. Э. Бертельс, поэма Навои по своему строению, скорее, сходна с произведением Амира Хосрова [13. С. 141]. Их структуры практически совпадают, если не считать того, что Навои вводит эпизод «вопроса и ответа», т. е. Искендер спрашивает, а мудрецы разъясняют ему то или иное философское или научное положение. Ахмеди тоже часто пользуется этим приемом, когда считает нужным сообщить читателям какие-нибудь сведения философского, религиозного или естественно-научного характера, однако, вероятней всего, это случайное совпадение, ибо структуры поэм Ахмеди и Навои отличны в главном — если у первого рассказ об Искендере является базой для различных рассуждений, то у второго — иллюстрацией к базовым построениям.

Таким образом, можно со значительной долей уверенности утверждать, что Ахмеди создал оригинальную структурную схему для своего произведения, значительно отличающуюся как от структур произведе-

ний предшественников, так и последователей. Причем нельзя не признать, что, несмотря на некоторую тяжеловесность, схема, избранная Ахмеди, прекрасно отвечает тем требованиям, которые автор ставил перед поэзией вообще и перед своим произведением — в частности, а именно: поучая, прославлять и приближать к всевышнему.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В тексте *مكو*, видимо, это ошибка переписчика.
- ² Все цитаты даны по [3].
- ³ *Ahmedi. Iskender-name: İnceleme-Türkbasım/Dr. İsmail Ünver. Ankara, 1983.*
- ⁴ «Лафз» — термин, обозначающий формальную сторону как слова, так и высказывания. См.: [5. С. 162].
- ⁵ *Куделин А. Б. Средневековая арабская поэтика. М., 1983.*
- ⁶ *Ватаат Рашид ад-Дин. Сады волшебства в тонкостях поэзии / Пер. с перс., исслед. и коммент. Н. Ю. Чалисовой. М., 1985.*
- ⁷ *Руми Джалаладдин. Поэма о скрытом смысле // Избранные притчи/Пер. Н. Гребнева. М., 1986.*
- ⁸ *Нахшаби Зия ад-Дин. Книга попугая (Тути-наме)/Пер. с перс. М., 1982.*
- ⁹ Собственно говоря, список произведений, где имеется эта притча, можно значительно расширить, включив в него и «Калила и Димна» и басни Эзопа.
- ¹⁰ Возможность четырех интерпретаций для европейских средневековых текстов рассмотрена в [11. С. 94—95].
- ¹¹ *Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.*
- ¹² В связи с тем, что текст поэмы, видимо, неоднократно подвергался авторской доработке, среди исследователей возникли существенные расхождения по вопросам о количестве бейтов в поэме и о дате ее завершения. Сам текст дает возможность нескольких датировок: в 422—424 бейтах говорится о разорении Тимуром Багдада, Халеба и Анатолии, следовательно, они не могли быть написаны раньше 1402—1403 г. В той части, где речь идет о деяниях пророка, автор сообщает, что община Мухаммеда существует уже 810 лет, т. е. это уже 1409 год (б. 6570). И, наконец, Ахмеди говорит о смерти султана Ахмеда, а он был убит в 1410 г. (б. 7522—7536). Эти авторские добавления, очевидно, и объясняют расхождения в определении объема поэмы — от 5700 до 8754 бейтов.
- ¹³ *Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.; Л., 1948.*

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Б. И. ТАТАРИНЦЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА ÖTÜKÄN

Слово ötükän фигурирует в ряде памятников древнетюркской письменности в качестве географического названия или основного компонента топонимов типа Ötükän jer и Ötükän juš, переводимых соответственно как «Отюкенская земля (страна)» и «Отюкенская чернь». Это в немалой степени объясняется тем, что местность с таким названием сыграла очень важную роль в истории древних тюрков, являясь резиденцией их правителей, надежным убежищем от врагов и своего рода «военной базой». Жизненно важное для себя значение Отюкенской земли осознавали и сами древние тюрки. Неслучайно в известных орхонских памятниках восхваление Отюкена доходит до прямого обожествления. Об этом можно судить по употреблению применительно к рассматриваемому названию эпитета uduq 'священный'. Благоговейное отношение к Отюкенской земле отразилось и в более поздних — уже чисто религиозных (манихейских) текстах древних уйгуров.

Количество исследований, в которых в том или ином аспекте затрагивается вопрос об Отюкене, значительно. Среди них немалое место занимают разыскания о происхождении самого наименования Ötükän, история которых представлена несколькими этапами.

На основании анализа существующих источников, произведенного Л. П. Потаповым [1. С. 109—111], можно считать, что таких этапов было два. На первом из них исследователи (в частности В. Томсен, В. В. Радлов, В. Банг) пытались возвести интересующее нас слово только к тюркским основам, в основном глагольным. Предлагаемые этими учеными этимологии следует оценить как в той или иной мере гипотетические, поскольку они не опирались на твердую смысловую основу, на надежные соответствия топонима древнетюркских текстов словам современных тюркских языков. Таких соответствий в распоряжении исследователей в то время еще не было, что, в свою очередь, объяснялось главным образом недостаточной изученностью этих языков. Выдвигаемые на первом этапе версии происхождения названия Ötükän не получили признания, хотя часть из них содержала рациональное зерно.

На втором этапе поисков этимологии рассматриваемого слова внимание востоковедов было привлечено к материалам монгольских языков. Б. Я. Владимирцов и П. Пелльо одновременно обратили внимание на существование в этих языках слова, явно имевшего связь с древнетюркским Ötükän. Оно выступает в различных фонетических вариантах, в том числе и ötügen ~ etügen, означая, по Б. Я. Владимирцову, «боже-

ство земли», «сама земля, рассматриваемая как божественная» [2. С. 134].

Относительно первоначальной языковой принадлежности слова *ötügen* ~ *etügen* единого мнения у исследователей нет. Одни считают его тюркским заимствованием в монгольских языках (П. Пелльо), другие — собственно монгольским по происхождению. Последняя точка зрения обосновывается по-разному, и при этом чаще всего без учета предшествующих версий.

Различия наблюдаются уже в степени обоснованности и разработанности соответствующих этимологий. Одни из них сводятся к введению древнетюркского топонима в сопоставительный ряд, гомогенность которого практически никак не аргументируется (например, сопоставляются монгольское *ötel*- 'стариться', *ötөгü* 'старик, медведь', тюркское *ötügen* 'родина тюрков', тунгусское *ütü* 'старый' и т. п. [3. С. 149]. Другие ограничиваются тем, что уверенно возводят монгольское *etügen* к некоей производящей основе, в частности к старописьменному монгольскому *eüükü* 'давать начало' [4. С. 27] (ср.: совр. монг. *өдөх* 'затевать; побуждать; начинать что-либо').

Существуют, однако, этимологии, которые по сравнению с вышеприведенными выглядят более обоснованными, или, точнее, — более детализированными [2. С. 134; 5. С. 107—108; 6], хотя и не являются достаточно убедительными. Общим для них является то, что все существовавшие до сих пор попытки выявить этимологию древнетюркского *ötükän* и монгольского *ötügen* ~ *etügen* основывались на их сакральной семантике [8].

Сторонники мнения, согласно которому монгольское слово является тюркским заимствованием, обнаруживают такую семантику и у слова *ötükän* в отдельных древнерусских текстах, в частности в памятниках манихейского содержания, выражение *il ötükän quty(y)* в которых рядом исследователей, вслед за П. Пелльо, истолковывается как «богиня земли нации» или подобным же образом [10]. Но такое толкование отнюдь не является бесспорным, поскольку контекст не содержит определенного указания именно на это значение как на единственно возможное, и здесь нужно считаться с возможностью иной его интерпретации. Так, выражение *el (il) ötükän quty(y)* из фрагмента манихейского текста [11. С. 31] В. М. Насиловым переводится как «благодать Отюкенской страны» или «владыка (благодать) Отюкенской страны» [12. С. 55, 107], а словосочетание *el ötükän* в тех же манихейских текстах интерпретируется (правда, с сомнением) как название уйгурского каганата [13. С. 169. Ст. *el VI*]. Слово *ötükän* в этих текстах вполне может быть истолковано как топоним, название местности, хотя и явно обожествляемой (на этот раз уже древними уйгурами).

В открывке из текста, начинающемся словами *il Ötükän quty küç bigü jarlyqaduq ücün...* 'Ввиду того, что благодать Отюкенской страны соблаговолила дать силу...' (пер. В. М. Насилова), обожествление определенного географического объекта (и в силу этого — его названия) не означает еще, что последнее имело семантику типа «божество земли». Соединение такого значения в дальнейшем со звуковым комплексом *ötükän* было подготовлено всем ходом социально-исторического развития. Правда, сказать, на какой языковой основе — тюркской или монгольской — произошла смысловая трансформация слова, затруднительно [14]. Следовательно, можно не без основания предполагать, что сакральное значение бытующего в монгольских языках слова *ötügen* ~ *etügen* (а его, по-видимому, действительно следует считать тюркским

заимствованием) есть результат позднего переосмысления названия конкретного географического объекта, впоследствии обожествленного, и что первоначальная семантика слова *ötükän*, возможно, вообще была иной и не имела религиозно-мистической окраски. К сожалению, восстановить последнюю в настоящее время по материалам известных древнетюркских памятников невозможно, поскольку в них рассматриваемое нами слово встречается в основном в виде топонима [16] или одного из компонентов антропонимов [18]. Чтобы решить этот вопрос, необходимо обратиться к данным современных тюркских языков и их диалектов.

В первую очередь, необходимо принять во внимание данные по тоджинскому диалекту тувинского языка [19], в районе обитания носителей которого находится горная местность под названием *Одуген* (*Ö'dügen*, или *Ö'dügen-Тайга*). Названный топоним в различных орфографических вариантах встречается в ряде работ [21. С. 45; 1. С. 111 и след.; 22. С. 290—291; 23. С. 174—175 и др.]. Но в тоджинском диалекте имеется и нарицательное существительное, точнее, местный географический термин *ö'dügen*, записанный нами в 1972 г.

По сообщению некоторых информаторов, *ö'dügen* — это обширная территория среди гор с относительно ровной поверхностью, каменистой почвой, безлесная, но поросшая ягельником и служащая пастбищем для оленей. Иначе говоря, это участок горной тундры. *Ö'dügen* как имя собственное появилось в результате довольно распространенного перехода местного географического термина в топоним.

Другие носители тоджинского диалекта понимают значение слова *ö'dügen* шире: как наименование обширной безлесной равнины среди гор, для которой наличие ягеля необязательно.

Указанное слово тоджинского диалекта имеет соответствия — как близкие, так и отдаленные — в других тюркских языках и диалектах, например, тофаларское *ötügen* (*ö'tügen*) 'ровное широкое место на белках, удобное для пастбы оленей' [24. С. 215; 25]; *ödögön* 'впадины на склонах гор', зафиксированное в североалтайском диалекте черневых татар (туба-кижи), где оно употреблено в охотничьем заговоре [26. С. 64—65; 27. С. 141]; киргизское *ötök* 'горная впадина; ровное место в горах, на склоне горы (защищенное от ветра, а потому удобное для зимовки скота)' [28. С. 602]; уйгурское (Хами) *ötäk* 'впадина на склоне горы, где собирается скот' [29. С. 173]. Наконец, в якутском языке имеется слово *ütügän*, семантика которого по сравнению с вышеприведенными лексемами является более абстрактной и неопределенной. Э. К. Пекарским [30. З. 3195] это слово переводится как «неизвестная даль; земля, страна; пропасть, бездна», причем оговаривается, что перевод — приблизительный. В современном «Якутско-русском словаре» [30а] у слова *ütügän* из числа названных приведено только одно значение — «пропасть, бездна» (с пометой *миф.*), а на передний план выдвинуто следующее: «изрядный, порядочный, достаточный // изрядно, порядочно, достаточно, довольно много».

Приводимые выше слова имеют ряд общих моментов: все они, за исключением якутского *ütügän*, называют обширную местность, связанную с горным ландшафтом; эта местность может характеризоваться понижениями, углублениями, возможно, именно такая специфическая особенность рельефа в гипертрофированном виде отражена в значении якутского слова *ütügän* 'пропасть, бездна' [31].

Неслучайно в орхонских памятниках компонентами исторического Отоукена служат слова *jer* 'страна' и *juš* 'чернь', из которых первое указывает на обширность местности, второе, скорее всего, характеризует

ее рельеф. В связи с этим необходимо заметить, что общепринятый перевод слова *juš* как «чернь», т. е. «густой, хвойный лес, покрывающий горы» или «горы, покрытые таким лесом», исходящий из данных современных сибирских тюркских языков, применительно к языку древнетюркских памятников недостаточно оправдан, поскольку в них указанное слово могло иметь и другие значения. Так, согласно [13. С. 268], *juš* означало «нагорье с долинами, удобными для поселений», а, судя по приведенному в этом источнике примеру, — это «горная долина». Слово и его соответствия переводились также как «горное пастбище», «горы», «горная цепь, горный хребет» [33. С. 45]. Семантика слова *juš*, таким образом, обнаруживает заметное сходство со значениями слов современных тюркских языков, соотносительных с древнетюркским топонимом *Ötükän*. Поэтому можно допустить, что в древности *juš* и *ötükän* обозначали близкие понятия [34].

Общепризнано, что древнетюркский *Ötükän juš* находился на территории Монголии (на Хангайском нагорье — Хангае), хотя предпринималась попытка отождествить *Ötükän* с тоджинским Одугеном [1. С. 113; 22. С. 289], с чем трудно согласиться. Вызывает возражение и стремление того же автора «примирить» эти две точки зрения на местонахождение Отюкена, относя название *Ötükän* к «обширной горно-таежной области в Хангае и отчасти в Саянском нагорье, простирающейся от бассейна верхнего течения Селенги до верховьев Енисея и включающей один из северо-восточных районов современной Тувы» [35. С. 283].

Соответствие древнетюркского и современного тувинского названий местности свидетельствует в пользу высказанного в свое время (В. В. Бартольд) предположения о наличии в Центральной Азии нескольких хребтов или гор, называемых *Ötükän* (см.: [22. С. 289]).

В связи с этимологией слова *ötükän* привлекает внимание и топоним *Хангай*. Исходная семантика монгольского географического термина *хангай*, к которому возводится этот топоним, — «удовлетворяющий, насыщающий, исполняющий желания» [36. С. 26; 37. С. 590]. О Хангае говорится и как об «оптимальном природном ландшафте Монголии для жизни человека и ведения сельского хозяйства» [38. С. 249]. Нельзя не отметить определенную смысловую близость тюркского *ötükän* (как возможного географического термина) с монгольским *хангай*. По рельефу Хангай напоминает тоджинские одугены [39. С. 348].

Итак, древнетюркское *ötükän* представляло собой географический (орографический) термин или нечто близкое к последнему по своей семантике. Появление же соответствующего топонима было связано с переходом нарицательного существительного в собственное, хотя в последнем случае вероятно и преобладание, выразившаяся в переносе известного древнетюркского названия на новый географический объект.

Таким образом, первоначальное значение слова, к которому восходил древнетюркский топоним, логичнее представлять, опираясь в основном на материалы тюркских языков. Данные монголоязычных источников в этом отношении, скорее всего, вторичны.

Основываясь на данных тюркских языков и учитывая наиболее характерные специфические черты лексических значений приводимых выше слов, можно составить известное представление об их морфологической структуре. Бессспорно, древнетюркское *ötükän* и его современные соответствия, являясь словами многосложными, должны быть производными. При этом весьма вероятно, что исходной основой слова является основа глагольная, как и полагали авторы первых его этимологий. Наиболее правдоподобной из них представляется этимология, предложенная В. Бангом, который интерпретировал *ötükän* как «гору, имею-

щую проход», «проходную гору» [40], т. е. связывал это слово с глаголом *öt-*, имеющим, в частности, значение «проходить (через что-либо)». «миновать» и характерным для многих тюркских языков — как современных, так и древних.

Интересно, что эта этимология близка к наиболее распространенному объяснению происхождения слова *ö'dügen*, связываемому тувинцами-тоджинцами с глаголом *öt-[öt]* в том же значении. Местный географический термин *ö'dügen* они возводят к отглагольному прилагательному *ö'dügen*, образованному от основы *öt-* при помощи имеющегося в тувинском и других тюркских языках аффикса *-ууап ~ -igen* [41. С. 319 и след.] и используемому в значении «легко (или „обычно, часто, быстро...” и т. п.) проходимый».

Часть информаторов связывает *ö'dügen*, которое означает «быстро намокающий, промокающий (в ненастную погоду)», с глаголом *öt-* 'мокнуть, промокать'. Это прилагательное в любом случае должно было подвергнуться субстантивации. Действительно, среди образований на *-ууап ~ -igen* в тюркских языках есть и существительные, но, по имеющимся данным, они обозначают субъект, но не объект действия [41. С. 321] (именно такова категориальная семантика существительного *ö'dügen* и соотносительных с ним слов других тюркских языков).

Однако правомерность возведения этих слов к глаголу *öt-* в вышеприведенных значениях вызывает определенные сомнения, поскольку, судя по семантике данных номинаций, в них не содержится (и неизвестно, содержалось ли когда-нибудь) указание на существование какого-либо «прохода». Недостаточно убедительна и связь с глаголом *öt-* в значении «мокнуть, промокать», хотя эта версия более связана с такой особенностью тоджинского Одугена (горной тундры) и Хангая, как значительная влажность [39. С. 112, 348].

Точка зрения, согласно которой мы имеем дело с образованиями на *-ууап*, сомнительна в морфологическом и собственно структурном плане. Так, для указанного форманта характерен в основном озвонченный интервокальный заднеязычный согласный, а в древнетюркских памятниках он отмечен главным образом в варианте с начальным широким гласным [41. С. 319—320]. Поэтому вместо *ötükän* должно было быть нечто вроде **ötägän*.

С учетом приведенных выше двусложных слов (кирг. *ötök* и уйгур. *ötäk*) структура древнетюркского *ötükän* и соотносительных с ним трехсложных слов должна выглядеть иначе, чем это представляется в рассматриваемой версии. Они могут быть интерпретированы, в частности, как производные от двусложных имен типа **ötük*, которые реально интерпретировать как промежуточные производящие основы.

Вместе с тем глагол *öt-* представляется вполне реальной исходной производящей основой слова *ötükän*, если учитывать многозначность данного глагола и возможность того, что в древности в его смысловом объеме на первый план выступали совсем иные значения, нежели в настоящее время. Так, Махмуд Кашгари в своем словаре приводит *öt-* со значением «пробивать, просверливать» и т. д. Иными словами, его семантика была связана с нарушением цельности, монолитности материальных объектов, образованием углубления, появлением не заполненного горами пространства и т. д. Соотносительными с данным глаголом по своему лексическому значению нужно считать, в частности, древнетюркское *öt* 'нора' [13. С. 391] и более распространенные варианты с начальным узким гласным типа древнетюркского *üd ~ üt* 'отверстие, углубление' [13. С. 629] и его современных соответствий (см., напр.: [42. 1862]), в том числе и тувинского *üt* 'дыра; отверстие (малого размера)'.

Для первоначальной семантики слова ötükan существенно, вероятно, и то, что у глагола öt- и его соответствий в древних памятниках и современных тюркских языках отмечена семантика «жить, прожить», «проходить жизненный путь» [42. 1262]. Наконец, этот глагол имел значение типа «быть хорошим, замечательным» (судя по производному от него слову öte и подобным ему со значениями «очень, слишком, весьма» [43. С. 555]; ср.: азерб. ötä 'превосходный'), а также «извинять, миловать, прощать» [43. С. 555]. Не это ли в сочетании с другими указанными выше обстоятельствами способствовало появлению у ötügen ~ etügen сакральной семантики?

Морфологическую структуру существительного ötükan можно представить как öt- (α)k(α)n [44], где öt- — глагольная основа, -(α)k—распространенный аффикс, образующий отглагольные имена, а (α)n — формант, с помощью которого образуются отыменные существительные. Такая реконструкция основывается, в частности, на данных киргизского и уйгурского языков, где имеются слова ötök и ötäk, о которых говорилось выше.

Аффикс -(α)n, судя по всему, принадлежит к числу архаичных формантов. Считается, что он относится к числу уменьшительных, однако в отдельных словах, в структуру которых этот аффикс входит, находят, напротив, «значение увеличительности» [41. С. 172]. Возможно, что первоначально он служил для конкретизации значения производящей основы или имел сравнительное значение (оно именуется также «уподобительно-уменьшительным» [43. С. 42]), являясь вариантом форманта -γ(α)n, улавливающегося в отдельных древнетюркских именах; ср., например, агра 'ячмень' и аграуан 'растение, похожее на ячмень'; ügür 'просо' и ügürgän 'злаковое растение'; jügür 'просо' и jügürgün 'растение, похожее на просо'.

Этим же можно объяснить и появление значения увеличительности в некоторых словах на -(α)n. Возможно, такое значение имело и ötükan по отношению к *ötük; во всяком случае, компонент масштабности отмечается в семантике только первого из них.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Потапов Л. П. Новые данные о древнетюркском Ötükan // Сов. востоковедение. 1957. № 1.

² Владимирцов Б. Я. По поводу древнетюркского Ötüken jış // Докл. АН СССР. Сер. В. Л., 1929.

³ Рамstedt Г. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.

⁴ Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.

⁵ Бертагаев Т. А. Культовые значения корневого слова и его производные // Sprache, Schrift und Kultur der altaisch Völker. Berlin, 1973.

⁶ Из более поздних работ см.: [7. С. 88—91].

⁷ Кудайбергенов С. К семантике древнетюркского топонимического названия Ötüken // Изв. АН КиргССР. 1981. № 4.

⁸ Эта точка зрения проводится и в современной фольклористике (см.: [9. С. 199—200]).

⁹ Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов: (Проблема взаимосвязей) // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

¹⁰ А. Габен, в частности, истолковывает приводимое выражение как «mutterlicher Schulzeis! des Reichs» и склонна отнести топоним Ötükan к разряду существительных типа *birghan* 'Buddha', *tengrikän* 'Göttlicher' и т. д. [11. С. 60, 324].

¹¹ Gabain A. v. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.

¹² Насилов В. М. Древнеуйгурский язык. М., 1963.

¹³ Древнетюркский словарь. Л., 1969.

¹⁴ Если такое изменение и произошло на древнетюркской языковой основе, то оно должно было либо произойти довольно поздно, либо носить локальный характер, либо соединять то и другое, поскольку еще в источниках, относящихся к XI в. (словарь

Махмуда Кашгари, «Кутадгу билиг»), интересующее нас слово употребляется как топоним (см.: [13. С. 393; 15. С. 235]).

¹⁵ Radloff W. Das Kudatku Biliik. Spb., 1910. Th. 2.

¹⁶ То же следует сказать и о тех вновь найденных памятниках, где это слово фигурирует (см., в частности: [17. С. 120—122]).

¹⁷ Кляшторный С. Г. Новые эпиграфические работы в Монголии: (1969—1976 гг.) // История и культура Центральной Азии. М., 1983.

¹⁸ Возможно, ötükän как компонент личного имени типа ötükän temür [13. С. 393] восходил к рассматриваемому топониму.

¹⁹ Подробнее о нем см.: [20].

²⁰ Чадамба Э. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974.

²¹ Прокофьева Е. Д. Социалистические преобразования в Тодже // Учен. зап. Тув-НИИ яз., лит. и ист. Кызыл, 1954. Вып. 2.

²² Потапов Л. П. О народе Бёклийской степи // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.

²³ Вайнштейн С. И. Тувицы-тоджинцы. М., 1961.

²⁴ Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

²⁵ Приводимый в скобках вариант (с фарингализованным гласным) отмечен в рукописи составленного В. И. Рассадиным словаря тофаларского языка.

²⁶ Баскаков Н. А. Диалект черневых татар (туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. М., 1966.

²⁷ Он же. Диалект черневых татар (туба-кижи): Тексты и переводы. М., 1966.

²⁸ Киргизско-русский словарь / Сост. К. К. Юдахин. М., 1965.

²⁹ Малов С. Е. Уйгурский язык: Хамийское наречие. М.; Л., 1954.

³⁰ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, 1959.

^{30а} Якутско-русский словарь. М., 1972.

³¹ Ср. также из [32. С. 127—135] интересное, но спорное истолкование якутского слова в духе сексуальной символики.

³² Lot-Falck E. Utügän ches les Yakut // Res. in altaic languages / Ed. by L. Ligeti. Budapest, 1975.

³³ Севортян Э. В. Тюркские этимологии // Теория и практика этимологических исследований: Материалы к ЭСТЯ. М., 1988.

³⁴ К подобному заключению пришел и С. Кудайбергенов, но он исходил из того, что juš имело значение «чернь», а ötükän — «густой, частый», так как сближал последнее с монгольским ötgön, бурятским üdхен (ср. также старописьменное монгольское ödken) в том же значении. Однако если даже допустить подобное смешанное (монгольско-тюркское) происхождение Ötükän juš, то остаются неясности фонетического характера. В частности, тувинское Одуген (точнее — Ö'dügen) никак не может представлять собой «переходную ступень превращения монг. ötügen в название местности древнетюркского Отюкен», как полагает Кудайбергенов [7. С. 90—91], и в целом возведение ötükän к ödken ~ ötügen есть натяжка. Ödken, помимо того, и в плане семантики плохо связывается со старомонгольским eügen ~ ötügen.

³⁵ Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.

³⁶ Казакевич В. А. Современная монгольская топонимика. Л., 1934.

³⁷ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

³⁸ Он же. Очерки топонимики. М., 1974.

³⁹ Он же. Монгольская Народная Республика. М., 1952.

⁴⁰ Приводится по работе [1. С. 109].

⁴¹ Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.

⁴² Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1893. Т. 1.

⁴³ Он же. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.

⁴⁴ Знаком *a* обозначается соединительный гласный, который может быть как широким, так и узким.

В. А. БУШАКОВ

К ЭТИМОЛОГИИ ТУРЕЦКОГО СЛОВА ÇELEBİ

Изучением происхождения турецкого слова *çelebi* '(благо)воспитанный, вежливый, деликатный; челеби, господин (о уважаемом человеке); челеби (титул главы ордена дервишей Бекташи и ордена дервишей Мевлеви)' [1. С. 178] занимались многие исследователи. В «Записках Восточного отделения императорского Русского археологического общества» о нем писали В. Р. Розен (т. XI, XVII), П. М. Мелиоранский (т. XV, XVII), Ф. Е. Корш, К. Г. Залеман и В. А. Жуковский (т. XVII), В. Д. Смирнов [2], а также Н. Я. Марр [3]. Статью «Çelebi» для «Энциклопедии ислама» [4] написал В. В. Бартольд [5]. Большое внимание этому слову уделил К. Г. Менгес в книге «Восточные элементы в „Слове о полку Игореве“» (1951) [6. С. 176—180]. И совсем недавно в «Советской тюркологии» была опубликована статья К. А. Жукова «Еще раз о слове „челеби“» [7], название которой перекликается с названием статьи Н. Я. Марра.

Впервые титул челеби 'происходящий из благородных' [6. С. 177] засвидетельствован у малоазиатских сельджуков около 1284 г. [7]. К. Г. Менгес считает, что «çälâbi вовсе не тюркское слово, а его этимология совершенно не ясна». Из турецкого оно было заимствовано в гагаузский, азербайджанский и чагатайский языки [6. С. 176].

П. М. Мелиоранский, Н. Я. Марр и В. В. Бартольд сближали тур. *çelebi* 'господин' с тур. *şalar (-bi)* 'бог, господь', заимствованным из перс. *şālīb* 'крест', которое восходит к сир. *şalībā* (араб. *شاليب* *şalīb*) 'крест'. Сторонником этой гипотезы, видимо, является и К. А. Жуков.

По мнению К. Г. Менгеса, местом и временем проникновения сир. *şalībā* в тюркские языки могла быть «область Эдессы и сирийских монастырей на Турабдин в эпоху завоевания Северной Сирии и Восточной Анатолии огузами и сельджуками в конце XV в.» [6. С. 179].

Фиксация термина *çelebi* в Малой Азии в XIII в., т. е. после монгольских завоеваний, наталкивает на поиск его прототипа в древнемонгольской титулатуре, в которой представлен придворный сан *черби*, упоминаемый в «Сокровенном сказании» [8] и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина [9].

В «Сокровенном сказании» говорится о назначении Чингис-ханом чербиев (*čerbi*): «Он составил тысячи и поставил ноионов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил шесть чербиев, а именно: Додай-черби, Дохлаху-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Сюккету-черби». Турхаудами (ночной стражей, состоящей из 70 человек) Чингис-хан повелел управлять Оголе-чербию вместе с Худус-Халчаном [8. § 191. С. 144]. Тулун, получивший сан чербия «за собиране царства», и его отец Турухан правили отдельной тысячей [8. § 212. С. 164].

Придворные дамы-чербин (*ordo-in čerbin okit*) вместе с домочадцами, верблюдьми пастухами-темечинами и коровьими пастухами-

хукерчинами подчинялись кебтаулам (ночной страже, состоящей из 80 человек) [8. § 232. С. 173].

Чербии, ведавшие военными делами, распоряжались кебтаулами, кебтаулы совместно с чербиями распределяли ткани. Турхаудами командовали Додай-чербий, Дохолху-чербий и Чанай. «Додай-чербий, управляя дворцовыми делами, заведует также и всеми окружающими дворец кешиктенами-турхаутами, дворцовыми домочадцами, овчарами, верблюжьими и коровьими пастухами. Заведуя всем этим, Додай-черби распоряжается в тылу. Он, как говорится, „отбросом питается, конским пометом отопляется”» [8. § 233. С. 173—174].

Сведения о чербиях (چربی) имеются и в «Сборнике летописей» персидского историка Рашид ад-Дина. Эмирами, командовавшими у Чингис-хана тысячами, по Рашид ад-Дину, были Тулун-Чэрби и Сукэту-Чэрби из племени конкотан (Толун-черби и Суюкету-черби в «Сокровенном сказании»), Доклоку-Чэрби из племени арулат и Околэ-Чэрби из племени сунит (Дохолху-черби из племени манхунд и Оголен-черби из племени арулад в «Сокровенном сказании» [8. § 120. С. 107]) [9. Кн. 2. С. 268, 272, 273]. Тулун-Чэрби и Сукэту-Чэрби были сыновьями Мунлик-эчигэ, который был мужем Оэлун-экэ, матери Чингис-хана [9. С. 268, 270].

Рашид ад-Дин сообщает, что в Иране (!) обитали потомки Сукэту-Чэрби [9. Кн. 1. С. 168; кн. 2. С. 268].

На основании упомянутых выше сведений из «Сокровенного сказания» и «Сборника летописей» Рашид ад-Дина можно сделать вывод, что термин *челеби* (= *черби*) проник в Переднюю Азию (сначала в Иран, затем в Анатолию) в результате монгольского завоевания. Монгольское государство Хулагуидов (или ильханов) просуществовало в Иране с 1256 до 1353 г.

Из монгольских языков термин *черби* не этимологизируется. Рашид ад-Дин объяснял, что слово «чэрби значит „чистосердечный” и „искренний”» [9. Кн. 2. С. 272]. Возможно, он связывал его с монгольским прилагательным *ᠰeβeγ* (халха-монг. *цэзэр*) ‘чистый, красивый, прекрасный; безупречный, незапятнанный’.

Можно предположить, что *čelebi* и *čerbi* фонетически относятся друг к другу, как древнемонг. *tälägän* ‘повозка’ и *tärgän* — то же, встреча-

ющиеся в «Сокровенном сказании», ср.: древнерус.

стельга

заимствованное из монгольского, и халха-монг. *tэрэг* (*tэргэн*) ‘телега, повозка’. К. Г. Менгес указывает, «что этимология древнемонг. слов *tälägän* и *tärgän* остается неизвестной. Это не заимствования из тюркского, однако их родственные монгольские формы отсутствуют» [6. С. 141]. Известен, например, язык-источник монг. *keγem* (*kermen*) ‘крепость, крепостной вал, крепостная стена’ и тюр. *كرمان* *germen*, *kermen*, *kirman* ‘крепость’.

В «Древнетюркском словаре» с монг. *keγem* (*kermen*) сопоставлено древнетюрк. *keγäm* ‘землянка’ [10. С. 300], отнесенное Махмудом Кашгари (X в.) к языку верхних и нижних чинов (сип Китай) [10. С. 646]. С 945 по 1125 г. на территории Северного Китая существовала киданьская империя Ляо. И слово *keγäm*, возможно, было заимствовано тюрками из киданьского, относящегося к монгольским языкам.

Čelebi, *čerbi*, *tälägän*, *tärgän* и *keγem* (*kermen*) относятся к словам, которые легко заимствуются из языка в язык, поэтому поиск их языка-

источника сопряжен с немалыми трудностями. При этимологизации таких слов редко удастся выйти из круга предположений.

Многие титулы в тюркских и монгольских языках заимствованы из китайского [11]. В древнетюркский из китайского заимствованы титулы *beg*, *tajši* (монг. *тайж*, *тайз*), *qan* (монг. *ван*), *sañu* (монг. *жан-жин*), *tutung*, *qaγan* (монг. *хаан*), *taγan* (монг. *дархан*), *tegin* [12. С. 57—70; 13]. Монгольский титул *čegbi* сопоставим с кит. *qiānfū* (цзяньфү) 'тысяцкий; цзяньфу (седьмой из титулов для заслуженных военачальников, династия Хань)' [14. С. 824].

Иероглиф, обозначающий *qiān* (цзянь) 'тысяча', в среднекитайском читался как *sēp* (цэнь) [15. С. 166]. Кит. *-n* в тюркском (и, видимо, в монгольском) в ранних заимствованиях передается через *-r* [12. С. 61, 71], что позволяет видеть в компоненте *čeg-* монгольского *čegbi* среднекит. *sēp* (цэнь) 'тысяча'.

Иероглиф *fū* (фү) 'муж, супруг; муж, мужчина; сановник' в среднекитайском читался как *piō* (пио) [15. С. 51]. Среднекит. *piō* (пио) в монгольском дало *bi*, ср.: тюрк. *beg* 'правитель, вождь, бек' < среднекит. *βək* (совр. *bó*) 'бо (наследственный титул знати 3-го и 5-го высших классов в старом Китае); граф' [12. С. 58; 15. С. 95].

Таким образом, монгольский титул *čegbi* может восходить к китайскому *qiānfū* (цзяньфү). Посредником между монгольским и китайским языками мог быть киданьский. Подобно монгольскому *tārgān* ~ *tälägān* титул *čegbi*, вероятно, имел вариант *čelebi, который сохранился в османско-турецком языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Турецко-русский словарь. М., 1977.
2. Смирнов В. Д. Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. *Salerinus Cyrgiscelebes* // Зап. Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва. Спб., 1907. Т. 18.
3. Март Н. Еще о слове «челеби» // Там же. 1911. Т. 20, вып. 1.
4. Enzyklopaedie des Islām: Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker. Leiden; Leipzig (1908), 1913—1934. Bd. 1—4.
5. Бартольд В. В. Челеби // Сочинения. М., 1968. Т. 5.
6. Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
7. Жуков К. А. Еще раз о слове «челеби» // Сов. тюркология. 1987. № 6.
8. Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. Юань-чао-би-ши. М.; Л., 1941. Т. 1.
9. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 1 и 2.
10. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
11. Ramstedt G. J. Alte türkische und mongolische Titel // J. Soc. Finno-Ougrienne. Helsinki, 1951. Т. 55.
12. Шервашидзе И. Н. Фрагменты общетюркской лексики: Заимствованный фонд // Вопр. языкознания. 1989. № 2.
13. Монгольско-русский словарь. М., 1957.
14. Большой китайско-русский словарь. М., 1983. Т. 2.
15. Ким С. Ф. Фонетический словарь китайских иероглифов. М., 1983.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. А. БАСКАКОВ

ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ МЛАДОПИСЬМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Историческая грамматика каждого конкретного языка имеет своей целью изучение закономерностей развития общей грамматической структуры данного языка и становления отдельных его грамматических категорий и форм.

Исторические исследования по отдельным языкам и разработка исторической грамматики, истории литературных языков, истории отдельных тюркских языков в связи с другими тюркскими языками требуют прежде всего предварительных специальных исследований по исторической периодизации функционального развития всех тюркских языков, с одной стороны, и установления исходного периода истории каждого тюркского современного языка — с другой, а также исследований, определяющих структуру и архитектуру самой грамматики как системы явлений и форм языка.

Особо сложной задачей является разработка исторической грамматики тюркского языка, не имеющего длительных традиций письменности. Существующие концепции о том, что для некоторых младописьменных языков возможно признание в качестве источников так называемых «устных литературных языков», сохранивших якобы в эпических произведениях данного народа древние черты языка, могут быть приняты условно, так как устный язык произведений народного творчества, в том числе и крупных эпических поэм, не в полной мере отражает хотя бы и частично обработанные черты какого-то общего наддиалектного койне, характерного для той или иной древней эпохи, и зависит в значительной степени от современного исполнителя, как правило, всегда сохраняющего диалектные особенности своего устного языка. В этом отношении следует более четко разграничить: 1) письменный литературный язык, имевший и имеющий письменность, последовательное по всем уровням языка нормирование и разветвленную стилистическую дифференциацию; 2) наддиалектное устное койне фольклора, и в частности эпического творчества, всегда сохраняющего некоторые элементы диалектных особенностей, с относительным нормированием и частичной стилистической дифференциацией; 3) устная диалектная речь и просторечье. Что же касается некоторых эпических произведений, например «Деде Коркуд» или «Кероглу» и т. п., зафиксированных в более раннюю эпоху в письменности некоторых тюркских народов, то последние могут служить источником, отражающим соответствующие особенности языка того периода, в который они были зафиксированы в письменности. Эпи-

ческие же поэмы, сохранившиеся в устах современных сказителей, не могут быть квалифицированы как памятники древнего письменного языка.

Вместе с тем проблема создания истории каждого тюркского языка и его исторической грамматики все же существует, и тюрколог должен найти те или иные средства и методы ее воссоздания. Следует, однако, отметить, что до настоящего времени в работах по истории тюркских языков смешиваются такие принципиально различные методы и приемы исследования, как сравнительно-исторический и историко-типологический методы, с одной стороны, и методы, связанные с разработкой исторической грамматики и истории литературных языков — с другой. Если исследования по истории развития структуры данного языка характеризуются, прежде всего, анализом внутренних законов развития языка и формирования его фонетической, грамматической и лексической структуры, процессов постепенного их изменения и закономерностей их эволюции, не связанной прямым образом с историей их народов, то исследования по истории функционального развития литературных языков и периодизации формирования всей семьи или группы родственных языков, функциональной их значимости и взаимной связи хотя и не прямолинейно, но связаны с историей соответствующих народов.

Таким образом, существует как бы два аспекта изучения истории языка. Первый аспект — изучение структурной истории языков как объекта языкознания, не связанного с историей данного народа. Этот аспект истории языка направлен на изучение внутренних закономерностей развития его структурных сторон: фонетических, морфологических, синтаксических, лексических и прочих изменений. Второй же аспект — аспект, касающийся в большей степени развития того или иного литературного языка или той или иной группы языков в функциональном плане, формирования языков в связи с консолидацией племенных языков, процессов их дифференциации и интеграции. Этот аспект более тесно связан с историей народов — их носителей.

В то же время элементы того и другого аспектов как бы перекрещиваются между собой, а следовательно, изучение того и другого аспектов — необходимо. Задача тюрколога заключается в нахождении определенных приемов наложения этих основных координат изучения истории языка.

Итак, историческая грамматика каждого языка имеет своей основной целью изучение закономерностей развития общей фонетической, грамматической и лексической структуры данного языка и становления и развития отдельных его явлений и грамматических категорий.

Структурная история языка — одна из сложных задач, особенно для языков, не имеющих длительных традиций развития литературных их форм, т. е. при отсутствии более или менее древних письменных памятников, определяющих постепенное развитие данного языка. Если для языков, сохранивших литературные письменные источники, задача разработки исторической грамматики состоит из последовательного сопоставления грамматических форм и их значений и определения закономерностей этих изменений по разновременным памятникам письменности, то для младописьменных языков эта задача усложняется отсутствием этих источников.

Для исторической грамматики младописьменных языков, письменные литературные памятники на которых отсутствуют или весьма ограничены хронологически, главным и основным источником являются диалектные материалы, сохранившие некоторые особенности и различия по всем уровням языка. Не менее важным источником является сопо-

ставительно-типологическое изучение различного рода синонимических, синтаксических конструкций и морфологических показателей грамматических категорий, встречающихся в живом разговорном и литературном письменном языках, которые, будучи рассматриваемы в ретроспективном плане, могут служить объективными фактами исторического развития той или иной конструкции или формы. Далее, в качестве вспомогательных источников могут быть использованы также данные эпического народного творчества и других видов фольклора, сохранивших окказионально некоторые архаические черты данного языка и соответственно некоторые формы основных категорий словообразования и словоизменения. Наконец, последним — косвенным источником могут служить генетические и типологические сопоставления форм словообразования и словоизменения с ближайшими родственными языками как в литературных их формах, так и в соответствующих диалектах и народных формах словесного творчества.

Вместе с тем структура исторической грамматики тесно связана со структурой и архитектурой теоретической описательной грамматики синхронного плана, которая, для современного состояния имея обычно схемы, общие с русской грамматикой и элементами грамматической структуры арабского и персидского языков, до сих пор не получила единого научно разработанного стандарта, учитывающего специфику тюркских языков, и требует пересмотра основных принципов ее построения.

Так, в области синтаксиса в тюркском языкознании, по существу, нет единых определений предложения, словосочетания и их структурных элементов, не говоря уже об их едином теоретическом осмыслении.

Как известно, не только в тюркских языках, но и в индоевропейских, и в том числе в русском языке, сказуемое предложения возводится к причастной форме глагола, хотя при этом и не объясняется в должной степени первичность формы в составе сказуемого, в то время как это объяснение легко может быть представлено фактами тюркских языков, сохранивших все ступени развития словосочетания, лежащего в основе сказуемого, от более древней и полной его формы до стянувшейся в единую финитную форму.

Не установились пока в тюркском языкознании и общие взгляды на природу и состав частей речи в тюркских языках. Сочетание семантических, морфологических и синтаксических признаков для определения частей речи не дает удовлетворительных результатов. Наиболее приемлемое решение может быть осуществлено при условии классификации всех частей речи в двух координатах — в лексико-семантическом плане на два основных класса знаменательных частей речи: 1) имен с разрядами: а) предметно-качественных (существительное, прилагательное и наречие); б) количественных (числительное); в) заместительных (местоимение); 2) глаголов, а также служебных частей речи (частицы, послелоги и союзы) с особым классом звукоподражательных и образоподражательных слов (междометия и мимемы) и в функциональном плане на два основных класса: 1) субстантивов и 2) атрибутивов: а) адъективных и б) адвербиальных.

С вопросом о частях речи тесно связан вопрос о границах словообразования и словоизменения. Основными критериями установления всех классов морфем словообразования служит семантика тех словообразовательных моделей, которые образуются посредством присоединения этих морфем к корневой морфеме, а именно: с одной стороны, могут быть определены морфемы, которые способствуют изменению лексического значения данного слова, а с другой — морфемы, изменяющие только отношения, которые определяют функцию данного слова в сос-

таве предложения или словосочетания. К первой группе могут быть отнесены морфемы-аффиксы лексико-семантического словообразования, определяющие тот или иной класс понятий: статических — имен и динамических — глаголов (аффиксы, конвертирующие имя в глагол или глагол в имя) и морфемы-аффиксы, уточняющие значение слов без перехода их из одной части в другую (аффиксы, модифицирующие значение слова). Ко второй же группе относятся морфемы-аффиксы функционально-грамматического словообразования, образующие модели, которые определяют функциональное назначение данной модели в составе предложения или словосочетания, но пока без определения синтаксического их отношения, а именно модели с субстантивным значением, например имена существительные и другие в именах и масдар—в глаголах, и модели с атрибутивным значением: а) адъективным, например имена прилагательные в именах и причастия — в глаголах и б) адвербиальным, например наречия в именах и деепричастия—в глаголах.

Особенно спорным вопросом в отношении определения границ между словообразованием и словоизменением является вопрос о категориях вида, залога, наклонения и времени глагола, которые в большинстве грамматических исследований как по тюркским, так и по другим языкам обычно относятся к категориям словоизменения и реже — к так называемому формообразованию, хотя они по своему существу являются, безусловно, категориями словообразования, поскольку сами по себе без оформления аффиксами словоизменения или аффиксами функционального словообразования не выражают синтаксических отношений каких-либо членов предложения или словосочетания; ср., например, словообразовательные модели вида *ат-* 'бросать, стрелять', видовую форму *ат-кы-ла-* 'бросать, стрелять много раз, постреливать' или залог *жаз-* 'писать', *жаз-дыр-* 'заставить писать', которые аморфны в отношении словоизменения. Что же касается категорий наклонения и времени, то они, как известно, в тюркских языках являются категориями, присутствующими и сопутствующими только одной функциональной форме глагола — причастию, и формальное их выражение совпадает с аффиксами, образующими соответствующее причастие, ср., например: *ал-ган* 'взявший' (форма причастия прошедшего времени изъявительного наклонения) или *ал-са* 'если возьмет' (форма причастия настоящего времени условного наклонения, исторически происходит из $\langle ал-са \langle ал-сар \langle ал-ыг-сар-ар \rangle$) и пр.

Учитывая необходимость строгого отграничения словообразования как процесса производства новых слов с измененным значением от категорий словоизменения, выражающих только отношения слов в составе предложения или словосочетания, без изменения лексического значения слова, к последним могут быть отнесены следующие категории: 1) категории числа и лица — выражающие отношения подлежащего и сказуемого; 2) категория принадлежности — выражающая отношения определения и определяемого и 3) категория падежа, выражающая отношения дополнения и сказуемого.

Итак, теоретическая и историческая грамматика, с учетом всего вышеизложенного, могла бы быть представлена следующей схемой:

1. Примат синтаксической структуры в отношении других уровней и порядок исследования и последующего изложения от синтаксиса к морфологии и от морфологии к фонологии и фонетике.

2. Основные единицы языка: предложение, словосочетание и слово как реализация в языке основных актов мышления: предикации, атрибуции и номинации.

3. Структура тюркского предложения — типы и модели. Природа субъекта, предиката и объекта. Определение предложения и его конструктивных элементов: подлежащего и сказуемого с дополнением. Эволюция развития предложения и его основных членов. Природа связки.

4. Структура тюркского словосочетания: а) детерминативного и б) притяжательного — основные их типы и модели. Определение словосочетания и его конструктивных элементов: определения и определяемого и их природа. Обратимость притяжательного словосочетания и предложения. Трансформация предложения в словосочетание и словосочетания в предложение. Эволюция развития словосочетания.

5. Структура тюркского слова и механизм агглютинации. Изоморфизм слова и словосочетания. Корневые и аффиксальные морфемы и их иерархия. Процессы корнеобразования и аффиксообразования.

6. Части речи и их функциональные формы. Классификация частей речи по двум координатам: семантике и функции. Морфология как выражение лексических (словообразование) и синтаксических (словоизменение) отношений.

7. Словообразование лексико-семантическое — конвертирующие и модифицирующие значение слова аффиксы. Словообразование функционально-грамматическое — субстантивация, адъективизация и адвербиализация и соответствующие аффиксы функционального словообразования.

8. Основные словоизменительные категории: числа, принадлежности, падежа и лица и соответствующие аффиксы словоизменения.

9. Проблемы морфосинтаксиса, морфоморфологии, морфосемасиологии и морфофонологии.

10. Фонология и фонетика.

Историческая грамматика должна быть разработана по этой же схеме последовательности уровней с теми существенными различиями, которые определяют ее диахронические задачи.

Основная задача исторической грамматики каждого тюркского языка — изучение внутренних закономерностей развития синтаксических, морфологических и фонологических категорий начиная с самого древнего среза, исторически доступного и зафиксированного в соответствующих источниках и диалектных системах как данного языка, так и языков, наиболее близких генетически к данному языку, в фольклоре, а также в различного рода синонимических явлениях отдельных уровней языка, последовательность развития которых может быть установлена путем ретроспективного типологического анализа.

Для каждого грамматического явления устанавливается путем ретроспективного типологического анализа, с опорой на реальные факты, наиболее древняя синтаксическая или морфологическая модель, развитие которой и прослеживается на доступном для данного языка фактическом материале. Отличие этих исходных моделей от архетипов сравнительно-исторической грамматики заключается в том, что они представляют собой реальные факты, существующие в том или ином историческом источнике данного языка.

К процессам, характеризующим историческое развитие синтаксических и морфологических категорий, могут быть отнесены: 1 — процессы постепенного перехода категорий и их форм от аналитических к синтетическим; 2 — процессы последовательного перехода форм словообразования и словоизменения от конкретных значений лексических сочетаний к абстрактным грамматическим формам; 3 — процессы элиминирования некоторых формальных показателей и превращение в нулевые формы в их противопоставлении формам маркированным; 4 — процессы

дифференциации и выделения систем словообразования и словоизменения по конкретным языкам и диалектам и приобретение специфических особенностей, отличающих системы одного языка или диалекта от систем других языков и диалектов.

Одним из сложных вопросов разработки исторической грамматики для младописьменных языков является вопрос о воздействии на их развитие адстратных и субстратных языков, а также других, исторически связанных с развитием данного языка, например языков арабского и персидского, на западные младописьменные языки и монгольского и тунгусских языков на восточные тюркские языки. И, наконец, воздействие русского языка на развитие тех и других начиная с XIX в., и главным образом — после Великой Октябрьской социалистической революции.

Н. Э. ГАДЖИАХМЕДОВ

**СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ ГЛАГОЛА
В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ**

Коммуникативная функция языка на уровне морфологии выработала различные синтетические и аналитические средства выражения модальности. Среди них ведущим способом выступает категория наклонения. Вопрос о категории наклонения в кумыкском языке — один из актуальных вопросов изучения его грамматического строя — освещен недостаточно полно и нуждается в дальнейшей углубленной разработке [1]. На наш взгляд, современный кумыкский язык дает богатый и разнообразный материал для дальнейших размышлений о структурно-семантической и функциональной организации тюркского глагола. В связи с этим представляется весьма актуальным дальнейшее изучение глагольной модальности в широком спектре морфологических средств ее выражения и обозначаемых ими грамматических значений на материале именно этого языка [10; 11].

В настоящей статье впервые предпринята попытка выявить наряду со средствами выражения сослагательности в кумыкском языке функциональную суть языковой семантики исследуемого наклонения, ее коммуникативного предназначения, а также системных связей между семантемами.

Принцип образования форм сослагательного наклонения довольно прост и является общим для всех тюркских языков: комбинируются средства выражения будущего и прошедшего времени, вследствие чего форма сослагательного наклонения обычно получает наименование будущего в прошедшем [12. С. 117; 13. С. 68]. Исследуемое наклонение в кумыкском языке представлено финитными сложновербальными морфологическими формами, в структурной организации которых важную роль играют вспомогательные глаголы *эди* и *буса* (*болса*). При спряжении аффиксы лица и числа на общих основаниях принимают лишь замыкающие компоненты вспомогательных глаголов.

Под сослагательным наклонением нами понимается группа сложновербальных конструкций, выражающих главным образом ирреальное действие как предположение или суждение говорящего о его вероятности при определенном условии или уступке, а также желательности вне условия при «самостоятельном» употреблении [14. С. 294]. Безусловно, узואальным в семантической сущности конъюнктива является гипотетичность репрезентируемого глагольной основой действия. Однако сама гипотетичность события пропускается через сознание говорящего или субъекта действия, через его волю, чувства, знания, желания, возмож-

ности, стремления и т. д. Каждая из этих граммем дополняет узуальное значение гипотетичности специфическим семантическим оттенком. Так, например, «воля + гипотетичность» формируют коннотативный оттенок убежденности говорящего в том, что потенциальное действие осуществилось бы в прошлом: *Хайлы ойлашып, кзарп: «Къычырып алар эдим, къулум!» — деди* (Ш. Альбериев) 'После долгого раздумья старик сказал: «Я бы криком взял, друг»'; «чувство + возможность» образуют субъективную семантему, которая обусловлена желанием говорящего, выраженным эксплицитно: *Сиз де гелгенни сюер эдим* 'Я бы хотел, чтобы и вы пришли'.

Наиболее употребительными в морфологической системе сослагательного наклонения являются известные во многих тюркских языках сложновербальные конструкции *-ар эди* и *-ажакъ эди*. По мнению И. А. Керимова, формой *-ар эди* в кумыкском языке обозначаются действия, которые при известных условиях могли бы быть совершены в прошлом, но фактически не осуществились [15. С. 21]. Подобная точка зрения существует и во многих других тюркских языках. Однако отмеченное значение не единственное в функционально-семантической сущности *-ар эди*. Судя по материалу современного кумыкского языка, рассматриваемые грамматические формы, сопряженные с формами условного наклонения, обозначают действия, не локализуемые во времени, — во всяком случае, они репрезентируют действия, отнюдь не относящиеся к плоскости прошедшего. Например: *Сен ёкъ ерде хшавумну къурмас эдим мен...* 'На том месте, где тебя нет, я бы не строил свою жизнь'; *Мени ёлгъа салсагъыз, мен гетер эдим* (Р. Расулов) 'Если бы вы меня провожали, я бы ушел'; *Ёлдаш гысапда магъа аркъа таягъанынгны сюер эдим* (Ш. Альбериев) 'Я бы хотел, чтобы ты как друг опирался на меня'.

Будучи несопряженной с другими глагольными формами, *-ар эди* обозначает прошедшее континуативное и итеративное действие: *Шанжалгъа олтурар эди, эшитгенин, гёргенин хабарлар эди* 'Бывало, он садился на стул и рассказывал о том, что видел и слышал'. Материалом современного кумыкского языка подтверждается мысль о том, что «значение сослагательности тесно связано со значением обычности и возникает из последнего. Здесь сослагательное наклонение как бы сосуществует со значением обычности» [16. С. 146].

Континуативность и итеративность рассматриваемой грамматической формы объясняются тем, что причастие *-ар* выражает длительность, обычность, постоянство, привычки, желания, стремление к совершению данного действия [17. С. 426]. Для кумыкского языка характерен главным образом оттенок желания, стремления субъекта к совершению данного действия: *Мен ону ягъына буссагъат гетер эдим, — деди ол* (И. Керимов) 'Я бы к нему хоть сейчас уехал, — сказал он'.

Как легко заметить из приведенных примеров (типичных и для других тюркских языков), действие, обозначаемое грамматической формой *-ар эди*, рассматривается с точки зрения гипотетичности; время же, когда оно происходит, равно как и степень его гипотетичности, уточняется, когда это нужно, лингвистическим контекстом или экстралингвистической ситуацией речи, а не самой формой [18. С. 251—252]. В отрыве от лингвистического контекста выражаемое формой *-ар эди* действие локализации во времени не поддается.

В случае сопряженного употребления формы *-гъан буса с -ар эди* и *-ажакъ эди* последние выражают гипотетическое действие в плоскости прошедшего: *Амма арба гелген буса, уьуне арымай сама барар эдилер* (М. Хангишиев) 'Если бы подъехала арба, они бы добрались

домой не очень уставшие'. Поскольку действие относится к ретроспективной плоскости и условие противоречит существующим фактам, то и следствие мыслится как ирреальное и выражается аналитическими формами *-ар эди* и *-ажакъ эди*. Говорящий заведомо знает, что условие не соответствует действительным фактам, а пресуппозиция заключена в протазисе и имеет смысл, обратный тому, о чем говорится: возникает представление о некоей ирреальной ситуации, например: *арба гелген буса..*, являющейся антиситуацией по отношению к реальному положению вещей, т. е. *арба гелмеген* [З. С. 60]. На наш взгляд, индикатором указанных семантических оттенков является сама форма сослагательного наклонения. Это подтверждает и тест на сопряженное употребление *-гъан буса* с другими грамматическими формами глагола.

Характеризуя семантику грамматической формы *-ажакъ эди* в системе изъявительного наклонения, И. А. Керимов указывает, что неопределенный имперфект 2 выражает действие, которое при известных условиях должно было бы быть совершено в прошлом. Далее он отмечает, что данная форма отличается от *-ар эди* своей категоричностью. Она не предполагает, как имперфект 1, а категорически утверждает осуществление действия в прошедшем времени при определенных условиях [15. С. 22—23]. Подобное определение следует признать неполным. Прежде всего, бросается в глаза признак нереализованности обозначаемого рассматриваемой формой ретроспективного действия, и потому семантика может быть охарактеризована как кондициональная нереализованная. Например: *Баягъонокъ да гетежек эдик, минне зат тюшмей* (И. Ибрагимов) 'Давным-давно уехали бы, однако транспорта нет'. Кроме того, при более тщательном анализе выясняется, что *-ажакъ эди* может обозначать не только гипотетическое действие в плоскости прошедшего, но и предположение о возможности или невозможности действия при наличии условного предположения в будущем. И это значение встречается относительно чаще, чем предыдущее. Например: *Сиз шонда турмагъа болсагъыз, элтежек эдим* (А. Къадыров) 'Если бы вы могли жить там, я бы отвез'; *Ол сизин Аполлонну гёрсе, ону портретин этежек эди* (Р. Расулов) 'Если бы он увидел вашего Аполлона, он бы сделал его портрет'.

Мы не можем согласиться с А. А. Юлдашевым, который в «самостоятельном» употреблении формы *-ажакъ эди* видит должностное значение, сводящееся к констатации того, что обозначаемое действие в прошлом подлежало выполнению как долг: *Агазал алтын медаль алажакъ эди* (А. Абульгасан) 'Агазал должен был получить золотую медаль' [18. С. 264]. В приведенном примере рассматриваемая глагольная форма выражает уверенность говорящего в том, что ирреальное гипотетическое действие неизбежно имело бы место в прошлом, и предложение следует перевести как 'Агазал получил бы золотую медаль'.

В системе сослагательного наклонения кумыкского глагола наряду с бивербальными формами, имеющими точечно-однократное аспектное содержание, представлены и сложновербальные конструкции континуативно-итеративного аспекта; это *-а/-ып турар эди* и *-а/-ып туражакъ эди*. Вспомогательный глагол *тур-* придает данным формам только аспектуальное значение. Сложновербальные конструкции континуативно-итеративного аспекта являются малоупотребительными.

Форма желательного наклонения *-са эди*, будучи сопряженной с формами *-ар эди* и *-ажакъ эди*, вступает в совершенно иные системные отношения, чем форма *-гъан буса*. Доказательством тому могут служить эксперименты—трансформации замены, которым подвергаются предло-

жения с гипотетическим периодом. Так, форма *-гъан буса* может сопровождаться условным союзом в придаточной части предложения: *Гелген бусанг, гёреп эдинг // Эгер гелген бусанг, гёреп эдинг* 'Если бы ты пришел, ты бы увидел', а форма *-са эди* — не может. Данный эксперимент свидетельствует о том, что условность является важным семантическим признаком формы *-гъан буса*, тогда как этот семантический признак нельзя считать сущностным свойством формы *-са эди*.

По мнению А. А. Юлдашева, в кумыкском языке форма *-а эди* употребляется как показатель сослагательного наклонения и выражает типичное действие в виде воспоминания [18. С. 264—265]. Семантический потенциал данной формы довольно подробно охарактеризован в специальном исследовании автора этих строк, и нет сомнения в том, что узуальным в ее семантической сущности является обозначение континуативно-итеративного действия в плоскости прошедшего. Исследуемая форма, безусловно, является формой индикатива [2. С. 62—68]. Подтвердим сказанное примерами: *Соравлар бере эдилер, къайтарып айтмакъны тилей эдилер* (М. Хангишиев) 'Задавали вопросы, просили повторять сказанное'; *Яш заманларыбызда, биз иш этип, денгизге киринме геле эдик* (М. Хангишиев) 'В молодости мы специально приходили купаться на море'.

Как уже отмечалось, временная характеристика потенциального действия относится к признакам, которые следует учитывать при определении функционально-семантической сущности сослагательного наклонения. От временной ориентации потенциального действия зависит степень вероятности осуществления действия сопутствующего. Так, например, при отнесении обуславливающего действия к сфере будущего имеется большая степень вероятности его реализации: *Бизге савут берсе, бек тизив болажакъ эди* (М. Ягъияев) 'Если бы нам дали оружие, было бы прекрасно'. При отнесении же действия к прошлому вероятность его выполнения равняется нулю: *Шо вакътиде сени булан мен болгъан бусам, дюнъяда инг насипли адам мен болур эдим* (А. Къурбанов) 'Если бы в это время я был с тобой, я бы стал самым счастливым человеком на земле'.

К числу основных дифференциальных признаков, по которым различаются типы речевых ситуаций в сфере функционирования сослагательного наклонения, относится и характер взаимозависимости действий. Исходя из этого, формы сослагательного наклонения характеризуются либо как обуславливающие, либо как обусловленные, объективная возможность реализации которых, с одной стороны, зависит от определенных обстоятельств, а с другой — способствует осуществлению другого действия. Учет характера взаимозависимости действий является важным сущностным признаком сферы функционирования сослагательного наклонения, так как потенциальное действие реализуется главным образом в различных структурных типах сложноподчиненных предложений, в их сопряженном употреблении с другими глагольными формами. Два типа действия — обусловленное и обуславливающее — могут выражаться разными наклонениями глагола или разными формами сослагательного наклонения в различных частях сложного предложения. В сложноподчиненных предложениях с формой сослагательного наклонения аподозис выражает диктум — сообщение о самом факте, тогда как протазис обозначает модус, т. е. отношение говорящего к сообщению (его значение, субъективное отношение и т. д.). Чаще всего высказывание в таких случаях передает потенциальность, субъективную модальность, которая выражается в аподозисе глаголом диктума, а в протазисе — глаголом

модуса. Например: *Гелген буса, айтар эдим* 'Если бы он пришел, я бы сказал'. Здесь субъективная модальность закономерно выражается дважды. Однако это не формальное приспособление наклонения глагола протазиса к лексеме глагола аподозиса, а согласование двух элементов, способных самостоятельно выражать близкие значения (как, например, двойное выражение множественности в сочетании *многие студенты*) [19. С. 189].

Говоря о формах сослагательного наклонения как средствах выражения граммем потенциальности в современном кумыкском языке, следует упомянуть еще одну сложновербальную форму — *-гъан буса эди*, которая в самостоятельном употреблении выражает оттенок желания, совета, а в сопряженном употреблении с другими формами конъюнктива репрезентирует потенциальные причинно-следственные отношения: *Сен де бизин булан гелген буса эдинг, юртгъан тез къайтажакъ эдик* 'Если бы и ты пришел с нами, мы бы раньше вернулись в село'. Обуславливающее потенциальное действие выражено придаточной частью предложения — формой *-гъан буса эди*, обусловленное ирреальное действие — главной частью предложения — формой *-ажакъ эди*.

Сложновербальную форму *-гъан буса* следует рассматривать в системе условного наклонения, поскольку узуальным в семантической сущности данной формы является условие совершения действия, обозначенного в главной части сложноподчиненного предложения [3. С. 60]. Однако данная форма может реализовать сему физической или объективной возможности действия: *Бетине айтгъан бусанг* 'Сказал бы прямо в лицо'. Действие, представленное формой *-гъан буса*, мыслится как уже невозможное, поскольку приурочено в воображении глагольного к прошедшему. То же самое значение, только более давнее во временном плане, выражается формой *-гъан эди буса* в составе гипотетического периода: *Заманында чыккъгъан эдик буса къ, тез етишер эдик* 'Если бы мы вышли вовремя, пришли бы раньше'.

Формы сослагательного наклонения употребляются в сочетании с модификаторами способов глагольного действия: *уруп йиберер эдим* 'я бы взял да ударил', *айтып къояр эдим* 'я бы взял да сказал', *сэйлеп къарар эдим* 'я бы попробовал поговорить', *салма урунгъан бусанг* 'если бы ты попытался поставить' и др. Репрезентация способов глагольного действия предстает как второстепенная функционально-семантическая особенность сослагательного наклонения. Главным с функционально-коммуникативной точки зрения даже в тех случаях, когда репрезентируется способ действия, является категориальное значение сослагательности, обеспечивающее передачу разнообразных ирреальных, реже — реальных связей [9. С. 28—35].

Итак, на основании изложенного можно сделать следующие выводы: сослагательное наклонение в кумыкском языке обладает достаточно рельефными морфологическими признаками для того, чтобы его можно было считать особой морфологической формой выражения модальности. Как и в других тюркских языках, оно представляет собой сложновербальные формы глагола, образующиеся посредством формантов, общих для изъявительного наклонения [20. С. 362]. К основным дифференциальным признакам, по которым различают типы речевых ситуаций в сфере функционирования сослагательного наклонения, относятся следующие: а) модальные характеристики действий; б) характер взаимозависимости действий; в) взаимодействие модальных и аспектуальных признаков действий.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ См. наши работы [2—9].
- ² *Гаджихмедов Н. Э.* Система времен кумыкского индикатива: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
- ³ *Он же.* Условное наклонение глагола в кумыкском языке // Сов. тюркология. 1984. № 2.
- ⁴ *Он же.* Уступительное наклонение глагола в кумыкском языке // Востоковедение: Учен. зап. ЛГУ. Л., 1987.
- ⁵ *Он же.* Долженствовательное наклонение глагола в кумыкском языке // Там же. 1989.
- ⁶ *Он же.* Грамматические категории глагола в кумыкском языке. Махачкала, 1987.
- ⁷ *Он же.* Еще раз о видах тюркского глагола // Сов. тюркология. 1986. № 5.
- ⁸ *Он же.* Еще раз об аспектуальных возможностях тюркского глагола: (на материале кумыкского языка) // Востоковедение: Учен. зап. ЛГУ. Л., 1986.
- ⁹ *Он же.* К вопросу о средствах выражения способов действия в тюркских языках: (на материале кумыкского языка) // Там же. 1988.
- ¹⁰ *Хангишиев Д. М.* К вопросу о категории наклонения глагола в кумыкском языке // Сов. тюркология. 1988. № 4.
- ¹¹ Попытка указанного автора разобраться в сложном переплетении форм и значений категории наклонения в кумыкском языке не привела к ясности в ее структурно-семантической и функциональной организации. Причина этого заключается прежде всего в том, что автор не учел достижений кумыкского и тюркского языкознания в этой области.
- ¹² *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.
- ¹³ *Шербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Глагол. Л., 1981.
- ¹⁴ Грамматика современного башкирского литературного языка. Л., 1981.
- ¹⁵ *Керимов И. А.* Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.
- ¹⁶ *Иванов С. Н.* «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана: Грамматический очерк. Имя и глагол. Грамматические категории. Ташкент, 1969.
- ¹⁷ *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык. М., 1952. Т. 2: Фонетика и морфология.
- ¹⁸ *Юлдашев А. А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
- ¹⁹ *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка: Морфология. М., 1979.
- ²⁰ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1988.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. Н. ДЖАНАШИЯ

КАТЕГОРИЯ ОБЛАДАЕМОСТИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В современном турецком языке общее понятие обладаемости не является единым, нерасчлененным понятием и включает в себя несколько субкатегорий. Субкатегории между собой различаются использованием тех или иных средств и соответствующими конструкциями и конфигурациями. С точки зрения типологии, смысловые оттенки, проявляющиеся в разных моделях, заслуживают самого пристального внимания [1—3].

Общее понятие обладаемости в турецком языке передается следующими лексическими средствами экзистенциальности: *var, ol-, yok, ol-ma-*.

Грамматико-семантические особенности элементов выражения категорий обладаемости, требуя соответствующей специальной терминологии, затрудняют адекватное описание системы выражения обладаемости. Сюда следует причислить еще и грамматическую и семантическую неадекватность средств выражения данных понятий и иную типологию отображения грамматико-семантической общности обладаемости/необладаемости по сравнению с привычными нам языками — грузинским, русским, западно-европейскими.

Адекватное описание рассматриваемых нами конструкций и конфигураций и их семантики зависит от адекватной грамматико-семантической квалификации анализируемых построений.

В турецком языке бок о бок функционируют морфологические, лексические и синтаксические средства выражения общего значения обладаемости, распадающегося на следующие субкатегории: 1 — обладание, 2 — притяжательность, 3 — принадлежность, 4 — имение, 5 — наличие. Из-за отсутствия в турецком языке специального глагола с семантикой имения (ср.: англ. *to be*, фр. *avoir*, нем. *haben*, груз. *koḡa*, *qoḡa*) для выражения этого значения используются лексические средства с семантикой экзистенциальности: *var/yok, olmak/ol-ma-mak*.

Перечисленные субкатегории отличаются друг от друга как материальными средствами выражения соответствующего значения, так и содержательной спецификой каждой отдельной конструкции или конфигурации, выстраиваемой соответствующими материальными средствами языка.

Обладание/необладание. Обладание в турецком языке передается морфологическими средствами — морфемой, функционирующей в виде четырех суффиксальных вариантов: *-li, -li, -lu, -lü* [4—13]. Присоединяясь к имени — предмету обладания, данная форма обозначает субъект обладания (того, кто обладает каким-либо предметом или при-

знаком) без указания дополнительных и конкретных сведений относительно обладателя или объекта обладания. Синтаксически конструкция с -li может выполнять функции различных членов предложения. Морфема обладания -li способна присоединяться ко всем семантическим разрядам имен, выражая качественную и предметную семантику обладания: Evden çıkarken hava yağmurlu, kapalı, karlı da olsa, işsiz için... 'Выходя из дому, если даже погода дождливая, пасмурная, идет снег, для бездельника...' [14. Т. 7. С. 192]; Bu yalanlı-dolanlı dünya «eksikli» olmak felâkettir 'В этом обманчивом мире пагубно быть «исключением»' [15. С. 30]; Senli-benli konuşmak olmaz mı? 'Поговорим по душам, можно?' [14. Т. 7. С. 114]; Hacı Baba sabah oldu mu kalkar, abanısarığını başına dolar, Hiçazdan gelen misini sürer, dokuz doksanlı tesbihini eline alır, hemen sokağa fırlardı 'Как только рассветало, Хаджи Баба вставал, наматывал на голову сарык, мазался мускусом, привезенным из Хиджаза, в руки брал четки с 99 камушками и быстро выходил на улицу' [16. С. 51]; Ağlamaklı bir sesle arkadaşına derdini döküyordu 'Плачущим голосом он изливал свое горе подружке' [17. С. 141].

Оппозицию морфеме -li в семантическом плане составляет морфема необладания -siz с абстрактным значением субъекта **необладания** предметом или признаком без указания, как и в случае с -li, каких-либо конкретных сведений.

Суффиксы -siz, -siz, -suz, -süz способны сочетаться со всеми семантическими разрядами слов. Имена с данными суффиксами характеризуются теми же синтаксическими возможностями, что и с -li: Bunun üzerine halk beynsiz, gözsüz kelleleriyle dağılmak üzereyken... 'И когда после этого люди расходились, держа в руках черепа без мозгов и глаз...' [18. С. 206]; Koca Hasan'ın evi, evinde çocukları unsuz, odunsuz kalakalır mı? 'Дом Коджа Хасана, в доме, бывало, оставались дети без муки и дров' [19. С. 99]; Dereköylü bir gece kavga arasında vurulup ölünce öteki kimsesiz ve efesiz oturan kadınları gibi Azimenin eline düştü 'И, когда в одну из ночей во время драки был убит Дерекейлю, как и все одинокие, не имеющие хахалей женщины, она тоже попала в руки к Азиме' [18. С. 14]; İşte, — demiş, — şu odada ben otururum, Sıra Köşkün başında ben varım, bensiz bu iş yürür mü? 'Вот, — говорит, — в этой комнате живу я, во главе Стекланного дворца нахожусь я, разве без меня это дело может продвигаться вперед?' [18. С. 205].

Субкатегория притяжательности. Этот термин используется нами для обозначения так называемой генитивно-притяжательной конструкции и отграничения ее от субкатегории принадлежности.

Субкатегория притяжательности указывает на притяжательность с помощью генитивного (родительного) падежа. Суффикс родительного падежа присоединяется к имени — субъекту притяжательности. Семантически подобная конструкция, не имея возможности выражать лицо и число субъекта притяжательности (ср. субкатегорию принадлежности, выраженную с помощью МСНП), ограничивается указанием его имени.

Синтаксически эта конструкция всегда выступает в качестве именного сказуемого, и, когда это нужно, местоименный суффикс выражения бытия заменяется формами связочного дефектного глагола *i-*, а также глагола *ol-* так для образования динамических конфигураций и выражения форм наклонений и времен: Harman sonu dervişlerindir 'То, что остается на гумне, принадлежит дервишам' [18. С. 253]; İş bilenin, kılıç kuşanının 'Дело принадлежит знатоку, меч тому — кто его носит' [20. С. 273]; O da Mehmet Ağanın mı? 'И то, оказывается, принадлежит Мех-

меду Are' [21. С. 335]; Fabrika bizim olmasına bizim, acaba Tekel İdaresinin mi, Sular İdaresinin mi? 'Фабрика-то наша, но кому она принадлежит — Управлению монополии или Управлению водным хозяйством?' [22. С. 144]; Artık bu kız senin değildir 'Эта девушка больше не принадлежит тебе' [14. Т. 5. С. 41]; Bu cırlak ses Güllüden başkasının olamazdı 'Этот хриплый голос не мог принадлежать никому, кроме как Гюллю' [20].

Субкатегория принадлежности. В современном турецком языке заслуживают внимания различные смысловые оттенки понятия притяжательности, проявляющиеся в разных языковых типах посессивных конструкций. Это позволяет предполагать, что понятие притяжательности не является единым, нерасчлененным понятием [23—32; 4—12].

В настоящей статье предпринята попытка типологически описать ~~именные~~ конструкции притяжательности с точки зрения выражения и содержания отношений между их членами, именами обладателя и предметами обладания, а также семантические признаки, проявляющиеся в закономерностях лексической и синтаксической сочетаемости этих членов.

Следует отметить, что в турецком языке существует не один формальный тип построения именных конструкций, члены которых соотносятся как посессор и объект обладания, и что наиболее интересным типом посессивной конструкции является конструкция со значением так называемой «неотторжимой принадлежности». Эта конструкция образуется присоединением к имени объекта обладания местоименного суффикса неотторжимой принадлежности (МСНП), указывающего также лицо и число посессора.

МСНП для турецкого языка является основным средством выражения принадлежности, ибо, как известно, в нем нет притяжательных местоимений. Родительный падеж личных местоимений — это не притяжательное местоимение, это родительный падеж личного местоимения. Родительный падеж личных местоимений, так же как и родительный падеж вообще, указывает на притяжательность объекта тому или иному реальному лицу, обозначенному личным местоимением в родительном падеже (о субкатегории притяжательности и генитивно-притяжательных конструкциях экзистенциализма см.: [33. С. 79—85]).

На основе анализа турецкого текста даже одной страницы среднего формата нетрудно убедиться, что имена с МСНП чаще всего, подчеркиваю, чаще всего обозначают корпоральную лексику (части тела), имена родства, имена с пространственной семантикой (öп, arka...), имена действия (масдары: -па, -iş, -diğ-, -asağ-).

Основным семантическим признаком значения этой конструкции следует считать предельно тесную, если можно так сказать, нерасторжимую связь посессора и объекта. При корпоральной лексике это органическая принадлежность, при именах родства — генетическая, в остальных случаях — юридическая.

Наличие/отсутствие оппозиции по признаку присутствия/отсутствия МСНП проявляется в различии синтаксических потенций соответствующих имен: имя без МСНП в именительном падеже — морфологически неопределенное прямое дополнение, а имя с МСНП — морфологически определенное прямое дополнение, всегда стоящее в винительном падеже [34; 35].

МСНП состоит из показателей лица и посессора и его числа (таблица).

ОБЩАЯ КАТЕГОРИЯ ОБЛАДАЕМОСТИ

СУБКТЕГОРИИ

	Модели	Показатели
I	Обладаемости/необладаемости	-li/-siz
II	Притяжательности	-in-dir/-in değil-dir
III	Неотторжимой принадлежности	-m
IV	Имения/неимения	-m var/-m yok
V	Наличия/неналичия	-da ~ var/-da ~ yok

Сам факт существования МСНП и его функциональные проявления в грамматической системе являются специфической чертой турецкого языка и представляют определенный типологический интерес в грамматической системе данного языка.

Закономерность распределения, функцию и частотность использования МСНП можно проследить на примере [21, С. 52], где МСНП встречается 44 раза (I лицо — 17, II — 4, III — 23, включая случаи II изафета):

- Türk müsünüz?
- Evet.
- Ecnebi olduğunuzu anlamıştım.

Hafif bir kahkaha attı. Gayet serbest bir tavırla yan-ım-a oturdu. Bacaklar-ı-nı: birbir-i-nin üst-ü-ne atınca eteğ-i dızkapaklar-ı-nın geri-si-ne kadar açıldı ve ben yüz-üm-e her zamanki gibi ateş bastığı-nı farkettim. Bu hal-im yan-ım-dakini daha çok eğlendirmişe benziyordu.

Tekrar sordu:

- Sizde anne-niz-in resm-i yok mu?

Kadının bu lüzumsuz merak-ı can-ım-ı sıkıyordu. Sırf alay için bunu yaptı-ğ-ı-nı farkediyordum. Diğer ressamlar uzaktan bize bakıyorlar ve muhakkak ki sırtıyorlardı.

- Var ama... Bu başka! dedim.

Kadın:n ses-i biraz ciddileşti:

- Ya... Demek bu başka.

Ve derhal küçük bir kahkaha attı.

Kalkıp kaçmak için bir hareket yaptım. Kadın bunu farkederek.—Rahatsız olmayın, ben gidiyorum... Sizi anne-niz-le baş-başa bırakayım! dedi.

Kalktı, birkaç adım yürüdü. Sonra birdenbire durarak, tekrar yan-ım-a sokuldu; şimdiye kadar konuştuklar-ı-na hiç benzemiyen ciddi, hattâ biraz da hazin bir sesle:

- Sahiden böyle bir anne-niz olma-sı-nı ister misiniz? dedi.
- Evet... Hem nasıl isterdim.
- Ya!..

Arka-sı-nı dönerek, süratli ve geniş adımlarla uzaklaştı... Baş-ım-ı

kaldırıp baktım. Kesik saçlar, ense-si-nin üzer-i-nde hopluyor ve eller-i-ni ceket-i-nin cepler-i-ne soktuğ-u için dar tayyör-ü vücud-u-nu sımsıkı sarıyordu.

Son söylediğ-im cümle ile yalan-ım-ı nasıl ele vermiş olduğ-um-u düşününce büyük bir şaşkınlığa uğradım. Hemen yer-im-den kalktım ve gözlerimi etrafıma çevirmeye cesaret edemiyerek sokağa fırladım.

İç-im-de yolculukta tanışıp anlatıg-ım, fakat pek çabuk ayrılmaya mecbur olduğ-um bir insana veda eder gibi his vardı. Artık bu sevgiye ayak basamayacağ-ımı biliyordum. İnsanlar, birbirler-i-nden hiç bir şey anlamıyan insanlar, beni buradan da kaçıroylardı.

Субкатегория имения/неимения. Своеобразие выражения имения/неимения в турецком языке состоит в том, что данная субкатегория выражается не специальным глаголом «имения» (ср. английский, грузинский языки, с другой стороны — русский), а конфигурацией с обязательным участием МСНП — в зависимости от лица и числа субъекта имения/неимения и экзистенциальных лексических единиц со значением существования/несуществования: *var/yok*.

Семантическое своеобразие подобного способа выражения имения/неимения в силу присутствия МСНП проявляется в том, что он выражает именование одушевленного или неодушевленного предмета с нюансом именно неотторжимой принадлежности (см.: *-m-dir, -da var*), т. е. у меня есть то, что принадлежит мне.

Турецкие конфигурации типа *-m var/-m yok* ни по составу грамматических элементов, ни семантически не являются адекватными тем моделям, которым в упомянутых языках поручено выражать именование/неимение, и своей общностью определяют типологическое своеобразие выражения имения/неимения в турецком языке.

В качестве предмета имения/неимения могут выступать самые различные разряды имен (см. лексический инвентарь субкатегории неотторжимой принадлежности): *Benim de bir lira-m var* 'И у меня есть одна лира' [14. Т. 7. С. 257]; *Var mı daha diyeseğin?* 'Есть у тебя еще что сказать?' [36. С. 38]; *Benim Kızılhanımda teyze-m var* 'В Кызылхамаме у меня есть тетя' [37. С. 150]; *İkimizin de yalnız kalmaya ihtiyacımız var* 'Нам обоим необходимо остаться одним' [16. С. 77]; *Bir elin pe-si var, iki elin ses-i var* 'Что одна рука, двумя руками хоть похлопать можно' [38. С. 171]; *Bir gün de gitmeyiveririm, beklıyen-im yok* 'Я не могу вдруг уехать в один прекрасный день, никто меня не ждет' [39. С. 17]; *Sen-in de kim-in-kimse-n yok mu?* 'У тебя разве нет никого?' [40. С. 73]; *Hiç sıhhatinizi düşündüğ-ünüz yok* 'Вы совсем не думаете о своем здоровье' [41. С. 135]; *Hiç bir alâka-ları-filân yoktur* 'Между ними нет никаких взаимоотношений' [14. Т. 5, 64].

Конфигурации выражения имения/неимения по синтаксической сочетаемости с другими членами предложения образуют четыре модели, составляющие характеристику факта имения/неимения по признакам пространственности и отнесенности:

1. Номинативные модели: *Nekadar büyük arzularınız var...* 'Какие у вас замечательные желания' [40. С. 336]; *Doktor, — dedi, — bizim okadar paramız yok* 'Доктор, — сказал он, — у нас нет таких денег' [42. С. 328];

2. Дативные модели: *Yarın İstanbula otobüsümüz var* 'На завтра у нас есть автобус на Стамбул' [43. С. 19]; *Kendiliğimizden değişme-ye, davranıp kalkma-ya niyetimiz yok* 'У нас нет желания самим перемениться и пошевелиться' [41. С. 135];

3. Локативные модели: *Köy-de bir hastamız var, çok ağır* 'В селе у нас есть один тяжелобольной' [19. С. 17]; *Benim hayatıta sizinkadar tecrübe-im yok* 'В жизни у меня нет такого опыта, как у вас' [21. С. 88];

4. Аблативные модели: *Ulan, sizin hayvan-dan ne fark-ın-z var, be?* 'Слушай, парень, какая разница между вами и животными?' [19. С. 17]; *Kimseler-den şikâyet-im yok* 'Я ни на кого не жалуюсь' [14. Т. 7. С. 104].

Субкатегория наличия/неналичия. Одной из субкатегорий в общей системе понятия обладаемости в турецком языке является субкатегория наличия/неналичия. Формально конфигурация выражения наличия/неналичия прибегает к помощи местного (локативного) падежа и экзистенциальных слов существования/несуществования: *-da — var, -da — yok, -da — var idi, -da — yok idi, -da — ol-, -da — ol-ma-, ...*

В образовании локативных конфигураций выражения наличия/неналичия в качестве объекта часто применяются имена с предметным значением. Несмотря на широкое использование в языке локативных конфигураций наличия/неналичия, лексическая семантика участвующих в них в качестве объекта наличия/неналичия слов строго ограничена. В локативных конфигурациях не встречаются лексика родства, корпоральная лексика, имена действия: *Yarın İstanbul'a giden yataklı-da yer var mı, efendim?* 'На пассажирский поезд, уходящий завтра в Стамбул, есть место, сударь?' [43. С. 12]; *Yukarı-da bir tıkırtı var* 'Наверху слышен шум' [14. Т. 7. С. 90]; *Nasıl askerlik-te talim var, bun-da da var* 'Здесь такая же муштра, как в армии' [19. С. 31]; *Saklamak-ta mânâ var mı?* 'Разве есть смысл прятаться?' [14. Т. 7. С. 79]; *Öldüren bir şey var bu bekleyiş-te* 'В этом ожидании есть что-то смертельное' [14. Т. 5. С. 27]; *Sen-de bir cesaret, bir kuvvet varken, iki cesaret, iki kuvvet olur* 'Если в тебе есть решительность и сила, их станет вдвое больше' [14. Т. 8. С. 156]; *Birisi-nde vantilator kaışı da var* 'У одного есть и ремень для вентилятора' [36. С. 18]; *Tokat-ta derin sular var mı ki?* 'В Токате разве есть глубокие воды?' [37. С. 245]; *Yakup Kadri'yle Falih Rifki'da eski terkipli nesgin bu lüzuceti hâlâ var* 'Якуб Кадри и Фалих Рыфки до сих пор сохранили вязкость старинного стиля' [42. С. 130]; *Ne var pencere-de?* 'Что то в окне?' [44. № 6. С. 20].

С точки зрения грамматической семантики, использование локатива морфологически определенных имен в качестве субъекта наличия/неналичия не вносит никаких изменений в выражение субкатегории наличия/неналичия, выступающей своеобразным типологическим явлением, характерным для турецкого языка: *Eli-nde bir tepsi var* 'В руке у нее таз' [14. Т. 7. С. 205]; *Bakışları-nda garip bir tecessüs vardı* 'В выражении ее глаз было странное любопытство' [21. С. 20]; *Ayakları-nda kısa çizmeler vardı* 'На ногах у него низкие сапоги' [44. № 10. С. 9]; *Agaları-nda ortaokulün jimnastik öğretmeni Ali Rıza bey de vardı* 'Среди них был и преподаватель гимнастики из средней школы Али Риза-бей' [45. С. 371].

Выражение неналичия в турецком языке связано с использованием той же локативной конструкции в конфигурации с экзистенциальными *yok/ol-ma-*: *Fakat ben-de boya yok* 'Однако у меня нет красок' [46. С. 220]; *Ama onları öldürenlerin, silah kaçırmağının arası-nda ben yokum* 'Однако я не среди тех, кто их убил и похитил оружие' [14. Т. 7. С. 385]; *Öyle yoğurt yok Türkiye-de* 'Такого йогурта нет во всей Турции' [19. С. 61]; *Ev-de kimse yok mu?* 'Разве дома нет никого?' — *Usta İliç yok mu buğa-da?* — 'Уста Ильича нет здесь?' [16. С. 102]; — *Necdet bey nerede?* — *Necdet bey ev-de yok* — 'Где Неждет-бей? — Неждет-бей нет дома' [39. С. 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Категория бытия и обладания в языке. М.: Наука, 1977.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
3. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
4. Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.; Л. 1941.
5. Он же. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л. 1956.
6. Гэльбов Гэльб. Грамматика на турецкий язык. София, 1957.
7. Гордлевский В. А. Избранные сочинения. М., 1961. Т. 2.
8. Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Л., 1975. Т. 1; 1977. Т. 2.
9. Дмитриев Н. К. Турецкий язык. М., 1960.
10. Dery J. Grammaire de la langue turque: (Dialecte Osmanli). Paris, 1921.
11. Swift Lloyd B. A reference grammar of modern Turkish. Bloomington, 1963.
12. Lewis G. L. Turkish grammar. Oxford, 1967.
13. Ergin M. Türk Dil Bilgisi.
14. Hikmet Nazım. Bütün eserleri. Sofya. С. 2—8.
15. Anday Melih Cevdet. Aylaklar. Sofya, 1966.
16. Türk hikâyeleri. Sofya, 1955.
17. Хрестоматия по турецкой литературе. Л.: ЛГУ, 1964.
18. Ali Sabahattin. Hikâyeler. Sofya, 1964.
19. Baykurt Fakir. On binlerce kağı. Ankara, 1973.
20. Hançertlioğlu Orhan. Ali. İstanbul, 1955.
21. Ali Sabahattin. Kürk Mantolu Madonna. Sofya, 1960.
22. Kemal Yaşar. İnce Memed. Sofya, 1958.
23. Вольф Е. М. Некоторые особенности местоименных possessивных конструкций: (гберо-романские языки) // [I. С. 144—193].
24. Журиная М. А. Именные possessивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // [I. С. 194—258].
25. Лухт Л. И. Категория бытия и обладания: (французско-румынские параллели) // [I. С. 125—143].
26. Королев А. А. Глагол существования и связка в древнеирландском языке // [I. С. 101—124].
27. Селиверстова О. Н. Семантический анализ экзистенциальных possessивных конструкций в английском языке // [I. С. 5—67].
28. Кузнецов А. М. Глагол to be и его лексико-семантические эквиваленты в современном английском языке // [I. С. 68—100].
29. Дмитриев Н. К. Категория притяжательности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. Т. 2.
30. Севортян Э. В. Категория принадлежности // Там же.
31. Иванов С. Н. К истолкованию категории принадлежности: (на материале турецкого языка) // Сов. тюркология. 1973. № 1.
32. Баскаков А. Н. Словосочетания в современном турецком языке. М.: Наука, 1974.
33. Джанашиа Н. О выражении «бытия» в турецком языке // Сов. тюркология. 1985. № 3.
34. Майзел С. С. Категория дефинитивности в турецком языке // Акад. Владимиру Александровичу Гордлевскому: К его семидесятипятилетию. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
35. Он же. Изяфет в турецком языке. М., 1957.
36. Nesin Aziz. Altın palmiye kazanan kitapları. Sofya, 1955.
37. Tahir Kemal. Göl insanları. Ankara, 1969.
38. Aksoy O. A. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. Ankara, 1971. С. 1.
39. Hançertlioğlu Orhan. Büyük balıklar. İstanbul, 1952.
40. Ali Sabahattin. Bütün eserleri: Romanları. Sofya, 1968.
41. Nesin Aziz. Orkestra adam. Sofya, 1960.
42. Турецкая хрестоматия. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1971.
43. Учебное пособие по речевой практике для 3-го кл. М., 1974.
44. Yeni edebiyat. İstanbul. 1970. № 6, 8, 10.
45. Varlık yıllığı. 1963. Ankara, 1962.
46. Nuri Reşat. Çalıkuşu. İstanbul, 1945.

З. Г. УРАКСИН

О СОСТОЯНИИ И ЗАДАЧАХ БАШКИРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЗНАНИЯ

В данной статье сделана попытка проанализировать развитие башкирской филологической науки (частично и искусствознания) за последние годы, отмеченные бурными переменами в общественной жизни.

В 1988 г. литературоведами Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра УрО АН СССР была завершена многотомная история башкирской литературы (руководитель авторского коллектива проф. Г. Б. Хусаинов). В ней представлена систематическая история литературы с эпохи средневековья до наших дней, проанализирован литературный процесс, аргументировано принципиально новое понимание истории башкирской литературы, раскрыты ее истоки, восходящие к общетюркским литературным традициям средневековья, показан процесс зарождения и развития национальной литературы. Исследователями отрицается ставшая хрестоматийной точка зрения, согласно которой «башкирская литература — детище Октября», раскрывается творчество ранее неизвестных или малоизвестных писателей, сыгравших значительную роль в духовной культуре народа. Новая концепция строится на многолетних поисках и исследовании старопечатной литературы и рукописных традиций на Южном Урале и в Приуралье.

Переосмысления потребовал и советский период развития башкирской литературы; авторам удалось восстановить многие незаслуженно забытые имена писателей, внесших существенный вклад в художественную культуру. Труд будет опубликован в 1990—1993 гг. [1].

Современная жизнь выдвигает ответственные задачи перед литературоведами: необходимо раскрывать глубинные процессы взаимосвязи литературы и действительности, показывать реальное положение вещей в литературе. К сожалению, по-прежнему еще очень мало появляется работ, в которых современная башкирская литература анализировалась бы с позиций науки, а не директивной идеологии.

Устное народное творчество и искусство всегда служили живительным источником для профессиональной литературы и искусства. В последние десятилетия был опубликован наиболее полный на сегодня свод башкирского фольклора в 18 томах; будут выпущены дополнительные тома по обрядовому и детскому фольклору. Сейчас ведется работа по подготовке к выпуску в свет лучших образцов башкирского народного творчества на русском языке в 12 томах (руководитель коллектива составителей Н. Т. Зарипов). Выпущено 4 тома (эпос, предания, легенды, богатырские и волшебные сказки) [2—5]. Все тома снабжаются под-

робными комментариями, предисловиями, что значительно повышает научную значимость свода.

В ИИЯЛ БНЦ УрО СССР совместно с Уфимским институтом искусств начата подготовительная работа по составлению свода музыкального искусства башкирского народа в 5 томах. Ведется работа также по сбору и публикации материалов по башкирской народной хореографии. Однако эта работа должна вестись еще более активно. Остро стоит вопрос подготовки кадров фольклористов широкого профиля, которые могли бы анализировать произведения народного творчества с общекультурологических позиций. Назревшей задачей следует считать составление энциклопедии башкирского фольклора. Нужна также комплексная программа изучения фольклора и народного искусства в учебных заведениях, среди молодежи, подготовка и издание популярных изданий массовыми тиражами.

Традиционными направлениями башкирского языкознания являются грамматика, диалектология, лексикография. В последние годы ведутся исследования по языку письменных памятников прошлого, рукописных и старопечатных книг XVII—начала XX в. Завершена работа по археографическому описанию тюркских рукописей, хранящихся в фондах института. Предстоит описать письменные памятники на арабском, персидском языках, опубликовать наиболее значительные из них, развернуть исследования по книжной культуре: Языковеды Института истории, языка и литературы (руководитель, коллектива Э. Ф. Ишбердин), изучив родословные башкир, исторические документы, фольклорные источники и литературные произведения, выдвинули концепцию о том, что башкирский язык является старописьменным. В коллективной монографии, опубликованной в издательстве «Наука» [6], представлена история литературного языка, раскрыты его истоки и характерные черты. Этот письменный язык вполне удовлетворял потребности общества и обслуживал его на протяжении нескольких столетий.

Однако выдвинутая концепция с трудом принимается учеными и публицистами, не желающими отходить от стереотипов. До сих пор в некоторых публикациях повторяется, будто башкиры до Октябрьской революции не имели своей письменности и литературного языка, а единственной сферой их духовной культуры являлся фольклор (эта точка зрения проводилась в специальном, юбилейном, номере газеты «Советская Башкирия» [7]).

В ближайшие годы ожидается выход в свет крупных многолетних трудов башкирских лексикографов: находится в производстве в издательстве «Русский язык» двухтомный толковый словарь башкирского языка объемом около 230 авт. л. В том же издательстве готовится к печати новый большой башкирско-русский словарь, нужда в котором велика. Потребности изучения башкирского языка как языка народа, давшего название республике, вызывают необходимость подготовки кратких двуязычных словарей, разговорников, учебных словарей разного типа.

В дальнейшем в словарной работе ожидается применение вычислительной техники. На основе методов точных наук предполагается ускоренное создание новых типов словарей (частотного, обратного, слогового, языка писателя и т. п.), а в будущем подготовка машинного фонда башкирского языка.

В последние годы были созданы богатые фонды по народно-разговорному языку башкир. Это явилось результатом фронтального и лингвогеографического сбора материала, на основе которого выпущены III том словаря башкирских говоров, образцы разговорной речи [8; 9],

подготовлен лингвистический атлас башкирского языка (научный руководитель Н. Х. Максютова). Однако не все в этой области удалось издать, в том числе и монографию по северо-западному диалекту, сравнительные исследования по топонимике и др.

Современная действительность выдвинула ряд сложных и насущных проблем языковой жизни, непосредственно связанных с практикой: это определение правового статуса языков народов республики, соотношения общественных функций родного и русского языков и др.

Забегание вперед в оценке социально-экономического уровня советского общества, процессов развития наций и народностей сказалось и на определении судеб национальных языков, особенно малочисленных народов. Делались попытки искусственного ускорения процесса «слияния» языков, сужения социальных функций языков в различных сферах жизни общества, особенно в области школьного образования и воспитания, официального делопроизводства, книгоиздательской деятельности. Игнорировалась роль языка как важнейшего средства выражения национального самосознания, национального видения мира.

Результатом такого отношения к национальному языку явился тот факт, что, например, 32% башкир родным языком считают языки других народов (преимущественно татарский). Процесс же этноязыковой консолидации башкир (особенно западных и северо-западных районов БАССР) протекает очень медленно. В данном случае именно язык выступает в роли определяющего фактора этнонациональной принадлежности. У этой части населения национальное самосознание продолжает сохраняться, но как долго оно сохранит свою устойчивость — сказать трудно.

В условиях демократии и гласности выдвижение культурно-языковых проблем на первый план не случайно, ибо раньше на них не обращалось достаточного внимания. Вместе с тем издержки и упущения прошлого не должны порождать новые ошибки.

Ведущей тенденцией языковой жизни в многонациональном государстве является двуязычие: владение родным языком и языком межнационального общения, а в дальнейшем — многоязычие. Сейчас двуязычие (прежде всего национально-русское) стало в нашей стране объективной реальностью.

Одинаково свободное владение членами общества родным и русским языками в их устно-литературной и письменной формах, умение без смешения языков переходить в речевом общении и на письме с одного языка на другой — это желаемый уровень двуязычия. Задача языковедов, психологов и методистов наиболее точно определить на каждом этапе жизни общества необходимый уровень владения языками в разных социальных слоях общества, искать и находить оптимальные пути расширения и углубления двуязычия, развития многоязычия.

Гармоничное двуязычие — это и политическое и фактическое равноправие языков, предполагающее равные условия овладения ими. Однако данное условие до последнего времени оставалось скорее декларативным, чем фактическим. В результате у части людей той или иной национальности утвердилось мнение об ущербности, бесперспективности своего родного языка, появилась тенденция к частичному отходу от него. В наше время возникла необходимость повышения престижа родного языка, однако добиться этого невозможно без определения правового статуса языка путем введения в конституции республик статьи об обязательности овладения родным языком представителями данной нации. В ныне действующей Конституции Башкирской АССР определены

лишь отдельные сферы функционирования башкирского языка, такие, как судопроизводство, оформление герба и государственного флага на русском и башкирском языках. А общий статус языка как признака нации, важнейшие сферы его употребления в государственных и местных органах, обучение этому языку, ведение делопроизводства не определены. Неоговоренность в государственных актах на практике ведет к ущемлению роли родного языка в школах, в дошкольных учреждениях, в официальном делопроизводстве, в общественной жизни. Развитие двуязычия в Башкирской АССР протекает в несколько иных условиях, чем в других республиках: башкиры составляют в республике всего 21,8% населения, поэтому никак нельзя оправдать сложившееся положение вещей в школьном образовании, когда изучение иностранного языка является обязательным, а обучение родному языку — добровольным, как бы по желанию родителей.

В настоящее время поставлен вопрос и об изучении языка коренного населения, давшего название республике, представителями других народов, проживающих в ней. Это положение является важнейшей составной частью интернационального воспитания трудящихся, способствует выработке уважительного отношения к языку, культуре и традициям коренной национальности.

В целях реализации этих положений Институтом истории, языка и литературы БНЦ УрО АН СССР разработана «Программа развития функций башкирского языка в условиях двуязычия» [10], которая внесена на рассмотрение Президиума Верховного Совета БАССР. В ней определены сферы употребления башкирского языка и возможности их расширения, намечены практические меры по созданию условий для овладения разговорным и письменным башкирским языком небашкирским населением республики, как это уже делается в других автономных республиках. В республиках Поволжья и Урала такая работа тоже ведется, организованы уроки башкирского, татарского и удмуртского языков по телевидению для лиц, не владеющих этими языками. Изучение башкирского языка другими народами БАССР должно вестись на добровольной основе, но для этого нужно создать все реальные условия: наладить подготовку и издание различных пособий, словарей, открыть разного рода курсы, факультативы, но самое главное — создать такую морально-психологическую атмосферу, когда прежде всего сами носители языка не чуждались бы своего родного языка, а изучали и пропагандировали его среди других народов.

В нашей стране, очевидно, трудно найти какую-либо нацию, проживающую только в пределах своего национально-государственного образования. Так, например, более одной трети башкир проживает за пределами БАССР, они составляют компактные группы населения в Челябинской, Оренбургской, Курганской, Пермской, Свердловской, Саратовской, Куйбышевской областях и Татарской АССР. Забота о развитии консолидирующей роли основного этноса, о сохранении и развитии культуры и языка части населения, находящегося за пределами своих автономных образований, очень важна для судьбы той или иной нации, ибо экономическое развитие регионов, миграционные процессы и демографическая ситуация быстро меняются и непременно сказываются на этноязыковых процессах.

Следовало бы разработать программы по языкам других народов, проживающих в пределах республики: славянских (русские, украинцы, белорусы), тюркских (татары, чувашаи), финно-угорские (марийцы, мордва, удмурты) и др. Здесь должны учитываться и матери-

альные возможности. Культурные, эстетические и языковые запросы этнических групп, находящихся вне своих национально-государственных образований, целесообразно удовлетворять прежде всего через связи с автономными и союзными республиками, а также путем обучения родным языкам в школах, развития самодеятельности, народного творчества и т. д. Важную роль в укреплении национальных отношений, общественного сознания в наше время играют наука и печать.

В массовой печати следовало бы помещать научно выверенные, взвешенные суждения — особенно по проблемам развития наций, языков, национальных отношений, ибо поспешные выводы, основанные на разрозненных и случайных (порой тенденциозных) фактах, вместо пользы приносят вред. Так случилось с книгой украинского философа Ю. Римаренко «По следам снежного человека» [11], в которой автор, опираясь на непроверенные данные, появившиеся в центральной печати, беря за основу некоторые скорее публицистические, нежели научные работы, сделал вывод о существовании «наступательного шивинизма» народа. Такие обобщения весьма ответственны в наше время, требуют глубокого анализа ситуации в регионах, этнопсихологии народа, его исторического прошлого и др.

* * *

Потенциал филологической науки республики должен быть целенаправленно использован в будущем для решения насущных задач совершенствования современного советского общества. А этот потенциал немалый. В настоящее время в Институте истории, языка и литературы — два языковедческих отдела, отделы фольклора и искусства, литературы, функционируют кафедры башкирского языка и литературы в Башкирском госуниверситете, Башкирском и Стерлитамакском педагогических институтах. Только докторов наук филологов больше полутора десятка. Однако кадровый состав филологов требует прежде всего качественного обновления. У нас очень мало специалистов с широким востоковедческим образованием, свободно владеющих древними и современными восточными языками (арабским, персидским, японским и др.), культурологов широкого профиля. Вузы республики ориентированы на подготовку прежде всего преподавателей родного языка и литературы для школ. Даже в университете до последнего времени не преподавался арабский язык, на филологических факультетах вузов не читаются курсы по древним тюркским языкам, культуре и истории алтайских народов. Головные вузы востоковедческого направления перестали принимать студентов из республики.

Накопленный фактологический материал по языку, фольклору, литературе, этнографии и другим отраслям знаний требует широких обобщений, комплексного подхода, умения исследователя ориентироваться в целом ряде гуманитарных наук, иначе мы обречены на пребывание в замкнутом круге проблем, все менее соприкасающихся со сложной и динамичной современной действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкорт Һезбнәт тарихы / Яуаплы ред. Ф. Б. Хөсәйенов. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1990. 1 т.
2. Башкирское народное творчество. Уфа: Башкирское издательство, 1987. Т. 1: Эпос.
3. То же. Уфа, 1987. Т. 2: Предания и легенды.

4. Башкирское народное творчество. Уфа, 1988. Т. 3: Богатырские сказки.
5. То же. Уфа, 1989. Т. 4: Волшебные сказки.
6. Очерки истории башкирского литературного языка / Отв. ред. Э. Ф. Ишбердин. М.: Наука, 1989.
7. В семье единой // Сов. Башкирия. 1989. 23 марта.
8. Башкорт һейләштәренен, һүзлеген (көнбайыш диалект). Өфө, 1987.
9. Образцы разговорной речи башкир / Отв. ред. Н. Х. Максютова. Уфа, 1988.
10. Уракин З. Г. Развитие общественных функций башкирского языка в условиях двуязычия: (Препринт доклада). Уфа, 1989.
11. Римаренко Ю. По следам снежного человека. М.: Мол. гвардия, 1989.

НАСЛЕДИЕ

ПРОФЕССОР БЕКИР ВАГАБ ОГЛЫ ЧОБАНЗАДЕ

Один из основоположников советской тюркологической науки, выдающийся востоковед проф. Бекир Чобанзаде родился 15 мая 1893 г. в г. Карасубазаре Таврической губернии в семье пастуха. Маленький Бекир помогал отцу пасти отары на летних пастбищах. Он посещал приходскую школу, а в 1904 г. поступил в «новометодную» прогимназию «Рушдие» в Карасубазаре, которую окончил в 1908 г. Направленный мусульманским благотворительным обществом для продолжения учебы в Стамбул, Чобанзаде поступил в школу средней степени — лицей Султанийе. Он окончил лицей в 1914 г. по словесному отделению. Одновременно Б. Чобанзаде учился на трехгодичных курсах арабского и французского языков при Стамбульском университете и получил право преподавания этих языков в средней школе и лицеях.

В конце 1914 г. он поступил на историко-филологический факультет Будапештского университета, который окончил в 1918 г. с золотой медалью. В 1920 г. Б. Чобанзаде сдал докторские экзамены и, защитив диссертацию на тему «Кажущиеся сингармони-

ческие несоответствия в „Кодексе Куманикусе” и проблема артикуляционной базы в тюркских языках», получил степень доктора филологии. Непосредственными научными руководителями молодого исследователя были акад. Игнац Гольдцигер и профессора Сньени и Неймет.

В 1919—1920 гг. доктор Б. Чобанзаде работал в Будапештской восточной академии преподавателем турецкого языка, а затем, получив приглашение Таврического университета в Симферополе, приехал в Крым и был назначен доцентом по кафедре языкознания.

В 1924 г. Б. Чобанзаде был избран ректором университета Крыма. С 1920 по 1925 г. он являлся членом президиума Симферопольского горсовета и Крымского ЦИКа и участвовал во всех съездах Советов Крыма с правом решающего голоса.

В 1924 г. по приглашению Бакинского университета и Комитета нового тюркского алфавита (КНТА) Б. Чобанзаде приехал в Баку и был избран профессором университета по кафедре тюркского языка и литературы, а в 1925 г. — деканом востфака, в какой должности состоял до 1927 г. Одновременно он являлся членом Научного совета Наркомпроса Азербайджанской ССР и заместителем председателя Общества обследования и изучения Азербайджана. В 1926 г. Б. Чобанзаде участвовал в качестве члена оргбюро в подготовке I Всесоюзного тюркологического съезда, на котором он выступил с двумя докладами: «Взаимоотношения тюрко-татарских языков» и «Принципы составления научной терминологии на тюркско-татарских языках». С 1925 г. он состоял научным консультантом КНТА, а в 1927 г. был назначен председателем Научного совета Всесоюзного центрального комитета нового алфавита.

Научная и организаторская деятельность исследователя не ограничивалась пределами Азербайджана. В 1930—1934 гг. Б. Чобанзаде по совместительству возглавлял кафедру узбекского языка и литературы в Узбекском высшем пединституте в г. Фергане, а в 1935 г. он был приглашен в Узбекский госуниверситет, где прочитал лекции по основам лингвистики. В том же году он выступал с различными

языковедческими докладами в Бухарском ВПИ.

В 1929 г. ученый был назначен действительным членом Азербайджанского государственного научно-исследовательского института (АзГНИИ), где исполнял обязанности председателя Отделения языка и литературы, а после реорганизации АзГНИИ в Азербайджанский филиал АН СССР (АзФАН) он с 1932 г. состоял старшим научным специалистом сектора языка АзФАН, а также действительным членом АзНИИ педологии и психологии.

16 марта 1935 г. проф. Бекир Чобанзаде был избран членом Парижского общества лингвистики.

Ученый широкого диапазона, он был также организатором и участником многих научных форумов, таких, как Краеведческий съезд Азербайджана (1925), I Всесоюзный тюркологический съезд (1926, Баку), I Крымская научная конференция по вопросам языка (1927, Симферополь), пленумы ВЦК НА (1927, Баку; 1928, Ташкент; 1929, Казань; 1930, Алма-Ата), I Азербайджанская конференция по вопросам языка и орфографии (Баку, 1928), I Узбекская конференция по вопросам языка и орфографии (1929, Самарканд), совещание дагестанских работников по вопросам языка и орфографии (1929, Махачкала), Дагестанско-азербайджанское совещание по вопросам языка, литературы и истории (1930, Баку), Туркменская конференция по вопросам языка и письменности (1930, Ашхабад) и др. На всех этих конференциях и совещаниях он выступал с научными докладами и сообщениями.

Проф. Бекир Чобанзаде был автором

около 40 фундаментальных монографий по тюркологии, в числе которых можно выделить следующие: «Введение в тюрко-татарское языкознание» (1924), «Общие основы тюркской грамматики» (1925), «Методика тюркского языка и литературы» (в двух томах, 1926—1927), «Тюрко-татарская диалектология» (1927), «Тюркский язык» (1928), «Курултайщина и национализм в крымско-татарской литературе» (1929), «Новейший период азерб. тюркской литературы» (1930), «Проблемы научной грамматики азерб. тюркского языка» (1932) и др. Его перу принадлежат более 300 научных статей.

Б. Чобанзаде занимался и литературной деятельностью, он писал стихи, и первый его стихотворный сборник («Боран») вышел в свет в 1927 г.

Свободно владевший многими языками Востока и Запада (арабским, персидским, турецким, венгерским, русским, немецким, французским, узбекским, казахским, туркменским и др.), он неоднократно выступал с рецензиями на работы, написанные на этих языках.

Немало сил отдал Б. Чобанзаде педагогической работе. Он был учителем целой плеяды азербайджанских тюркологов — Мамедаги Ширалиева, Мухтара Гусейнзаде, Абдулазеля Демирчизаде, Джалала Эфендиева, Алекпера Бабазаде и др.

Жизнь ученого трагически оборвалась в период сталинских репрессий. Арестованный в 1937 г., Бекир Чобанзаде разделил участь многих выдающихся деятелей отечественной культуры.

А. Тагирзаде, А. Гулиев

СПИСОК РАБОТ ПРОФ. Б. В. ЧОБАНЗАДЕ

1. Очерк развития культурной жизни российских татар. Будапешт, 1915.
2. Новое течение в турецкой литературе. Будапешт, 1916.
3. Кажущиеся сингармонические несоответствия в «Кодексе Куманикусе». Будапешт, 1920.
4. Политика царизма в области просвещения инородцев. Симферополь, 1922.
5. Актуальные проблемы тюрко-татарских языков. Симферополь, 1923.
6. Опыт научной грамматики крымско-татарского языка. Симферополь, 1924 (10 печ. л.).
7. Введение в тюрко-татарское языкознание. Баку, 1924 (11 печ. л.). Азерб.
8. Общие недостатки тюркской грамматики. Баку, 1925 (2 печ. л.). Азерб.
9. Очерк истории развития востоковедческих научных организаций и учреждений в России. Баку, 1926.
10. О языке Физули. Баку, 1925.
11. Заметки о языке и словесности кумуков // Изв. Вост. фак. АГУ. Баку, 1926. Т. 1.
12. Методика тюркского языка и литературы. Баку, 1926—1927. Ч. 1—2 (24 печ. л.). Азерб.
13. Этюды по языку и словесности кумуков (с фольклорными образцами). Баку, 1926 (6 печ. л.).
14. Тюрко-татарская диалектология. Баку, 1927 (8 печ. л.). Азерб.
15. Основные этапы развития журналистики на тюрко-татарских языках. Симферополь, 1928.
16. Тюркская грамматика. Баку, 1929 (12 печ. л.). Азерб. (Совместно с Ф. Агазаде).
17. Тюркский язык. Баку, 1929. Ч. 1 (14 печ. л.). Азерб.

18. Основные проблемы унификации алфавитов. Баку, 1929.
19. Введение в основы научной грамматики. Баку, 1932 (4 печ. л.). Азерб. (Совместно с Г. Багировым).
20. Методика тюркского языка. Баку, 1932 (4 печ. л.). Азерб.
21. Новейший период азербайджанско-тюркской литературы. Баку, 1930 (4 печ. л.). Азерб.
22. Проблема дефинитивности в тюркском языке // Тр./АзФАН СССР. Баку, 1936. Т. 31 (1 печ. л.).
23. О языке и литературном творчестве Шах Исмаила Хатаи в связи с характеристикой азербайджанско-тюркского литературного языка XVI и XVII вв. Баку, 1933—1934. (Рукоп. 5 печ. л. Принята к печати АзФАНом).
24. Тюркская грамматика Ибн Моханны: (пер. и предисл.). Баку, 1933—1934. (Рукоп. 5 печ. л.).
25. Проблема грамматической категории в тюркском языке. Баку, 1933—1934. (Рукоп. 3 печ. л.).
26. Литературно-лингвистический анализ «Китаби Дедем Коркут». Баку, 1935. (Рукоп. 6 печ. л.).
27. Заметки о карачаево-балкарском языке. М., 1932. (Рукоп. 5 печ. л. Принята к печати Н. Я. Марром).

Б. ЧОБАНЗАДЕ

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИТИВНОСТИ В ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ [1]

Проблема дефинитивности в языках тюркской системы с давних времен привлекала к себе внимание лингвистов-грамматиков, сравнивавших языки тюркской системы с языками тех систем, в которых дефинитивность существует вполне конкретно и выражается посредством особых частиц или морфем, как во французском *article* или арабском لام التعريف и т. д.

Первым грамматиком, обратившим внимание на «отсутствие» дефинитивности в тюркском языке, кажется, был «араб-филолог» Ибн уль-Моханна ابن المهنا, автор грамматики и словаря под названием

کتاب مجموع ترجمان ترکی، فارسی و مغلی

или же

کتاب حلبة الانسان و حلبة اللسان

(по предположению издателя константинопольской рукописи, эта грамматика относится к XIII—XIV вв.).

Ибн уль-Моханна по этому поводу замечает следующее:

ومذکر التریکی و مؤنثها و معرفتها و منکرها سواء فی اللفظ [2].

Но тот же автор в иранской части своей грамматики указывает, что в иранском языке все слова в своей обыкновенной форме выражают определенность и путем прибавления к концу этих слов окончания *i—y* получается их неопределенная форма:

کل لفظه ادخلت علی آخرها یا ساکنه دلت علی تکبیرها فی رجل تعرفه بها بالآشارة الیه او بالعهد مثلا (مرد) فان لفظت برجل مجهول قلت (مردی). وکذی (اسبی) و (شمشیری) عن فرس و سیف مجهولین [3].

Можно только удивляться тому, каким образом такой серьезный знаток тюркского языка, каким был Моханна, не заметил существования *аналогичной* грамматической особенности в тюркском языке, установленной почти всеми позднейшими исследователями языков тюркской системы.

Грамматики, посвященные языкам тюркской системы и составленные как европейскими, так и восточными авторами, уже с начала XIX в. в различной форме отмечали существование дефинитивности в этих языках. Не вдаваясь в подробное хронологическое изложение содержания этих грамматик и взглядов их авторов на занимающие нас особенности тюркского языка, считаем необходимым отметить факт постановки вопроса в некоторых из них. Например, James W. Redhous, один из первых лингвистов, который в своей «Grammaire Raisonnée de la Langue Ottomane» [4], касаясь морфологической и синтаксической функций суффикса винительного падежа *i*, довольно неясно отмечает, что «la préposition *ی* est le signe qui indique que le mot auquel est jointe est le regime direct défini d'un verbe. Elle est voyelle de direction et se place à la fin des mots définis et on ajoute un *اسره* à leur dernière consonne, si celle-ci est quiescente. Ex. *بو آدمی سومک* — aimer cet homme» [4. С. 156].

Среди грамматик турецкого языка, написанных на турецком же языке, проблема дефинитивности занимает большое место только в тех из них, авторы которых сравнивают языки тюркской системы с арабским языком. Например, Шейх-Васфи в своей грамматике [5] несколько раз останавливается на этой особенности турецкого языка:

مفعول به دن علامت مفعولك حذف نکره لره مخصوص صدر. [کتاب اولدم - یازی یازدم] جمله لرنده [کتاب - یازی] لفظلری نکره اولدقلرنندن آخر لرنده کی علامت مفعول حذف اولونمشدر [6]!

или

اسم جنس لرك اولنه [او] كلمه سی ویا [معهود] لفظی علاوه اولونا جاق اولورسا معرفه اولور: [او قلمی گتیرا - معهود او صاتیلدیپی] [7]!

или же

کلمه نك اولنه (او) گتیریلنجیه معرفه اولدوغی کی (بو) گتیریلنجیه ده نکره اولور [8].

Шейх-Васфи признает дефинитивность только за винительным падежом. Шейх-Васфи фиксирует только образование неопределенной формы винительного падежа путем «отбрасывания от винительного падежа знака падежности»; что же касается определенной формы слова, то последняя, по его мнению, образуется только путем прибавления к началу имен существительных слов *او* (*o*) 'он, тот' или же *معهود* 'упомянутый, известный'. Таким образом, ни Redhous, ни Шейх-Васфи не удалось открыть полностью грамматические возможности турецкого языка в выражении дефинитивности.

В позднейших турецких грамматиках на эту важную языковую особенность уже почти не обращается внимания. Например, Хусейн Джагид, составитель довольно подробной грамматики турецкого языка, признает дефинитивную особенность только за винительным падежом,

связывая ее с партитивностью. Между тем этой особенности в языках тюркской системы не существует. Х. Джагидом она заимствована из французской грамматики, как показывают приводимые им примеры:

معنای جرئیتده قوللائیلمايان بر اسمی تعیین ایتک ایچون نهایته
(ی) گتیریلیر: «الهکی وهره» دنیلدیگی زمان معلوم و معین بیر الهکک
تمامی طلب ایدیلیور دیمک در [9].

Граматики азербайджанского тюркского языка, составляемые примерно с 1900 г., как, например, «تسهیل القواعد» Юсифа Талибзаде, не отмечают дефинитивной особенности азербайджанско-тюркского языка. Только в грамматике, составленной Особой комиссией в 1924 г., хотя и не особенно ясно и не на характерных для азербайджанского языка примерах, но впервые отмечено существование дефинитивности в азербайджанско-тюркском языке:

بعضاً اضافتلرده مضاف الیه اداتى دوشهر:
- اضافتلك معنا سیندا عمومیت اولدوغو زمان: پنجه جامی،
قلم اوجی، لیمون آغاجی معنا سیندا خصوصیت بولوندوغو زمان همان
اضافتلر:
پنجه نك جامی، قلمك اوجی، لیمونك آغاجی (۹) شكلینه دوشهور [۱۱].

Авторы цитируемой грамматики считают, что форма изафета (слово-сочетания) *قلم اوجی* *qələt uçı* 'кончик пера' означает общность, а форма *qələtin uçı* выражает частности.

Известный языковед, проф. Мирза А. Казем-Бек в своей «Грамматике турецко-татарского языка» по поводу разбираемого нами вопроса отмечает следующее: «Нарращение родительного падежа *ك* или *نك* выбрасывается в следующих случаях: а) когда оба существительных или одно из них ничем не определяется; например, *təmləkət nizam* 'государственные правила' [12. С. 375].

Тот же автор в другом месте своей грамматики эту дефинитивную особенность признает и за винительным падежом: «Винительный падеж заменяется именительным в следующем случае: когда предмет действия ничем не определен и имя предмета относится непосредственно к глаголу, например:

بیر حریف نه گناه ایتمش که آنی زنجیرو صالحشیر [12, с. 382].

Таким образом, полная и ясная постановка этого вопроса в рассматриваемых нами грамматиках впервые встречается в отмеченной грамматике Казем-Бека.

Если, пропустив приблизительно сотню грамматик, посвященных разбору различных языков тюркской системы, мы обратимся к грамматикам тюркских языков, составленным русскими языковедами, то увидим, что интересующий нас вопрос в этих грамматиках поставлен шире и более выпукло. Например, в последней своей грамматике [13. С. 105

и след.] акад. А. Н. Самойлович эту особенность признает не только за винительным падежом, но и за родительным.

В различных местах своей грамматики акад. Самойлович отмечает существование в турецких языках «оформленного» и «неоформленного» винительного и родительного падежей. Считает ли акад. Самойлович эту особенность только формальной, морфологической или одной из функционально-семантических особенностей в тюркском языке, остается в названной грамматике невыясненным, так как такой термин, как «винительный оформленный» или «неоформленный», дает право думать, что здесь речь идет только о том, является ли данное слово оформленным падежом (винительным или родительным) или нет, тем более что автор, насколько нам удалось проследить по вышеназванной грамматике, нигде не ставит отдельно вопроса о функциях этих падежей и в связи с этим о дефинитивности в тюркском языке вообще.

Другой автор турецкой грамматики — проф. В. А. Гордлевский в разделе «Сочетания слов» более подробно останавливается на этом вопросе и особенность «сочетания слов», состоящего из родительного и винительного падежей, т. е., по терминологии грамматик, составленных на базе арабской филологии, изафет *إضافت* сравнивает с функцией французского «article» (*le, la, de*), например, шеер капусу — *la porte de ville*, шерин капусу — *la porte de la ville* [14. С. 76—77]. Эти сочетания, по мнению Гордлевского, выражают неопределенность (шеер капусу) или определенность (шеерин капусу), причем в первом сочетании (шеер капусу) первое слово имеет еще функцию прилагательного.

Вышеприведенные сведения (утверждения) из различных грамматик показывают, что существование дефинитивной особенности в языках тюркской системы лингвистами различных эпох открыто и установлено вполне определенно. Все исследователи считали эту особенность только одной из функций сначала (до Казем-Бека) винительного, а затем и родительного падежа.

По нашему мнению, современное состояние изучения этого вопроса позволяет выделить эту особенность в особую семантическую категорию и поставить вопрос о более углубленном и всестороннем изучении этой особенности. Можно вполне согласиться, что эта особенность в языках тюркской системы, сравнительно с языками других систем, например, индоевропейской или семитической, развита слабо, но имеются языки (например, иранский, ряд финских языков), в которых эта особенность развита еще слабее, и, таким образом, язык тюркской системы занимает среднее, промежуточное, место среди различных языковых систем.

В дальнейшем следует отметить, что форма, похожая на форму винительного падежа, на самом деле в известных синтаксических положениях является ничем иным, как определенным дефинитивным именительным падежом. Например, в словосочетании *Məmləkət nızatı* (пример Казем-Бека) вторая часть — *nızatı* не является винительным, а занимает место именительного падежа, его следует считать в предложении определенным дефинитивным подлежащим, и поэтому он может принять дополнительную морфему винительного падежа: *nı-nı* (по сингармонизму): *Məmləkət nızatı-nı*.

Как известно, морфемы винительного падежа и второго члена словосочетания (*nızatı*) в некоторых древних языках тюркской системы были разные. Например, в языке ту-кю для винительного падежа существовало *ig-bq* (по сингармонизму), для второго же члена «изафета» — *i-b* (по сингармонизму):

1. Өзе көк таңги, асга жағыз јер қыльндықда екин ара кіші оқлу қыльп-пъш (из орхонских надписей);

2. Başlyqьq јyk yndyгmьш, tizligig sөkyгmьш (из орхонских надписей).

Вышеприведенные примеры — *kişi oqlu*, *tizligig*, *başlyqьq* — вполне наглядно показывают различие между суффиксами винительного падежа и изафета. С выпадением конечных звуков *g* и *q*, что связано с общим изменением артикуляционного базиса, в южной группе языков тюркской системы получилось совпадение этих генетически и функционально различных суффиксов. Что касается северных и восточных групп тюркских языков, то в этих языках и в настоящее время эти суффиксы имеют различные формы:

özbək tili 'узбекский язык';

til-ni 'язык'—винительный падеж.

Характерно, что этот самый суффикс выступает и в остальных языках тюркской системы, например в азербайджанско-тюркском, когда второй член «изафета», т. е. «музаф», находится в «винительном» падеже и принимает вторичную морфему винительности или же слово кончается на гласный звук:

а) *tyrk dili*, *tyrk dili-ni*;

б) *ata*, *ata-пъ*, *qарь-пъ*.

Что касается первого члена «изафета», то он, как указано в начале настоящей статьи, может быть в двух формах: в именительном и родительном падежах.

В первом случае (в именительном падеже) этот член действительно выражает неопределенность, общность и в большинстве случаев его можно переводить (как это отмечено у проф. Гордлевского) на европейские или вообще на большинство флективных языков прилагательной формы; например:

Qomunist Firqəsi 'Коммунистическая партия';

tyrk dili 'тюркский язык'.

Во втором случае (в родительном падеже) этот член, как указано выше, выражает определенность, частность, конкретность: *dağın tərəzi* 'вершина горы', *denizin dibi* 'дно моря' и т. д.

Следует отметить, что «изафет» первого вида, т. е. с первым членом в винительном падеже, как-то составляет одно целое и соответствует так называемому «назывному предложению», принятому в последних грамматиках русского языка (например в грамматике Шапиро), т. е. служит словосочетанием, обозначающим названия и термины. Названия почти всех учреждений и организаций передаются посредством этого вида «изафета»: *Azərbaycan Mərkəzi İcraiyyə Qomitəsi* 'АзЦИК', *Azərbaycan Dövlət Pedaqozi Tədqiq Institutu* 'Азербайджанский государственный исследовательский педагогический институт' и т. д.

Как видно из вышеприведенных примеров, первый член «изафета», из скольких бы слов он ни состоял, будет в именительном падеже и на русский язык переводиться прилагательной формой. Поэтому старые грамматики тюркского языка этот вид «изафета» называли «*izafət-i bəjaniyə*», т. е. «объяснительным изафетом». В подобном сочетании слова различных категорий, в особенности имена существительные, выполняют функции прилагательного,

Одной из структурных особенностей языков тюркской системы является то обстоятельство, что вообще грамматические категории в этих языках слабо дифференцированы; одно и то же слово в этих языках может выполнять функции существительного, прилагательного и глагола, например, слово *gələçäk* или *gecmiş* в различных синтаксических построениях может выполнять все вышеуказанные функции: *gələçäk sənə* 'будущий год', *Əhməd gələçäk* 'Ахмед придет', *gələçəgimiz* 'наше будущее'.

Все имена существительные, являющиеся в предложении определенными, выполняют функцию прилагательного: *gumuş* 'серебро', *gumuş qaşyq* 'серебряная ложка', *dəmir* 'железо', *dəmir qap* 'железная дверь' и т. д. В этом виде «изафета» первый член всегда определяет второй член. Эта особенность, присущая в различной степени всем языкам тюркской системы, в сущности, является пережитком синтетичности.

Второй вид «изафета» (первый член в родительном и второй член в винительном падеже) типа «*şəhərin qarusu*», как уже установлено вышеупомянутыми грамматиками, выражает определенность, дефинитивность. Кроме того, этот вид «изафета» является собственно организационной частью «изафета» и отдельно от предложения не употребляется. Между первым и вторым членом этого вида сочетания всегда выражается принадлежность второго члена к первому. Первый член этого «изафета» всегда выполняет функцию существительного. Эту особенность можно было бы считать основным грамматическим признаком существительности, хотя вообще способность слова быть склоняемым считается признаком существительности.

На основании вышесказанного о первом виде «изафета» мы склонны думать, что второй вид «изафета» *şəhərin qarusu* в сравнении с первым — более позднего происхождения. Этот вид (второй) по своей структуре принадлежит уже к агглютинативной стадии тюркского языка. Возможно, что вначале оба вида (*şəhəg qarusu* и *şəhərin qarusu*) имели недифференцированную функцию и только позднее возникла функциональная дифференциация между ними. В качестве аналогичного явления можем указать тоже на одну из характерных особенностей языков тюркской системы, а именно на своеобразие количественного согласования между подлежащим и сказуемым в тюркском предложении. Как известно, в современном состоянии тюркских языков согласование в количественном отношении необязательно и даже в большинстве случаев недопустимо. Например, нельзя сказать *quşlar uçdu-lar*, т. е. 'птицы улетели', или *gözlərim göryülər*, т. е. 'мои глаза видят', а нужно сказать: *quşlar uçdu* 'птицы улетела' и *gözlərim göyür* 'мои глаза видит' и т. п., но в других случаях сказуемое может быть согласовано с подлежащим, находящимся во множественном числе; например, можно сказать и *qonaqlar gəldilər*, т. е. 'гости пришли', и *qonaqlar gəldi* 'гости пришел'.

В каких случаях какая форма (согласованная или несогласованная) должна применяться? Этот вопрос до настоящего времени не решен; он даже не поставлен научно в грамматиках тюркского языка. Некоторые преподаватели тюркского языка полагают, что сказуемое бывает в единственном числе, если подлежащее выражает неодушевленный предмет, а в других случаях допускается согласование.

По этому поводу следует отметить два момента: во-первых, несогласованная форма больше соответствует настоящей структуре тюркского языка, потому что в «изафете» и в других словосочетаниях согласование также не допускается: *qızyl əskər* 'красный аскер', *qızyl əskər*.

ләр 'красные аскеры' (вернее: 'красный аскеры'); поэтому можно думать, что случаи согласования находятся в стадии возникновения, и установить точную функционально-семантическую дифференциацию этих двух форм (согласованной и несогласованной) в настоящее время трудно. Во-вторых, нам кажется, что и эта особенность тюркского языка связана с выражением дефинитивности. Дело в том, что при распространённом предложении сказуемое чаще всего подчиняется количественному согласованию, например: *Quşlar jazda şimalə, qışda çəpübə dögrü ucurlar.*

В подобных предложениях подлежащее, находящееся во множественном числе (*quşlar* 'птицы'), требует, чтобы сказуемое тоже было во множественном числе (*ucurlar* 'летают').

Для выяснения исторического развития этих особенностей тюркского языка необходимо изучить памятники как письменной, так и народной литературы. К сожалению, рамки и предварительный характер настоящей статьи не позволяют продемонстрировать здесь все имеющиеся в нашем распоряжении материалы. Поэтому ограничимся пока приведением только некоторых отрывков из произведений Физули, иллюстрирующих положение только что отмеченной нами особенности количественного согласования в его произведениях:

گل رخسارکه قارشو گوزمدن قانلی آغار صو،
 حبیبیم فصل گلدر بو آغار صولر بولانمز می؟
 منی جانان اوصاندردی جفادن یار اوصانمز می.
 فلکدر یاندی آهمدن مرادم شمعی یانمز می؟
 دیدارکن گورمکه ملکم - یابوسکه یتیمکه فلکدر،
 چوق ایلیوب اضطراب پیدا - اللهدن ایتدیلمر تمنا
 عادته ینه اول ایکن لشکر - رزم ایتمکن ایتدیلمر مقرر،
 تیغ آدی ینه پهلوانلر - باشلر کسیلوب دوکلدی قانلر.

В этих примерах обнаруживается интересная картина: одно и то же слово — *فلکار* (множественное число от слова *فلك* 'сфера, небо, судьба') в одной фразе *فلکار یاندی* имеет несогласованное сказуемое *فلکار* во множественном числе, *یاندی* 'сгорел' в единственном, в другой же фразе — *فلکار ایتدیلمر تمنا*, наоборот, то же самое слово, занимающее в предложении место подлежащего, имеет сказуемое согласованное: *ایتدیلمر*. В одном и том же двуступи, состоящем из нескольких фраз, некоторые фразы согласованы:

ایکن لشکر رزم ایتمکن ایتدیلمر مقرر

а некоторые — не согласованы:

تیغ آدی ینه پهلوانلر باشلر کسیلوب دوکلدی قانلر

В приводимой ниже прозаической выдержке все глаголы, являющиеся сказуемыми, согласованы с подлежащими:

امیددرکه اصحاب فصاحت و ارباب بلاغت مشاهده و مطالعه
 قلندره منسا و مولدم عراق عرب اولوب تاماشی محموده غیرمملکتلره
 سیاحت قلندیغه واقف اولدندا بوعلشی موجب سقوط اعتبار
 بیلمه لر و محل و مقامه گوره رتبه استعدادیمه حقارتله نظر قلمیه لر.

Думать, что Физули пользуется то согласованной, то несогласованной формой из соображений метрики (или стихосложения), нельзя, потому что Физули принадлежит к той категории великих мастеров слова, которые всесторонне и в совершенстве владели художественным языком своей эпохи, поэтому ни в стихотворных, ни в прозаических его произведениях никаких недостатков и шероховатостей со стороны грамматики и стилистики не встречается. Следует обратить внимание на то, что у Физули случаи согласования встречаются только в распространенном предложении, где между подлежащими и сказуемыми находятся другие члены — дополнения и определения.

В орхонских надписях (в большой и малой) ни одно сказуемое в третьем лице с подлежащим не согласуется: Tabqasaq̄ bəgləṛ tabqas at̄n tut̄raṇ tabqas qaqaṇqa kərmış, elig j̄yl işig kycig bərmış [15. С. 65].

В современном тюркском языке наблюдается то же самое явление, что и у Физули. В сочетаниях q̄yq̄lar, j̄ədiləṛ, j̄irmi alt̄ylar, ucləṛ дефинитивная функция l̄ar-l̄əṛ явно чувствуется. Нам кажется, что в современном тюркском языке уже можно усановить следующие условные положения по этому вопросу:

а) в распространенном предложении сказуемое согласуется с подлежащим;

б) это согласование имеет место и тогда, когда сказуемое подчеркивается. Таким образом, суффикс множественного числа в этих двух случаях до известной степени играет роль дефинитивности;

в) в остальных случаях согласование сказуемого с подлежащим необязательно и в большинстве случаев даже не допускается;

г) кроме того, тот же суффикс множественного числа служит для выражения неопределенности и общности: dej̄irilir, deməzl̄əṛ по значению равняются формам dej̄ilir, dej̄ilməz [16].

Предварительная проверка памятников литературы и фольклора склоняет нас к тому, чтобы по поводу двух видов «изафета», а также по вопросу согласования выдвинуть следующую схему развития:

1. В первоначальной стадии 1-й и 2-й виды «изафета» были не дифференцированы. Оба вида возникли из простого сочетания определяющего члена с определяемым в форме именительного падежа, как это встречается в северокавказских языках тюркской системы, например, в кумыкском языке: q̄ımuq̄ t̄il (вместо q̄ımuq̄ t̄ili).

Сочетания типа q̄ımuq̄ t̄il отражают, несомненно, более древнюю (синтетическую) стадию языка, чем сочетания типа q̄ımuq̄ t̄ili. Что же касается согласования, то оно на первом этапе не существует, т. е. сказуемое ставится в единственном числе.

Вероятно, в эпоху создания орхонских надписей большинство языков тюркской системы было в этой стадии.

2. Вторым этапом можно считать появление сочетаний типа q̄ımuq̄ t̄ili, şəhəṛ qar̄ısu и наряду с этим q̄ımuq̄n̄un t̄ili или şəhəṛin qar̄ısu. Оба эти типа сочетаний долго сосуществовали в недифференцированном виде по значению, т. е. второй вид сочетания еще не выражал дефинитивности, как на современном этапе своего развития.

На этом же этапе возникают согласованная и несогласованная формы предложений.

3. Наконец, на третьем этапе оба вида сочетания существуют вполне дифференцированно; дифференциация между согласованным и несогласованным сказуемым начинает возникать только в наше время и, естественно, не без влияния языков соседних народов.

Тюркские языки и языки, близкие к нему по своей структуре, имеют еще специальные слова, служащие для выражения определенности: *o* 'он', *bi* 'этот' и неопределенности: *bir* 'один', *pes* 'сколько', *bir pes* 'несколько' и т. д. (В настоящей статье мы задались целью заняться проблемой дефинитивности только в его грамматическом выражении).

В связи с дефинитивной особенностью тюркской языковой системы считаем необходимым обратить внимание на особенности выражения дефинитивности в других языках, сделать попытку предварительной классификации языков других систем с точки зрения выражения дефинитивности в этих языках и определить место тюркского языка среди них.

Как известно, до сих пор так называемая «тюркология» остается замкнутой в рамках только сравнительно узкой системы тюркских или, в лучшем случае, «алтайских» языков. Поэтому следует считать вполне правильным следующее указание акад. Н. Я. М. Марра: «Таким образом, в изолированном изучении т. н. алтайской семьи полученные звуковые законы несколько не помогают правильному исследованию турецких языков, наоборот, они мешают ему, заслоняя собой более углубленные перспективы в состоянии тех же языков на предшествующих более ранних стадиях развития» [17. С. 35].

Проведение в жизнь этого важного методологического указания Н. Я. Марра позволяет открыть новые перспективы как в области дальнейшего изучения так называемых алтайских языков, так и в освещении с помощью марксистско-ленинской методологии материалов, собранных по этим языкам в течение нескольких веков.

Даже наш довольно беглый и неполный обзор языков различных систем открывает перед нами широкие перспективы дальнейшей увязки истории языков тюркской системы и говорящих на них народов с языками других систем и, таким образом, указывает путь создания научно-исторической грамматики этих языков.

Как известно, почти во всех языках индоевропейской, или, по термину Н. Я. Марра, прометейдской, системы дефинитивность выражается с помощью особых морфем, грамматических показателей. Например, в греческом языке имеется три особых показателя дефинитивности (по мужскому, женскому и среднему родам).

Эти дефинитивные члены в греческом языке выполняют различные функции: а) обобщающую; б) обособляющую; в) атрибутивную.

Древнеславянские и болгарские показатели дефинитивности связаны с греческими: *тѣ*, *та*, *то*, *ат*, например: *Слѣдъ смерть покаяне-то не бива* 'После смерти покаяние не бывает'.

Эти же показатели, в свою очередь, связаны с санскритским *tat* 'этот, тот'.

Характерно, что в современном русском языке «то» означает неопределенность: «как-то» и «кто-то» и т. д. Как греческие и болгарские члены дефинитивности связаны с указательными местоимениями, так и французский связан с латинским *ille, illa* 'этот, тот'. То же самое можно сказать о немецких членах дефинитивности *der, die, das*.

В венгерском языке выразители определенности *az* (перед гласными) и *a* (перед согласными) помимо своей функции дефинитивности еще являются самостоятельными словами, служащими указательными местоимениями: *ez*, *az* 'это тот', 'вот это и есть' и т. д.

Во всех индоевропейских языках, за исключением болгарского, дефинитивность выражается препозитивно. Языки иранской системы, например армянский, татский и иранский, определенность (армянский и татский) или неопределенность (иранский) выражают постпозитивно (суффиксами).

В татском языке выразителями определенности являются *a* и *e*: *saŋq* 'камень', *saŋqa* 'камень' (определенный), *asp* 'лошадь', *aspa* — 'определенная лошадь'; *merd* 'человек', *merde*—'определенный человек'. Например: *saŋqa biag* 'принеси тот камень', *aspa biag* 'приведи ту лошадь', *merde kuştum* 'я убил того человека' и т. д.

Иранский грамматический член *i*, по-видимому, тесно связанный с армянским *ə* и татским *e*, функционально занимает особое место, так как он служит для выражения именно неопределенности: *esb* 'лошадь', *esbi* 'какая-то лошадь', *erd* 'человек', *erdi* 'какой-то человек'.

Нам кажется, что как в большинстве вышеуказанных языков, так и в языках тюркской системы выразители определенности, или в современном состоянии этих языков—суффиксы родительного и винительного падежей, тоже связаны с местоименными словами *o* или *u* и $\text{ئۇ}—\eta$, а встречающиеся в словообразованиях $g\ddot{a}l—d\ddot{i}—\eta—n$: 'ты пришел' (букв.: 'пришел ты'), $g\ddot{a}l—d—i$ 'он пришел' (вернее: 'пришел он'), $cv—i$ 'его дом'—'дом он', $ev—i—\eta$ 'твой дом'—'дом ты'.

Таким образом, современные индоевропейские, ирано-армянские и тюркский языки с точки зрения дефинитивности можно разбить на следующие категории:

1. Индоевропейские языки, выражающие дефинитивность с помощью особых препозитивных частиц (членов), не имеющих в большинстве этих языков другой грамматической функции. В этой категории языков, на наш взгляд, первое место занимает французский язык (*le, la, de*).

2. Венгерский язык занимает особое место, хотя и в нем (по-видимому, под влиянием славянских языков Средней Европы) дефинитивность выражается препозитивными членами, но эти члены имеют преимущественно функцию указательного местоимения.

3. Славянские языки (болгарский, народно-русский и др.) в выражении дефинитивности имеют свою специфику, заключающуюся в том, что эти языки для этой функции пользуются постпозитивными членами, являющимися в основном указательными местоимениями.

4. Ирано-армянские языки отличаются тем, что в этих языках дефинитивность выражается посредством особых суффиксов (*i, e, ə, n*), которые в современных ирано-армянских языках не выполняют другой функции, хотя в своем генезисе они тоже связаны с местоименными образованиями.

5. Языки тюркской системы в отношении выражения дефинитивности выделяются в особую группу, так как в них, во-первых, дефинитивность выражается частично (в двух падежах: родительном и винительном, отчасти в согласовании сказуемого с подлежащим и посредством особых вспомогательных слов), во-вторых, суффиксы или вообще выразители дефинитивности в этих языках выполняют другие морфологические или синтаксические функции, и, в-третьих, выразители дефинитивности этих языков в своем генезисе восходят тоже к местоименным образованиям.

6. Наконец, особое место должно быть отведено иранскому (персидскому) языку, хотя в этом языке суффикс дефинитивности с фонетической стороны связан, как было указано выше, с аналогичными суффиксами других ирано-армянских языков; но дело в том, что иранский суффикс выполняет функцию не дефинитивности, а, наоборот, неопределенности, как «то» в русском языке.

Каков генезис и каковы пути развития в выражении дефинитивности в общечеловеческом глоттогоническом процессе? Индоевропейцы, как Meillet, Vendryes, Brugmann и другие, не обращают должного внимания на эту особенность. Тот факт, что почти во всех известных нам языках дефинитивные члены косвенно или непосредственно связаны с указательными и личными местоименными словами, приводит нас к мысли, что дефинитивность как языковая особенность возникает в доисторическом периоде. Во всяком случае, дефинитивность связана с родовым строем, чем объясняется общность различных выразителей для отдельных систем языков. Само собой разумеется, что самостоятельных морфем дефинитивности в синтетической стадии развития языков не могло быть. Языковое выражение дефинитивности зависит от наличия местоименных слов, а эти последние, как указано Н. Я. Марром, связаны с появлением частной собственности. Частная же собственность в зачаточной форме возникла, как это указано Ф. Энгельсом, в сравнительно развитом племенном обществе, скорее всего, у пастушеских племен, имеющих также первые зачатки общественного разделения труда.

«Пастушеские племена выделялись из остальной массы варваров; это было первое общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, но и другие средства существования, чем остальные варвары» [18. С. 160], и к этой ступени развития племен и относится появление зачатков частной собственности.

«Мы до сих пор не знаем насчет того, как и когда перешли стада из общего владения племени или рода в собственность глав отдельных семей. Но в основном переход этот произошел на этой ступени развития» [18. С. 162].

Таким образом, появление языковых показателей дефинитивности, в свою очередь связанных с местоименными образованиями, мы с уверенностью можем отнести к периоду «средней ступени варварства», т. е. ко времени образования племен, в особенности пастушеских, где впервые появляются зачатки разделения труда, общественного расслоения и частной собственности.

Это предположение подтверждается еще данными лингвистики и истории идеологии, пережитками различных стадий мышления. В качестве примера укажем на оригинальную и богатую языковедческими фактами и выводами книгу одного из «наиболее революционно мыслящих для своей общественной среды научных работников современной Франции» (Марр), исследователя первобытного общества Леви-Брюля — «Первобытное мышление» [19]. В этой книге специальная глава [19. С. 95—119] посвящена языковым особенностям первобытного общества. В материалах книги красной нитью проходит основная черта первобытного, «пралогического» мышления: стремление к фиксации, выделению различных свойств конкретности; определенного, известного и неопределенного, неизвестного и наряду с этим зачатки абстракции, отвлечения и, наконец, противопоставление коллективного, общего индивидуальному, частному. Ясно, что появление дефинитивности как одной из функций и результатов первобытного мышления связано с вышеприведенными его особенностями.

Дефинитивность, выражаемая вначале самостоятельными словами

(местоимениями), в ходе дальнейшего развития основ глоттогонического процесса перерождается в специальные грамматические элементы: article, аффиксы дефинитивности и пр.

Заканчивая настоящую статью, считаем небесполезным отметить важное методическое значение учета этой особенности в преподавании. Дело в том, что в методике преподавания второго или вообще иностранного языка большие затруднения вызывают структурные различия между языками, например, в Азербайджане — между русским, тюркским и другими иностранными языками. Усвоение особенностей, общих родному и чужому языкам, дается легче, чем усвоение специфических основ чужого языка, не увязанное с грамматическими основами родного языка. Установление дефинитивной особенности в тюркском языке до известной степени облегчает задачу преподавателя иностранного языка у тюрков и обратно и дает возможность апеллировать к ассоциациям родного языка при прохождении и усвоении одного из труднопрорабатываемых отделов грамматики иностранных языков, имеющих дефинитивную особенность как особо выраженную грамматическую категорию. Поэтому один из авторов нового руководства по немецкому языку поступает правильно, увязывая дефинитивную особенность немецкого языка с пережитками дефинитивности в русской речи [20].

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Печатается по: Тр. Лингв. сер./АзФАН СССР. Баку. 1936. Т. 31. С. 21—34.

² Т. е. в тюркской речи женский и мужской род, определенность и неопределенность не отличаются (равны) 73 *كتاب حلية الانسان*

³ Т. е. каждое слово, к концу которого прибавляется *i*, обозначает неопределенность: *merd-i* 'неопределенный, неизвестный человек', *asb-i* 'неизвестная лошадь', *şamşir-i* 'неизвестная сабля'; См. там же, стр. 6.

⁴ James W. Redhous. Gramm: Rais. de la langue Ottomane. Paris, 1846.

⁵ 1316, *شیخ وصفی، نحو عثمانی، استامبول*

⁶ Т. е. если от винительного падежа отнять знак падежности (винительного падежа), то слово станет неопределенным. В предложениях *kitab oqudum*, *jazъ jazdım* слова *kitab* и *jazъ* не имеют знака падежности, так как они выражают неопределенность [5. С. 84].

⁷ Т. е. если к началу имен существительных прибавить слова *o* 'он, тот' и *mehdud* 'упомянутый', то имена эти станут определенными: *O qeləmi gətir* 'Принеси то перо'; *Ma'hud ev satıldı*? 'Упомянутый дом продан?' [5. С. 80].

⁸ Т. е. если прибавить к началу слова *o* (о) 'он, тот', слово станет определенным, а если прибавить *bir* (bir) 'один' — станет неопределенным [5. С. 81].

⁹ Т. е. для того, чтобы определить слово (вернее, имя), не употребленное в значении партитивности, к концу этого слова прибавляется *ı* например: *ekmāgi ver* *اکمکی ویر* 'дай хлеба'; это означает, что требуется все количество определенного хлеба [10. С. 61].

¹⁰ *Хусейн Джахид. ترکجه صرف و نحو* 1924.

¹¹ Т. е. иногда в изафетах суффикс родительного падежа выпадает, если изафет выражает общность; *Rəncəgə şamъ* 'стекло окна', *qelətm ucı* 'кончик пера', *limon ağacı* 'лимонное дерево', а если изафет означает частность, то суффикс родительного необходимо: *Rəncəgəpin şamъ* и т. д. (21—22: *صحيفة قومسيون: ترکجه* 1925.

صرف-نحو، باکو

¹² *Казем-Бек М. А.* Грамматика турецко-татарского языка. 2-е изд. Казань, 1846.

¹³ *Самойлович А. Н.* Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. Л., 1925.

¹⁴ *Гордлевский Б. А.* Грамматика турецкого языка. М., 1928.

¹⁵ *Мелиоранский П.* Памятник в честь Кюль-тегина. Спб., 1899.

¹⁶ Во время подготовки настоящей статьи была получена интересная работа проф. М. Я. Немировского «К вопросу об образовании множественного числа имен существительных в горских (яфетических) языках Кавказа» (Орджоникидзе, 1933), в которой, к сожалению, интересующего нас вопроса автор не касается.

¹⁷ *Март Н. Я.* Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков // Под знаменем марксизма, 1927.

¹⁸ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1932.

¹⁹ *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление / Пер. с фр. с предисл. Н. Я. Марра. Изд-во «Атенст».

²⁰ *Шмелев.* Самоучитель немецкого языка. М.: Центроиздат. Вып. 1.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р. Г. СЫЗДЫКОВА. ЯЗЫК «ЖАМИ'АТ-ТАЎАРИХ» ЖАЛАИРИ

АЛМА-АТА: НАУКА, 1989, 242 с.

Историографическое сочинение конца XVI—начала XVII в. Кадыргали Жалаири под условным названием «Сборник летописей» широко известно среди тюркских, особенно кыпчакоязычных народов. Новое его издание поступило в распоряжение специалистов, причем, надо полагать, узкого круга последних, поскольку вышло оно весьма ограниченным тиражом (1000 экз.). Краткое предисловие к изданию посвящено целям, задачам и значению изучения языка памятника (лексика и фразеология исследуются в основном в диахроническом плане с учетом графоорфографических особенностей). Здесь же отмечается, что работа написана на основе сводного критического текста известных на данное время двух копий летописи (оригинал рукописи, очевидно, утерян) — хальфинского (около 1598—1605 гг., из ВОНВ ЛГУ) и барудийского (1602 г., из НБ Казанского ГУ).

Первая глава монографии, как и следовало ожидать, посвящена истории изучения языка «Летописи». Этот раздел работы выполнен с присущей автору обстоятельностью: глава изобилует конкретными результатами проницательного научного анализа, трезвыми, строго выверенными суждениями. Подобная манера освещения материала характерна для всей книги в целом. Так, отличаются особенной компетентностью изыскания автора в области установления наиболее правомерной формы орфографического изображения имени, фамилии и нисбы создателя «Летописи», а именно: Qadyrgalı bi bin Qosum Zalayıri (сокращенно: Қадырғали Жалайыри). Следует отметить, что Кадыргали, по происхождению казах, из рода жалайыр, какое-то время был касимовцем (идейно-духовным воспитателем касимовского правителя Ураз-Мухаммеда) и, надо полагать, жил и в Москве. Его образование, по словам И. Н. Березина, «было довольно значительно, и он сам, по обыкновению восточных писателей, старался писать языком книжным, а не общепотребительным», т. е. общенародным, обиходным. Мне ду-

мается, что он, будучи последователем и переводчиком великого историка и мыслителя Востока Рашид ад-Дина, просто не мог поступать иначе.

Далее в книге Р. Г. Сыздыковой представлена история изучения памятника начиная с первого исследователя И. Н. Березина, отмеченная именами таких ученых, как Н. И. Ильминский, Ч. Ч. Валиханов, В. В. Вельяминов-Зернов, А. Рахим и др.

С большим уважением автор отзывается о работах А. Х. Маргулана, Э. А. Масанова, М. О. Ауэзова, З. А. Хисамиевой и В. Я. Басина. Историко-лингвистический анализ примеров, корректный метод ведения полемики с мнениями досточтимых коллег, к которым автор относится с завидным уважением, точное и изящное описание той ситуации, которая сложилась сегодня в науке в интересующей автора области, — все это производит очень хорошее впечатление и заслуживает особого внимания читателя. Р. Г. Сыздыкова активно полемизирует с М. А. Усмановым, К. Жунисбаевым, А. Жиреншиным и Т. Кордабаевым. Несогласие ее с последним автором выражено особенно резко. Так, Р. Г. Сыздыкова полагает (с. 22—23), что Т. Р. Кордабаев¹ «совершенно не обращает внимания на правильное прочтение текста и его транскрипцию»; некоторые морфологические показатели он квалифицирует неверно; суть грамматических элементов Т. Р. Кордабаев нередко оставляет лишь объектами голой регистрации, без какой-либо лингвистической интерпретации, и чаще всего он указывает на общую закономерность связи слов в языке «Летописи», с одной стороны, и современного казахского языка — с другой, что не может служить, по мнению Р. Г. Сыздыковой, основанием для сближения языка памятника с тем или иным современным языком, так как грамматиче-

¹ См.: Кордабаев Т. Р. Тарихи синтаксис мәселелері. Алматы, 1964; Тоғанов М., Кордабаев Т. Р. Тарихи грамматика мәселелері. Алматы, 1975.

ские функции, например падежей, вряд ли отличаются в различных тюркских языках; «некоторые предположения Т. Р. Кордабаева выглядят беспочвенными, нуждаются в более точных построениях и весомых аргументациях». Аргументы автора разбираемой нами монографии представляются убедительными, как свойственна убедительность в работе в целом, производящей куда более выгодное впечатление, чем, например, отмеченные исследования Т. Р. Кордабаева.

Выводы первой главы (с. 25), по-моему, следует признать интересными в научно-теоретическом плане. В них автор суммирует следующие четыре основные точки зрения касательно языка рассматриваемого памятника: он написан 1) на «книжном языке своего времени» (И. Н. Березин, Ч. Ч. Валиханов, В. В. Вельяминов-Зернов, А. Рахим), т. е., по мнению Р. Г. Сыздыковой, «на среднеазиатском тюрки», «чагатайском языке»; 2) на чагатайско-казахском языке (А. Маргулан, Э. Масанов); 3) на казахском языке (К. Жунисбаев, А. Жиреншин, Т. Кордабаев) и 4) на старотатарском языке (М. Усманов) или на поволжском тюрки (З. Хисамиева). Собственную концепцию автор основывает на решении трех проблем, которые не вызывают возражения, за исключением разве только, как мне кажется, следующего момента. Изучение языка памятника в графофонетическом плане вряд ли способствует определению его близости (точнее, установлению родственной связи, в конечном счете — идентификации) к тому или иному национальному языку нашего времени — вследствие того, что дореволюционные орфографические традиции многих тюркских языков восходят к среднеазиатскому письменному литературному языку — общетюркскому в определенном регионе. Другое дело, когда речь идет о необходимости его изучения в первую очередь в лексическом, грамматическом и лучше всего синтаксическом (в частности фразеологическом) отношении; особенности изучаемого языка в таком случае выступают более рельефно, раскрываются более конкретно и наглядно, во всем объеме.

Судя по всему, Кадыргали Жалаири знал, причем неплохо, кроме арабо-персидского, среднеазиатский письменный литературный язык (термин А. Самойловича — А. К.). Это значит, что он владел такими языками, как «книжный», «среднеазиатский тюрки», «чагатайский» и «поволжский тюрки», а также «золотоордынским литературным и разговорным» и их разновидностями (казанской, крымской, ногайской, хорезмийской, мамлюкской и т. д.), если только они представляли собой отдельные языки. С таким же успехом он владел, очевидно, казахским и, надо полагать, также и татарским, опять-таки если они были самостоятельными, независимыми языками; в то время они были, как нам представля-

ется, очень близки друг к другу. Оставляя в стороне данный вопрос, требующий специального изучения, отмечу лишь, что общий для ряда тюркских народов среднеазиатский литературный язык не исключал в свое время самостоятельного бытования локальных и региональных литературных языков в разных культурно-исторических центрах и их ойкуменах. Географический фактор здесь тесно переплетается с хронологическим, — ведь это было время начала формирования, становления и развития разных тюркских (староузбекского, старотатарского, староказахского и т. д.) литературных языков. Если язык «Летописи» в основе — кыпчакский, как это утверждают З. А. Хисамиева, Р. Г. Сыздыкова и другие, то он происходит, надо думать, от золотоордынского письменного литературного языка, откуда немало почерпнули ныне существующие татарский, казахский, равно как и другие ныне функционирующие кыпчакские языки. Стоит ли вообще ставить знак различия между этими языками, основываясь на материале «Сборника летописей» К. Жалаири? В то же время очевидна их общность на базе литературного койне или застывшего в своих консервативных формах книжного языка с не менее консервативной орфографией арабского письма. Специалист по языку «Летописей» Жалаири, Р. Г. Сыздыкова оспаривает мнение ряда исследователей о том, что данное сочинение принадлежит к числу памятников старотатарского литературного языка, поскольку выделенные З. А. Хисамиевой «собственно татарские» элементы в одинаковой степени можно классифицировать и как «собственно казахские» (с. 24—25). Ср. еще: «Принадлежность к старотатарскому или староказахскому следует еще доказать, поскольку все фонетико-грамматические элементы, приближающие (или определяющие) язык „Летописи“ Жалаири к поволжско-татарским языкам, в большей степени характерны для казахского языка» (с. 127). Суждения своих оппонентов Р. Г. Сыздыкова парирует с помощью их собственных аргументов.

Вторая глава посвящена лексико-фразеологической характеристике языка «Летописи». Словарный состав изучаемого памятника в сравнительно-историческом аспекте рассматривается в основном в пределах трех лексико-семантических групп, которые приведены в одной равнозначной плоскости (с. 1—9). Первых четыре раздела главы отведены анализу словесного материала «Летописи» с точки зрения его соответствия примерам из современных языков. Сюда, в первую очередь, относятся общекыпчакские слова. На основе их анализа на фонетическом и лексическом уровнях выясняется, что многие словесные величины можно считать общими как для татарского, так и для казахского языка (с. 28). Закономерным считается то, что

отдельные слова из «Летописи» отсутствуют в современном казахском языке, но в недавнем прошлом они имели место в языке произведений казахского народного творчества, акынов, жырау и шежире (шежере) XV—XIX вв. (с. 30). Наличие в языке изучаемого источника отдельных форм словообразования, не имеющих точной аналогии (не в основе, а в способах образования форм) в казахском языке, автор отмечает особо (с. 32). Следует отметить, что широко известный в ряде тюркских языков исторический переход $g, \gamma > j, w, \emptyset$, который установил в свое время Ф. Корш в слове $ba\gamma u\lambda daq > b\ddot{a}l daq$, произошел в среднем средневековье и ко времени завершения работы Жалаири над «Летописью» не успел еще пройти стадию окончательного оформления. Употребление слов как в той (с g), так и в иной (с $j, w, \emptyset$) форме характерно для старокыпчакского языка, а преобладание последней формы — для казахского, хотя данный фонетический процесс в нем не был полностью кристаллизован: ср. ныне употребляемые $хап тауу$ и $хап тауу$ 'ханская гора' (с. 31). Отсутствие архаичных форм типа на δ, d и z , передаваемых арабскими буквами $z\ddot{a}l, d\ddot{a}l$ и $z\ddot{e}in, z\ddot{a}$, $d\ddot{a}d$ ($adaq \sim \sim azaq$ 'нога'), объясняется тем, что они в основном были характерны для памятников раннего средневековья (древнетюркского и древнеуйгурского письма). Отдельные реликтовые формы до сих пор употребляются в казахском языке: $e\ddot{z}g\ddot{i}$ ($izgi, izgilikti$) 'хороший, добрый, добро, благо, добродетель', $adaqta > adaq$ 'нога' ('кончать, заканчивать, довести до конца' и т. д.); эти эгизодически встречающиеся более архаичные восточно-тюркестанские формы (ср.: $aj \sim \sim ait$ 'говорить, сказать') своим присутствием в языке «Летописи» обязаны письменной традиции старотюркского литературного языка (с. 33).

Обилие синонимических пар, лексических параллелей и фонетических дублетов типа $te-$ и $de-$ 'говорить, сказать' (с. 34—35) объясняется тем, что одни из них ($te-$) отражают характерные черты старотюркских, а другие ($de-$) — новотюркских языков, точнее — казахского языка. Далее автор (с. 35—60) рассматривает общетюркские слова по семантическим группам: военно-административная и общественно-политическая терминология; термины родства и родственных отношений; лексика, относящаяся к хозяйству и быту.

К иноязычным напластованиям лексики относятся арабские (28%), иранские (13%), монгольские и русские (1%) элементы, а также несколько китайских и индоевропейских.

Третья глава «Грамматические и стилистические особенности языка „Летописи“» посвящена анализу основных способов грамматического оформления в области морфологии, стилистики (синтаксической организация текста, некоторые черты слога).

В морфологическом строении значительную долю, по словам автора, составляют кыпчакские элементы, но вместе с тем немало представлено и книжных, чагатайских, а через их посредство и огузско-уйгурских форм (с. 109). В стилистическом отношении книга К. Жалаири представляется неординарной. Автор выступает в ней как прозаик-сочинитель и как прозаик-переводчик. В первом случае его стиль — литературный, это оригинальный образец монолога казахского оратора (шешена), по определению Р. Г. Сыздыковой, это «образец орнаментальной и ритмической прозы в духе устной народной поэтики». Язык здесь отличается поэтической стройностью, ясностью и отточенностью в выборе слов и их сочетаний. Выступая же в роли прозаика-переводчика, автор говорит простым, обыденным языком, он излагает события, называет имена и т. д. В этом отношении автор остается в пределах норм переводческой практики тюркских литературных языков того времени.

В четвертой (последней) главе работы — «Замечания по графике и орфографии текста „Летописи“» — дается характеристика графических особенностей и орфографии халфинского, т. е. изданного И. Н. Березиным списка, который был заново затранскрибирован самой Р. Г. Сыздыковой. Рукопись «Летописи» не была лишена ряда изъянов и орфографических погрешностей, поскольку переписчик, по словам И. Н. Березина, был, по всей вероятности, «не совсем грамотен» и «добавил много своих погрешностей». Следует отметить и то, что рукопись (копия) не была отредактирована И. Н. Березиным при подготовке к изданию. Свои поправки, исправления орфографических и иных технических изъянов текста он хотел включить в русский перевод памятника в своем литографированном издании, которому не суждено было увидеть свет. Новому издателю, Р. Г. Сыздыковой, надо полагать, стоило немалых трудов устранить результаты небрежного отношения переписчика к орфографии, а также «большой разницей в письме отдельных слов, связанный, видимо, не только с неаккуратностью копииста» (с. 117). С точки зрения достижений тюркологии в области изучения древне- и старотюркских письменных памятников, изыскания Р. Г. Сыздыковой, ее замечания по графике и орфографии текста «Летописи» заслуживают внимания и поддержки, хотя отдельные моменты, в основном не принципиальные, требуют в дальнейшем специального обсуждения в плане согласования и поиска практически оптимальных способов графического оформления ряда фонем или букв арабского алфавита. Необходимо иметь в виду, что данное издание критического текста старотюркского памятника (с. 140—241) представляет в казахском языкознании практически первую пробу сил. Транслитерационно оно, кстати, выполнено на основе казахского алфавита. При транс-

крибировании текста автор использовал систему знаков, разработанную отечественными тюркологами. Эмфатические согласные арабского языка передаются буквами с дополнительными знаками (подстрочными точками и черточками), долгога — гласными с надстрочной черточкой и т. д.

Особо важное место в издании занимает «Заключение» (с. 126—137). Основные выводы автора сдержанны: «Летопись» написана на смешанном книжном среднеазиатском языке, которому не чужды и элементы уйгуро-карлукской группы языков и восточно-туркестанской письменной традиции. Язык «Летописи» в основном тяготеет к языкам кыпчакской группы, в частности

к разговорной речи казахов. В общетеоретическом аспекте Р. Г. Сыздыкова, вслед за А. Х. Маргуланом, делает единственно правомерный, на наш взгляд, вывод о том, что язык «Летописи» следует определить не иначе, как «староказахский письменный литературный язык» в силу того, что памятник «Жами'ат-тау'арих» К. Жалаири является образцом казахской исторической прозы позднего средневековья. Думается, что исследование Р. Г. Сыздыковой станет определенной вехой в истории изучения старокупчакских и староказахских письменных памятников — особенно по отношению к живым кыпчакским (в частности казахскому) языкам.

А. Курьшжанов

KRITISCHE BEITRÄGE ZUR ALTAISTIK UND TURKOLOGIE: FESTSCHRIFT FÜR JOHANNES BENZING/HRSG. VON L. JOHANSON UND C. SCHÖNIG

WIESBADEN: OTTO HARRASSOWITZ, 1988. 210 s. TURCOLOGICA. BD. 3

Очередной выпуск серийного издания «Turcologica» посвящен 75-летию И. Бенцинга, известного тюрколога и тунгусо-маньчжуроведа. Этот юбилейный том содержит краткую информацию об ученом (с. VII—IX), список его научных трудов по 1986 г. включительно (с. XI—XXII — 144 наименования), перечень учебных материалов и пособий, подготовленных И. Бенцингом для Семинара по культурам Востока при Майнском университете имени И. Гутенберга (с. XXIII—XXV — 59 наименований), а также фототипическое воспроизведение 7 статей и 45 рецензий И. Бенцинга на публикации по алтаистике, тунгусо-маньчжуроведению, тюркологии, охватывающие период с 1939 по 1985 г.

И. Бенцинг родился 13 января 1913 г. в Швеннингене, расположенном на стыке алеманнской и швабской диалектных областей, что, по его собственному признанию, предопределило ранний и устойчивый интерес ученого к «взаимосвязи языка и диалекта, народной культуры и истории края» (с. VIII), к филологии в широком смысле слова. Востоковедение он изучал в Берлине. Среди его преподавателей были Р. Хартман, Г. Г. Шедер, В. Бьёркман («исламская филология»), А. фон Габен (тюркология), Э. Хениш (монголистика). Востоковедческие семинары Г. Йешке и С. Бека привлек-

ли внимание И. Бенцинга к тюркоязычным народам Поволжья и Средней Азии. Первая его публикация — рецензия на книгу Т. Шакира «Хлопководство в Туркменистане» (1935); его диссертационное исследование посвящено глагольной системе туркменского языка (1939), аттестационная работа на должность профессора — чувашскому склонению (1942). Однако в условиях военного времени начинающему востоковеду не нашлось вакансии в университетах Германии, после войны И. Бенцинг перебирается во Францию, где близко знакомится с французскими ориенталистами.

Публикации И. Бенцинга 1935—1944 гг. отражают в основном его интерес к тюркским языкам, представленным в СССР. Среди них рецензия на «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина (1939) и серия исследований по чувашской грамматике, которую завершает «Краткий курс чувашского языка» (1943), а также отдельно изданный немецко-чувашский словарь к нему (1943), отзывы о выпусках башкирских и чувашских песен, собранных Р. Лахом в лагерях для военнопленных периода первой мировой войны (1942, 1943), этнографический обзор Туркестана (1943), статья «Тюркские народы Советского Союза» (1944), этимологические заметки о болгар

ских заимствованиях в турецком (1942) и венгерском (1944) языках. После двухлетнего перерыва (в это время И. Бенцинг работает во Франции) следуют статьи о поэме татарского поэта Г. Тукая «Шурале» (1947), о киргизских пословицах из сферы семейных отношений (1948), рецензия на «Граматику узбекского языка» А. Н. Кононова (1953) и т. п.

В 1953 г. И. Бенцинг избирается членом-корреспондентом Восточной комиссии Академии наук и литературы в Майнце. В 1956—1963 гг. он является консулом ФРГ в Турции, одновременно сотрудничая с университетами Тюбингена, Майнца, Стамбула. В 1963—1981 гг. И. Бенцинг возглавляет кафедру исламской филологии и культуры в университете г. Майнца. В 1966 г. он становится действительным членом Майнской академии.

В 1981 г. И. Бенцинг по достижении пенсионного возраста оставляет государственную службу и возвращается в Швеннинген, продолжая свою научную деятельность. В частности, в 1985 г. он публикует «Калмыцкую грамматику по образцам» (Tungusologica. Bd. 1) и статью «Причастные конструкции двойной зависимости в гольдском (нанайском)».

Представленные в рецензируемом томе материалы сгруппированы по трем рубрикам: алтаистика в целом, тунгусо-маньчжурские языки, тюркские языки. В последней группе публикаций выделяются общетюркологические исследования, работы по древнетюркскому состоянию, описания юго-западных, юго-восточных и северо-восточных тюркских ареалов (в соответствии с классификацией, которой придерживается И. Бенцинг). Составители, Л. Юхансон и К. Шёниг, выражают надежду на переиздание в дальнейшем отдельными выпусками исследований И. Бенцинга по чувашскому языку и публикацию подготовленных им учебных материалов. Указанные выше рубрики в томе формально не выделяются. Условно они обозначены соответствующими статьями И. Бенцинга, за которыми следуют публикации в жанре «рецензий».

Сборник открывает доклад «Прототюркский и древнетюркский» (1954 — на фр. яз.)¹, представленный И. Бенцингом на заседании парижского Центра тюркологических исследований. В нем автор пытается установить разумные ограничения сравнительного метода в тюркологии, осознавая, что если они и дают «более прочную базу» для выводов, то все же «трудности, с которыми мы встречаемся, еще огромны и не позволяют продвигаться

большими шагами, как хотелось бы иным алтаизирующим представителям школы Рамштеда» (с. 2). Ограничения сводятся к поиску критериев, позволяющих ограничивать случаи естественного «нормального» развития в морфологии и лексике от заимствований из родственных и неродственных языков. Сразу же ставится вопрос о необходимости исключить из анализа такие тюркские слова, «которые не позволяют нам реконструировать один и тот же прототип для всех зафиксированных форм» (с. 1—2). И. Бенцинг отказывается рассматривать древнетюркское состояние как непосредственное продолжение прототюркского и подчеркивает большую значимость монгольских и «тунгусских» форм для реконструкции последнего, чем собственно тюркских (с. 7). Следующая далее «беллетризованная» статья «Ничейная земля: Внутренняя и Северная Азия как область филологических исследований» (1953), по сути, развивает ту же мысль о необходимости расширения тюркологии как области «узкой специализации» за счет обширного «сырого материала», накопленного по языкам Центральной Азии, Дальнего Востока, Сибири, и о подключении к этой задаче германской университетской науки, обновления учебных программ.

Вслед за этим «введением» в тему воспроизводится рецензия на книгу Н. Поппе «Сравнительная грамматика алтайских языков» (1961), которую И. Бенцинг рассматривает на фоне первой фонетической части «Введения в алтайское языкознание» Г. Рамштеда, подчеркивая при этом, что, «как и его учитель Рамштед, Н. Поппе убежден, однако, в родстве алтайских языков — я должен здесь говорить, что вместе с некоторыми из „алтаистов“ сам я подобное родство не исключаю, но не считаю его ни очевидным, ни тем более доказанным...» (с. 14). И далее говорится о тех «отклонениях», которые допускает Рамштед в своей «неудержимой страсти этимологизирования» и которые «тяжелым наследием» передался его последователю: «Дальнейшая исследовательская работа автора направлена на расчистку этимологических дебрей его учителя. Если в фонетических законах Рамштеда еще не было речи о различении долгих и кратких гласных, чему, естественно, не может быть ни достаточных, ни доказательных лексических примеров, то Н. Поппе отныне не только для тюркского и тунгусского, но даже для монгольского устанавливает исходные, а не возникшие в результате стяжения долгие гласные» (с. 15). Столь же скептически относится И. Бенцинг к акцентной реконструкции Н. Поппе, еще раз подчеркивая в заключение спорность алтайской гипотезы как таковой.

В кратком отклике на работу К. Менгеса «Морфологические проблемы. 1. О генитиве и аккузативе» (1963), в которой ис-

¹ Здесь и далее в скобках указывается дата первой публикации соответствующей работы И. Бенцинга; при необходимости уточняется, на каком языке она написана (кроме публикации на немецком языке).

следует уровень «индогерманско-урало-алтайского праязыка», Бенцинг проводит ту же мысль о возможности, но недоказуемости устанавливаемых автором языковых параллелей, напоминающая и о проблематичности сравнительного метода в самой индоевропеистике, откуда его заимствовала алтаистика (с. 18). При этом И. Бенцинг ставит под сомнение попытку К. Менгеса споставить звенк. *-wa/-ba/-pa/-wa* и звенк. *w, -u, -m, -bu*, возводимые им (К. Менгесом) к аккузативам на **-ba*.

Пolemика со школой Г. Рамштедта продолжается и в оценке очерка Б. Коллиндера «Имеет ли уральский родственников?» (1968), содержащего «большую массу неточностей и даже ошибок» (с. 21). В частности, «якобы в ламутском языке имеется некая падежная форма датива-элатива на *-ha* (по Рамштедту, $< *ga$). Стоит взглянуть в „Краткий очерк грамматики эвенского (ламутского) языка“ в „Русско-эвенском словаре“ Цинциус и Ршес (М., 1952) или в мою „Ламутскую грамматику“ (Висбаден, 1955), чтобы узнать, что эти $+ga+$, $+ge+$ являются суффиксами аккузатива» (там же).

Из трех следующих далее обзоров ежегодника «Ural-Altische Jahrbücher» (1952, 1954, 1955) два носят более информативный характер, третий насыщен частными замечаниями, направленными против безоглядной веры в лингвистические реконструкции. Ставится под сомнение прежде всего «безупречность словарных сопоставлений» (с. 31): замечание Н. Поппе о 150 «безупречных корейско-маньчжуро-тунгусо-монголо-тюркских соответствиях», якобы установленных Рамштедтом в «Исследованиях по корейской этимологии»; параллели, выявленные в статье М. Рясняна «Урало-алтайские исследования: 1. Урало-алтайская прародина в свете словообразования и археологии», указывающие, по мнению Бенцинга, не столько на древнее родство, сколько на культурные связи между соответствующими народами; «догмы», проявляющиеся в статьях о словообразовании в алтайских, тюркских, финно-угорских языках.

Завершает этот общий раздел обзор материалов 14-й алтаистической конференции 1971 г. «Исследования по алтайским языкам», опубликованных под редакцией А. Лигети в 1975 г. (1978). Бенцинг останавливается лишь на некоторых докладах (всего их 36). Так, например, доклад В. И. Цинциус «О праалтайской системе согласных» вызывает у него сомнения в том, что «все соответствия регулярны»; их регулярность не подтверждается данными «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (с. 36). Крайне скептические замечания вызывают у рецензента фонетические реконструкции Т. А. Бертагаева и С. Н. Муратова, как и «механистические и лишние комментарии» лексические реконструкции Г. Д. Санжеева, а также С. Кенесбаева и Ш. Сарыбаева. Нейтральное отно-

шение к докладам Н. А. Баскакова (с некоторыми поправками системы монгольского и тюркского посессивного местоимения), Н. З. Гаджиевой (не без «колебаний» в оценке перспективности метода), Е. А. Новгородовой. Завершает этот обзор примечательное наблюдение: «Два доклада по монгольским языкам, по тунгусо-маньчжурским — ни одного, однако 15 по проблемам алтаистики. Можно ли надеяться на развитие алтаистики без глубокого изучения монгольских и тунгусских языков?» (с. 41).

Сдержанное отношение к «алтайской гипотезе», которую И. Бенцинг принимает лишь в качестве гипотезы, во многом объясняется критическим подходом исследователя к возможностям сравнительного метода в целом и в меньшей мере его широкой лингвистической эрудицией, теми практическими знаниями, которые в искусственном определении определяются как «знаточество».

Следующий раздел открывает статья «Заметки о тунгусских языках в их связи с другими языками, называемыми „алтайскими“» (1953 — фр. яз.). Отмечая здесь заслуги В. Банга, Ш. де Арлеца, С. М. Широкогорова, Г. Рамштедта, П. Шмита, П. Пельо в развитии алтаистики, Бенцинг подчеркивает: «...кроме работ Широкогорова, основой всех суждений о тунгусских языках были различные описания маньчжурского и книжки Клапрота, Кастрена и Л. Адама по тунгусским диалектам» (с. 42—43). В перечисленных работах уже встречаются почти все черты, которые единодушно признаются в качестве «фундаментальных законов» алтайских языков — гармония гласных, употребление имен с числительными в единственном числе, неизменяемость атрибутивных прилагательных, твердая последовательность определяющего и определяемого в синтаксисе как «основной закон». Однако, как признается И. Бенцинг, сам он предпочитает изучать эту группу языков «по книгам на различных тунгусских языках, публикуемым в Советском Союзе в течение двух десятилетий» (с. 43). В частности, на основании этих источников он пришел к выводу, что «маньчжурский язык — это язык, чья грамматическая структура была целиком разрушена под влиянием китайского и других уже видоизмененных языков, а поэтому естественно, что этот язык, потеряв почти всю свою флексию, должен был прибегнуть к аналитическим приемам с их закрепленными синтаксическими правилами» (там же). Тем самым И. Бенцинг снимает одно из бытовавших допущений, в соответствии с которым «аналитическая» структура маньчжурского языка в алтаистике рассматривалась как исходная. Более того, автор отмечает существенные сдвиги и в древнемонгольском (ссылаясь на «Сокровенное сказание монголов») и в тунгусских диалектах, которые «равным образом, не могут служить образцовой базой для лингвистических сопоставлений» (там же). Это

высказывание подкрепляется ссылками на утрату конечного *-l*, следы которого сохранились в удэгейском и эвенском языках, сравнением показателя порядковых числительных на *-чи* с соответствующим посесивным показателем в маньчжурском, ссылками на поведение именных и глагольных основ в тунгусских языках, на наличие «дублетной флексии» (с. 48), на обилие аспектуальных и модальных глагольных форм, которые могут быть объяснены по аналогии с префигурованными глаголами индоевропейских языков типа русского и немецкого как словообразовательные парадигмы (с. 49; ср. далее: «...эти суффиксы часто смешиваются с аспектом» — с. 50), указаниями на специфику причастных конструкций (с. 49—50) и на особую форму отрицательных конструкций (с. 50). Одно из методологических требований сводится при этом к необходимости учета следов утраченных языковых состояний. Например, соответствующие гетероклитические образования эвенкийского и удэгейского языков позволили И. Бенциггу сопоставить тюркские «аористные» причастия на *-р* (r), *-з* (z), *-ч* (ç), *-д* (d) с тунгусскими на *-ра* (ra), *-ча* (ça), *-да* (da) (с. 51). В конечном счете пересмотр языкового материала может «...перевернуть множество мнений, остающихся еще общепринятыми для алтаистики. Многие проблемы могут быть разрешены таким образом... что придется отказаться от допущения генетической близости. Однако могут возникнуть и другие новые вопросы, которые в случае своего позитивного решения могли бы сформировать убедительные доказательства в пользу алтайского языкового родства» (там же).

Призывом к компетентному исследованию тунгусских языков заканчивается и следующая далее заметка о первом выпуске трудов по истории североазиатских культур «Tungusica», изданных Г. Дёрфером и М. Вайерсом (1980). В том же ключе подана подробная информация о «Материалах по ороцкому языку, нанайскому (гольдскому) и ульскому (нанайскому) языку» И. А. Лопатина (1958).

В статье «Причастные конструкции двойной зависимости в гольдском (нанайском) языке» (1985) И. Бенцигг, опираясь на данные В. А. Аврорина и О. П. Суника, сопоставляет тунгусский материал со сходными реликтовыми образованиями в османском: причастные образования типа *baba-in yaz-diğa-i mektur* (или *yaz-asığ-i*) 'письмо, написанное (которое будет написанным) моим отцом' (с. 64).

В рецензии на книгу Ф. Альберта «Лесные люди удзе» (1960), в которой опубликована часть материалов В. К. Арсеньева, указан ряд устарелых сведений и неточностей, допущенных автором (врачом и образованием). Аналогичные уточнения содержат отзывы об историческом и монголистическом выпусках справочного «Руко-

водства по востоковедению. Т. 5: Алтаистика» (1965, 1968). Далее следуют четыре рецензии на многотомное исследование Г. Дёрфера «Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском» (1966, 1968, 1977, 1978), оцененное как «незаменимое и достоверное» пособие по иранистике и алтаистике (с. 93).

Следующий раздел открывает статья «Конечное *l* в тюркских языках» (1958 — фр. яз.). Основной вывод этой изобилующей примерами работы сводится к допущению кратких конечных гласных в прототюркском, выпавших впоследствии, «...что весьма вероятно после открытия двойственной фонетической значимости *...*у* в кыпчакско-куманской группе» (с. 103).

Далее помещен ряд информативных и насыщенных конкретными замечаниями отзывов: на книги И. Лауде-Циртаутас «Употребление цветových обозначений в тюркских наречиях» (1962) и Г. Текина «Грамматика орхонского тюркского» (1980); на 8-й и 10-й выпуски «Тюркских турфанских текстов», опубликованных А. фон Габен (1956, 1962); на диссертацию Т. Бангуоглу «Староосманский язык Сюхелю Нэвбахара» (1940), в которой исследованы фонетические и морфологические особенности одного из памятников XIV в.; на третье издание «Турецко-немецкого словаря» Хойсера-Шевкета (1954); на исследование Б. Коллиндера «Турецкая фонетика» (1940), к которому примыкает одна из ранних статей И. Бенцигга «Еще раз об ударении в турецком» (1941); рецензии на «Справочную грамматику современного турецкого языка» Л. Свифта (1965) и на «Граматику гагаузского языка» Л. А. Покровской (1973). В разделе приводятся рецензии на работу Н. А. Баскакова «Тюркские языки Средней Азии» (1956), на «Учебник чагатайского языка» Я. Экмана (1972), на «Чагатайский в персидском описании Мирзы Махди Хана» К. Менгеса (1964), а также на откомментированный Р. Девро памятник XV в. «Mir 'Ali Ser Nev'â'i „Muhâ-kemetü l-lugateyn"» (1968), представляющий собой сопоставительное описание персидского и турецкого языков, но опубликованный по французскому изданию Ф. Кабремера без учета константинопольского издания 1899 г. (с. 147). Воспроизведены также заметки о переработанной К. Менгесом второй части «Глоссария к диалектным текстам из Восточного Туркестана» (1964), о «Восточно-английском диалектном словаре» Г. Ярринга (1965), учитывающем советские и китайские источники по уйгурскому языку, но дающем ряд ошибочных фонетических интерпретаций диалектных записей (с. 151—152), а также о «Казахско-английском словаре» Б. Н. Шнитникова (1972).

Среднеазиатский ареал отражен и отзывом на первый выпуск «Очерков по таджикской диалектологии» В. С. Расторгуевой (1954), привлечший внимание И. Бенцигга важностью выявляемых связей меж-

ду ираноязычными и тюркоязычными областями. Отрецензирована также изданная в 1949 г. «Грамматика узбекского языка» А. Н. Кононова (1953), «слабыми сторонами» которой рецензент считает объединение предикативных и причастных форм наряду с историческими экскурсами автора в область слово- и формообразования (с. 166—170).

Благожелательны отзывы на «Татарский учебник: Дескриптивная грамматика и тексты с татарско-английским словарем» Н. Поппе (1966) и его же «Башкирский учебник: Дескриптивная грамматика и тексты с башкирско-английским словарем» (1980).

В завершение тома приводятся рецензии на исследование А. Зайончковского «Арабский учебник языка турок и кыпчаков (эпоха государства Мамелюков)» (1938), на «Куманский словарь» К. Грэнбека (1943) и «Куманский синтаксис» В. Дримбы (1978), на очерки В. А. Розановского «Обычное право кочевых племен Сибири» (1968). Основной недостаток последних — игнорирование новых описаний быта и обычаев сибирских народов.

Напомним, что составители сборника дают фототипическое воспроизведение статей и рецензий И. Бенцинга по их журнальным вариантам, без каких-либо дополнений и комментариев. Однако отбор публикаций и их последовательность позволили Л. Юхансону и К. Шёнигу всесторонне и достаточно полно осветить круг научных интересов ученого, показать его отношение к целому ряду проблем, сохраняющих свою актуальность для тюркологии, тунгусо-маньчжуроведения, алтаистики в целом.

Основной вывод, следующий из знакомств с публикациями И. Бенцинга, — это необходимость расширения лингвистической базы алтаистики и прежде всего — ее дополнения тщательно выверенными данными тунгусо-маньчжурских языков. Наряду с этим, необходим учет конкретной исторической перспективы при реконструкции «прототюркского», «прототунгусо-маньчжурского» или «общепалтайского» состояния, нужна коррекция сравнительного метода в соответствии со спецификой исследуемого языкового материала.

А. Х. Гирфанова

P E R S O N A L I A

КОНСТАНТИН КУЗЬМИЧ ЮДАХИН

(К 100-летию со дня рождения)

Исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося тюрколога, одного из основоположников тюркской советской лексикографии, действительного члена АН Киргизской ССР (1954), члена-корреспондента АН Узбекской ССР (1952), лауреата Государственной премии СССР (1965), заслуженного деятеля науки Киргизской ССР (1940), доктора филологических наук (1949), почетного члена Международной ассоциации алтаистов, профессора Константина Кузьмича Юдахина.

К. К. Юдахин родился 31 мая 1890 г. в г. Орске Оренбургской губернии в семье почтового служащего. К. К. Юдахин был крупнейшим лексикографом и непревзойденным знатоком живых тюркских языков (а их, как известно, более 35!), а также превосходным комментатором языка древнетюркских и средневековых письменных памятников.

Его детские годы прошли в г. Аулие-Ате (ныне г. Джамбул Казахской ССР), куда переехали его родители, и, таким образом, общение с ранних лет с узбекским, казахским, киргизским населением дало возможность практически овладеть языками этих народов, что во многом определило судьбу и научные интересы будущего академика.

В 1906 г., окончив приходское училище, К. К. Юдахин поступает в Ташкентскую учительскую семинарию, где овладевает в совершенстве узбекским и персидским языками, входившими в учебную программу семинарии. По окончании семинарии (1910) и до отъезда на службу в Восточный Туркестан (1915) Константин Кузьмич работает учителем в узбекских селах Манкент и Карабулак бывшего Чимкентского уезда и начинает серьезно собирать материалы по живым узбекским диалектам названного региона, совершенствовать свои познания в узбекских говорах, локализованных там.

Пребывание К. К. Юдахина в Восточном Туркестане в течение полных пяти лет (апрель 1915 — сентябрь 1920 г.) позволило ему не только углубить свои познания еще в одном тюркском языке — уйгурском, но и побудило заняться сопоставлением последнего с узбекским языком и некоторыми его диалектами.

По возвращении из Синьцзяна К. К. Юдахин в 1920 г. поступает в Туркестанский восточный институт (позднее — востфак САГУ) и заканчивает его в 1922 г. по двум разрядам — тюркской и иранской филологии. К моменту завершения учебы в институте он уже, по словам академика АПН СССР В. В. Решетова, — сложившийся ученый-тюрколог, превосходно владевший узбекским, уйгурским, казахским, киргизским языками (см.: Материалы по узбекской диалектологии. Ташкент, 1961. 2. С. 5—13), а его дипломная работа («Некоторые особенности карабулакского говора, 1927: Сборник в честь академика В. В. Бартольда»), по оценке того же автора, «до

сих пор является образцом кропотливого труда ученого по выявлению и описанию диалектных особенностей говора» (Материалы. С. 5).

С 1925 г. до последних дней своей жизни К. К. Юдахин всецело посвящает себя тюркологии: сначала он — научный сотрудник Туркестанского государственного ученого совета, ученый секретарь того же совета (г. Ташкент), ученый секретарь Узбекского Наркомпроса и, наконец, преподаватель восточного факультета САГУ. Затем он продолжает свою научно-педагогическую деятельность уже в Ленинграде, сперва в Ленинградском восточном институте, затем — на восточном факультете ЛГУ, где он преподает узбекский, казахский, киргизский языки, тесно общается с выдающимися востоковедами В. В. Бартольд, тюркологами А. Н. Самойловичем, П. А. Фалеевым, С. Г. Маловым и др. Становлению К. К. Юдахина как ученого немало способствовало общение и учеба у выдающегося тюрколога, члена-корреспондента АН СССР С. Г. Малова, о котором с неизменной теплотой и почтением вспоминал Константин Кузьмич.

В 1932 г. К. К. Юдахин переезжает на работу в Москву, где заведует кафедрой уйгурского языка в Московском институте востоковедения (ученый проработал здесь до 1944 г., в 1941—1943 гг. он был вместе с институтом в эвакуации в г. Фергане). Одновременно он работал в системе АН СССР ученым секретарем, затем старшим научным сотрудником Института востоковедения.

В конце 1944 г. К. К. Юдахин по приглашению правительства Киргизской ССР переезжает во Фрунзе, где становится заведующим сектором киргизского языка ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР (с 1954 — зав. сектором языка и словарей ИЯЛ АН Киргизской ССР). В 1952—1954 гг. он — профессор кафедры узбекского языка Ферганского пединститута, с 1955 г. — старший научный сотрудник сектора словарей и терминологии ИЯЛ АН Киргизской ССР и, наконец, с 1956 г. и до конца своей жизни — профессор кафедры киргизского языка КГУ им. 50-летия СССР.

Скончался Константин Кузьмич Юдахин 22 марта 1975 г.

Именно искреннее желание заниматься живыми тюркскими языками Средней Азии, непосредственно общаться с их носителями, побудило ученого откликнуться на просьбу киргизского правительства о переезде во Фрунзе. Заметим, что ученый оставил работу в престижном московском вузе, которым был Институт востоковедения, многообразные культурные возможности, открывающиеся для исследователя, живущего в столице.

К тому времени (конец 1944 г.) К. К. Юдахин был уже широко известен прежде всего как крупный тюрколог — составитель словарей. Он был автором «Узбекско-

русского словаря» (1927), соавтором и редактором «Уйгурско-русского словаря» (1928), автором известного в то время «Киргизско-русского словаря» (1940), вышедшего в 1945—1948 гг. в переводе на турецкий язык в двух томах под названием «Кыргыз сөзлиги», соавтором и редактором «Русско-киргизского словаря» (1944). В годы работы во Фрунзе К. К. Юдахин продолжает интенсивно заниматься многими проблемами киргизоведения, сбором материалов и исполнением своей картотеки для нового издания «Киргизско-русского словаря», разработкой принципов классификации и описания киргизских диалектов, анализом грамматических проблем и рядом других вопросов.

В это время он уделяет особое внимание подготовке научных кадров. Под его руководством защищают свои кандидатские диссертации лингвисты, затем ставшие ведущими специалистами в области киргизского языкознания (Х. Карасаев, Д. Шукуров, Ю. Яншансин, Г. Бакинова, Б. Орузбаева, Д. Мукамбаев, А. Джапаров и др.). Тогда же К. К. Юдахин публикует статьи в центральных и местных изданиях (в Москве, Ташкенте, Фрунзе), в которых разрабатывает теоретические принципы классификации киргизских диалектов, устанавливает их основные лексико-грамматические признаки («Итоги и задачи изучения киргизских диалектов», «Классификация киргизских диалектов» и др.).

Акад. К. К. Юдахин поистине был тюркологом широчайшего профиля, в равной мере владевшим материалами и другими тюркских языков, в особенности уйгурского и узбекского, служащих, как известно, основой для разработки сложных проблем истории тюркских языков. Отметим, что его труды оказались чрезвычайно важными, фундаментальными для уяснения кардинальных вопросов узбекской и уйгурской диалектологии. Уделяя большое внимание подготовке кадров узбекских и уйгурских лингвистов, ученый всегда живо интересовался состоянием и задачами узбекской диалектологии, как в равной мере и проблемами уйгуроведения («Уйгурско-узбекские языковые связи», «Несколько слов о виадильском говоре узбекского языка» и др.). К. К. Юдахин по праву вместе с Е. Д. Поливановым считается основоположником узбекской диалектологии.

Не остались вне поля зрения ученого и вопросы графики и орфографии, терминологии и лексикографии, проблемы изучения письменной традиции и многие другие аспекты уйгурского и в особенности узбекского языка. Признанием активного участия К. К. Юдахина в разработке теоретических проблем узбекского языкознания явилось избрание его членом-корреспондентом АН Узбекской ССР в 1952 г.

В долготелней научной деятельности К. К. Юдахина особое место, как уже отмечалось, занимает его лексикографическая деятельность, плодом которой явились

«Краткий узбекско-русский словарь» (Ташкент, 1927 — на реформированном арабском алфавите), легший в основу всех последующих узбекско-русских словарей (В. В. Решетов), «Киргизско-русский словарь» (два издания — 1940 и 1965 гг.), а также «Русско-киргизский словарь», тоже выдержавший два издания (1944 и 1957 гг.).

Общеизвестно, что в период культурной революции создание собственной письменности на основе каждого национального языка имело первостепенное значение для развертывания всего комплекса культурно-просветительской работы. К. К. Юдахин активно занимается разработкой киргизской письменности (на основе русской графики) в конце 30-х годов; при активном участии своего ближайшего друга и соратника, известного ныне киргизского ученого Х. К. Карасаева, он приступает еще в 1928 г. к сбору материалов для будущего киргизско-русского словаря — непосредственно в киргизской языковой среде. Словарь, охватывающий 25 тысяч слов, был издан в 1940 г. в Москве с превосходным предисловием автора.

Отличающийся богатством фактического материала, оригинальностью построения и повизной содержания словарь получает высочайшую оценку у специалистов в нашей стране и за рубежом (отзывы А. Зайончковского в Польше, А. Габен в Германии, М. Рясина в Финляндии, Саодата Чагатая в Турции и др.). Отметим, что К. Юдахин был не только автором словаря, но прежде всего — первым собирателем киргизской лексики (И. А. Батманов). Правительству республики, высоко оценив его научные заслуги, присвоило ему почетное звание «Заслуженный деятель науки» (1940). Словарь получает большой резонанс в тюркоязычных республиках, он становится образцом для создания целой серии национально-русских словарей, по его типу начинают создавать справочники. В эти же годы за большие заслуги в области тюркологии ученому по совокупности трудов присваивается ученая степень доктора филологических наук.

Константин Кузьмич, верный своим принципам, продолжает сбор дополнительных материалов для последующих изданий названного словаря. Так накапливается материал, вошедший в «Киргизско-русский словарь» 1965 г. издания, осуществленного издательством «Советская энциклопедия». Этот словарь уже охватывает 60 тыс. слов. Для удовлетворения читательского спроса словарь был вновь переиздан в 1985 г. Главной редакцией КСЭ (в двух книгах).

Этот словарь, таким образом, является результатом непрерывной почти сорокалетней работы автора. Уникальность этого научного труда — не только в исчерпывающем охвате лексического материала; она заключена и в самой подаче материала, и в оригинальности общего замысла. Словарь оценен известными специалистами как круп-

нейшее достижение тюркской лексикографии (Н. А. Баскаков), его называли фундаментальным двуязычным словарем совершенно нового типа (Б. М. Юнусалиев), гордостью не только киргизской филологии, но и всей тюркологической науки (З. Бектенов). К. К. Юдахин, собрав все лексические богатства киргизского языка, извлек оттуда самые драгоценные его зерна, — так оценивает труд автора А. Махмутов (Алма-Ата).

В 1967 г. К. К. Юдахину за этот труд была присуждена Государственная премия СССР. Словарь стал настольным пособием для широкого круга читателей — писателей, переводчиков, ученых и журналистов, студенчества и учащихся, учителей и работников вузов. Он содержит и старую, и новую лексику, пословицы и поговорки, прямой и смысловой перевод отдельных слов и выражений, в нем мы найдем немало примеров и иллюстраций, извлеченных из фольклора и диалектов. Словарь в достаточной мере содержит и профессиональную лексику, а также этимологические справки.

В предисловиях к двум изданиям своего словаря (1940, 1965 гг.) К. К. Юдахин скрупулезно разрабатывает основные теоретические принципы тюркской лексикографии, приемы и схемы построения словарных статей, в дальнейшем послужившие методологической основой для создания многочисленных справочников других типов (русско-киргизского, орфографического, толкового и других отраслевых словарей).

К. К. Юдахин проявлял большой интерес и к другим отраслям киргизской филологии, в частности фольклористике, в том числе и к судьбе эпоса «Манас», акынской поэзии, истории письменности. В научных спорах, нередко перемешавшихся из области собственно науки в плоскость идеологии и вульгарно-социологической политики, К. К. Юдахин неизменно отстаивал истину, не шел на поводу у политической конъюнктуры, в результате чего часто становился жертвой несправедливости. Это в особенности относится к 1950—1960 гг., когда ученый вел отчаянную борьбу за признание творчества Молдо Кылыча, произведений К. Тыныстанова, добивался объективной оценки дореволюционной киргизской письменности.

Широчайшая филологическая подготовка акад. К. К. Юдахина позволила ему активно работать в качестве научного комментатора эпоса «Манас», редактора русского подстрочника, в свое время планировавшегося к изданию Институтом мировой литературы. Опубликованные в печати и сохранившиеся в рукописях в его архиве переписка и материалы свидетельствуют о его стремлении способствовать восстановлению справедливости по отношению к безвинно репрессированным деятелям (К. Тыныстанову, Е. Д. Поливанову), а затем: и С. М. Абрамзону, чья книга подвергалась несправедливым нападкам. К. К. Юдахин

трогательно заботился о своих соратниках и учениках, для него мало что значила национальная принадлежность человека, а все решали его именно человеческие качества. В общении его отличала исключительная мягкость, терпимость и огромный юмор.

Несколько слов хочется сказать и о рукописном наследии К. К. Юдахина и его личной библиотеке, подаренной им при жизни филологическому факультету КГУ; затем она была пополнена научным собранием покойного акад. Б. М. Юнусалиева. Это общедоступное собрание книг по тюркологии требует самого пристального внимания и заботы со стороны КГУ, как и уникальное наследие этих двух круп-

нейших тюркологов, широко известных не только в Союзе, но и за его пределами. Там же хранятся и рукописные их архивы, к сожалению, еще неизученные и даже неупорядоченные, а также картотека знаменитого, много раз нами упомянутого «Киргизско-русского словаря».

Думается, что архивы обоих академиков — К. К. Юдахина и Б. М. Юнусалиева — следует определить на хранение в Рукописный отдел общественных наук АН Киргизской ССР. Именно там могут быть созданы благоприятные условия для их изучения и последующей публикации.

Б. Орузбаева

ШАМШИЯБАНУ ҚАНЫШЕВНА САТПАЕВА

(К 60-летию с дня рождения)

Известному казахскому литературоведу, члену-корреспонденту Академии наук Казахской ССР, доктору филологических наук, профессору, лауреату премии им. Ч. Ч. Валиханова Шамшиябану Канышевне Сатпаевой исполнилось 60 лет.

По окончании в 1950 г. филологического факультета Казахского государственного педагогического института им. Абая Ш. К. Сатпаева продолжила учебу в аспирантуре Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и в 1954 г. успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологиче-

ских наук. В 1954—1965 гг. Ш. К. Сатпаева работала в КазПИ им. Абая на кафедре русской и зарубежной литературы (старшим преподавателем, доцентом), в 1965—1986 гг. — старшим научным сотрудником отдела взаимосвязей литератур Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН Казахской ССР, а с 1986 г. по настоящее время она является заведующей Отделом истории казахской литературы этого же института. В 1979 г. Ш. К. Сатпаева была избрана членом-корреспондентом АН Казахской ССР. Активная научная деятельность юбиляра явилась вкладом в изучение в Казахстане истории национальной литературы, ее закономерностей, связей с литературами народов Запада и Востока.

Результатом многолетних изысканий Ш. К. Сатпаевой стала монография «Казахско-европейские литературные связи XIX и первой половины XX в.» (Алма-Ата, 1972), основные положения которой легли в основу ее докторской диссертации. В монографии автор впервые ввела в научный оборот ранее неизвестные материалы, проливающие свет на связи казахской литературы с литературой западно-европейской. Заметным вкладом в литературоведческую науку явилась монография автора «Казахская литература и Восток» (Алма-Ата, 1982), где впервые были глубоко разработаны проблемы взаимоотношений казахской литературы с классическими литературами восточных народов нашей страны и стран зарубежной Азии.

Высокую оценку научной общественности получили и такие вышедшие на рус-

ском и казахском языках книги и монографии Ш. К. Сатпаевой, как «Литературные связи» (1974), «Грани темы» (1977), «Л. Н. Толстой в Казахстане» (1979), «Казахская литература в восприятии зарубежных читателей» (1981), «Добрая традиция» (1983), «Чокан Валиханов и русская литература» (1987), «Чокан Валиханов — филолог» (1987), «Великий Октябрь и интернациональные связи казахской советской литературы» (1987).

Большое место в творческой деятельности юбиляра занимает научно-педагогическая работа. Ш. К. Сатпаева является одним из авторов стабильных учебников по казахской литературе для русских средних школ и русского отделения филологических факультетов вузов Казахстана. Немало сил отдает ученый и работе по подготовке высококвалифицированных научных кадров. Ее ученики, среди которых 1 доктор и 15 кандидатов наук, работают в разных городах республики.

Ш. К. Сатпаева представляла казахскую филологическую науку на всесоюзных на-

учно-теоретических конференциях на тему: «А. С. Пушкин и литература народов СССР» (Тбилиси, 1974), «Художественные искания современной советской многонациональной литературы» (Алма-Ата, 1977) и «Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур» (Казань, 1989) на 2-й, 3-й и 5-й Всесоюзных тюркологических конференциях (Алма-Ата, 1976; Ташкент, 1980; Фрунзе, 1988).

Высокая филологическая культура, тщательность анализа — характерные черты научных трудов Ш. К. Сатпаевой. Ей присущи большое трудолюбие, личная скромность, требовательность к себе и другим и вместе с тем чуткое и доброжелательное отношение к людям.

Многочисленные коллеги, друзья и ученики Ш. К. Сатпаевой от всего сердца поздравляют ее с юбилеем и желают ей доброго здоровья, счастья и новых творческих успехов на благо советской тюркологической науки.

А. К. Нарымбетов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1990 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	Стр.
СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА		
Ахматов И. Х. (Москва). Выражение субъекта в тюркских языках	6	3—14
Баскаков Н. А. (Москва). Причастие на -asy// -esi в тюркских языках и его происхождение	3	3—6
Благова Г. Ф. (Москва). Лексико-синтаксический параллелизм как средство организации текста «Бабур-наме»	2	3—14
Ганиев Ф. А. (Казань). Конверсия в татарском языке	5	3—8
Маматов М. Ш. (Самарканд). Вторичный предикат в определительных конструкциях с показателем относительной связи	4	10—20
Молчанова О. Т. (Львов). Типология тюркских географических имен	5	9—22
Мусаев М. М. (Баку). Индоевропейская лингвистическая традиция и аспекты изучения сложноподчиненных предложений в тюркских языках	4	21—32
Нурманов А. (Андижан). Пресуппозициональный аспект простого предложения узбекского языка	6	13—16
Пинес В. Я. (Баку). Иконический аспект языковых знаков и грамматические категории тюркского глагола	2	15—25
Покровская Л. А. (Ленинград). Формообразование и его отношение к словообразованию и словоизменению в тюркских языках	1	12—16
Тенишев Э. Р. (Москва). Теоретические основы «Грамматики алтайского языка»	1	3—11
Тумашева Д. Г. (Казань). Модальные формы татарского глагола и межкатегориальные связи	4	3—9
Тыбыкова А. Т. (Горно-Алтайск). Экспрессивные предложения с главным членом в винительном падеже в алтайском языке	2	26—30
ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА.		
Алиева М. А. (Махачкала). Некоторые вопросы кумыкского стихосложения (рифмы)	4	33—40
Баскаков Н. А. (Москва). Мукамы в развитии музыкальной культуры тюркских народов	1	17—25
Бушуй А. М., Журакулов Р. Д. (Самарканд). Фразеология узбекских народных сказок	5	40—48
Велиев К. Н. (Баку). Эпический текст как предмет лингвистической поэтики	5	23—32
Велиев К. Н. (Баку). Сложное синтаксическое целое и его поэтические конституэнты	6	17—29
Джафаров Г. (Баку). Русь и тюркский мир в «Искендер-наме» Низами	4	47—68
Дурбайло М. А. (Кишинев). Гагаузские народные баллады с образом желтой змеи	2	31—47
Мехтиева Н. (Баку). Структурно-семиотическое описание некоторых явлений средневекового азербайджанского искусства	3	15—19
Назиев М. З. (Баку). О некоторых вопросах истории перевода в Азербайджане	1	26—33
Образцов А. В. (Ленинград). Структура «Искендер-наме» Ахмеда	6	30—41
Петров Н. Е. (Якутск). Хороводные песни осуохай как жанр якутского фольклора	3	7—14

	№	Стр.
<i>Сеитова К. М.</i> (Москва). Гуманистические традиции культур Востока и Запада в творчестве Мукагали Макатаева	4	41—46
<i>Сейтжанов З.</i> (Алма-Ата). Казахский реально-исторический эпос	5	33—39
<i>Халипаева Н. А.</i> (Махачкала). Мифологическое предание кумыков «Ока-меневшая Аймеседу»	1	34—40

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Бахтиев Ш. З.</i> (Баку). Буртасы и чувашы	2	61—74
<i>Бушаков В. А.</i> (Аскания-Нова). К этимологии турецкого слова <i>celebi</i>	6	49—51
<i>Дрон И. В.</i> (Жиганск). Арумынские народные географические термины турецкого происхождения	4	75—85
<i>Кузеев Р. Г.</i> (Уфа), <i>Мухамедьяров Ш. Ф.</i> (Москва). Этногенез и этнокультурные связи тюркских народов Пovolжья и Приуралья: проблемы и задачи	2	48—60
<i>Кызласов Л. Р.</i> (Москва). Этнонимы <i>хаас</i> и <i>хасха</i> в хакасском	5	49—51
<i>Мамедов Н. Х.</i> (Баку). Исторические корни азербайджанско-иранских языковых взаимоотношений	1	52—62
<i>Саттаров Г. Ф.</i> (Казань). Финно-угорские этно- и антропотопонимы Татарии	1	41—51
<i>Татаринцев Б. И.</i> (Кызыл). О происхождении слова <i>ötükän</i>	6	42—48
<i>Терентьев В. А.</i> (Москва). Древнейшие тюркские заимствования в языках Европы	4	69—74
<i>Юналееса Р. А.</i> (Казань). Об исследовании ареального функционирования тюркизов	5	52—60

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Дашкевич Я. Р.</i> (Львов). Тюркские источники об Украине XVI—XVIII вв.: актуальные аспекты публикаций	3	20—30
<i>Джанашиа Н.</i> (Тбилиси). Категория обладанности в турецком языке	6	64—70
<i>Джураев А. Б.</i> (Ташкент). Атласирование, лингвогеография и узбекская диалектология	4	100—102
<i>Кузнецов П. И.</i> (Москва). О происхождении тюркских аффиксов <i>-sa(r)</i> , <i>-(š)ar</i> , <i>-lar</i>	4	91—99
<i>Меликофф Ирэн</i> (Франция). Кызылбашская проблема	5	75—91
<i>Татаринцев Б. И.</i> (Кызыл). Происхождение этнонима <i>топа ~ туба ~ тыва</i> и некоторых других сходных с ним наименований	2	75—83
<i>Ураксин З. Г.</i> (Уфа). О состоянии и задачах башкирской филологии и искусствознания	6	71—76

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Базарбаев М.</i> (Алма-Ата). Воскрешение мастера	3	57—68
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Принципы разработки исторической грамматики младописьменных тюркских языков	6	52—57
<i>Гаджихамедов Н. Э.</i> (Махачкала). Сослагательное наклонение глагола в кумыкском языке	6	58—63
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). Н. К. Дмитриев и тюркизмы славянских языков	3	47—56
<i>Исмаилова С.</i> (Елабуга). Школьные учебники — духовная ценность народа	3	81—92
<i>Кузнецов П. И.</i> (Москва). Морфологическая форма: макроформа и микроформа	1	63—69
<i>Мамедов М. Б.</i> (Баку). Нариман Нариманов и родной язык	3	69—80
<i>Мамедова М. Г.</i> (Баку). О создании банка терминологических данных азербайджанского языка	2	84—89
<i>Мирзаев И. К.</i> (Самарканд). Структурно-функциональная характеристика стихового переноса (<i>enjambement</i>) в современной узбекской поэзии	1	70—76
<i>Мусасев К. М.</i> (Москва). О проблематике диссертаций, защищенных по специальности «Тюркские языки» (1986—1988)	3	31—46
<i>Наджиг Э. Н.</i> (Москва). Старотурецкий поэт XIV—XV вв. Ахмед и его поэтический роман «Искендер-наме»	5	61—67

	№	Стр.
Фомкин М. С. (Ленинград). О суфийских мотивах в «Благодатном знании» Юсуфа Баласагуни	5	68—74
Фомкин М. С. (Ленинград). О ленинградском тюркологическом семинаре	4	86—90
Хапаев С. А. (Карачаевск). К основным названиям р. Кубань	2	90—94

НАСЛЕДИЕ

Мухамадова З. Б. (Ашхабад). О послелогe <i>озал</i> в туркменском языке	1	77—78
Сатпаева Ш. К. (Алма-Ата). Возвращение поэта. О жизни и творческом наследии Шакарима Кудайбердиева	1	79—90
Тагирзаде А., Гулиев А. (Баку). Профессор Бекир Вагаб оглы Чобанзаде	6	77—79
Чобанзаде Б. (Баку). Проблема дефинитивности в тюркском языке	6	80—92

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Гузев Ж. М. (Нальчик). Проблемы определения терминов в энциклопедиях и филологических словарях тюркских языков	1	91—94
Данилова Л. В. (Ташкент). Вопросы усовершенствования медицинских словарей Узбекистана	3	93—97
Улаков М. З. (Нальчик). Проблемы совершенствования и унификации книжных терминов современного карачаево-балкарского языка	2	95—97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуазизов А. А. (Ташкент). Н. А. Баскаков. Историко-типологическая фонология тюркских языков	5	95—99
Абилхасимов Б., Ибатов А. (Алма-Ата), Мергенбаев Е. (Нукус). Хуснадин Хамидов. Каракалпакский язык XIX—начала XX в.: по данным письменных памятников	1	95—96
Акбиев С. (Каспийск). Книга о Восточном Ренессансе	1	96—97
Ахматов И. Х., Гузев Ж. М., Улаков М. З. (Нальчик). М. А. Хабичев. Именное словообразование и формообразование в куманских языках	2	98—99
Вейсалов Ф. Е., Исмаилова С. Т. (Баку). Интерференция звуковых систем	3	99—100
Галляутдинов И. (Уфа). И. А. Абдуллин. Описание первых произведений большевистской печати на татарском языке периода революции 1905—1907 годов: Большевистик сугышган сүз: Төзүчесе һәм кереш сүз, искәрмәләр авторы И. А. Абдуллин	1	99—102
Гирфанова А. Х. (Ленинград). Kritische Beiträge zur Altaistik und Turkologie. Festschrift für Johannes Benzing	6	96—100
Джавадов А. М., Мусаев М. М. (Баку). Р. Г. Ахметьянов. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья	4	107—108
Жетписбаева А. (Алма-Ата). Путь через века	5	92—94
Ибатов А., Кудасов С. (Алма-Ата). А. Н. Гаркавец. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский	4	105—107
Кондратьев В. Г. (Ленинград). Talat Tekin. Tuna bulgarları ve dilleri	4	103—105
Курышжанов А. (Алма-Ата). Р. Г. Сыздыксыва. Язык «Жами'ат-таўарих» Жалаири	6	93—96
Лукин Б. В. (Ташкент). Библиографический словарь отечественных тюркологов: дооктябрьский период	5	99—101
Нурматов А. Н., Рахимов М. Д., Хашимов Г. М. (Андижан). О Азизов, А. Сафаев, Х. Джамалханов. Узбек ва рус тилларининг киёсий грамматикасы	1	97—99
Османова З. (Москва). Киргизская литература в контексте мировой классики	2	102—103
Ураксин З. Г. (Уфа), Ахметжанова Ф. Р. (Алма-Ата). Х. Қ. Қожахметова, Р. Е. Жайсақова, Ш. О. Қожахметова. Қазақша-орысша фразеологиялық сөздік	2	104
Чеботарь П. (Кишинев). Современная гагаузская топонимия и антропонимия	3	98—99
Чеченов А. А. (Москва), Кулиев А. А. (Нахичевань). Д. М. Насилов. Проблемы тюркской аспектологии: акциональность	2	99—101

№ Стр.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Кормушин И. В., Напольнова Е. М., Камечева О. Н.</i> (Москва). XV пленум Советского комитета тюркологов	1	103—106
<i>Мусаев К. М., Чеченов А. А.</i> (Москва). Отчет о работе Советского комитета тюркологов за 1988 год	1	107—109
<i>Нигматов Х. Г., Нафисов Т. Н.</i> (Бухара). II Республиканская научно-практическая конференция «Ономастика Узбекистана»	3	101—103
Резолюция XV пленума Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка АН СССР	1	106
Рекомендации II Республиканской научно-практической конференции «Ономастика Узбекистана»	3	103—104
<i>Селютина И. Я.</i> (Новосибирск). Исследования звуковых систем языков аборигенов Сибири и сопредельных регионов	2	105—108
<i>Фомкин М. С.</i> (Ленинград). Кононовские чтения	3	104—105

PERSONALIA

<i>Ахундов А. А.</i> (Баку). Мухтар Гусейн оглы Гусейнзаде	5	104
<i>Бердибаев Р.</i> (Алма-Ата). Ауелбек Конратбаевич Конратбаев	5	105—106
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). Герхард Дёрфер	4	109—110
<i>Нарымбетов А. К.</i> (Алма-Ата). Шамшиябану Канышева Сагпаева	6	104—105
<i>Насыров Д. С., Доспанов У. Д.</i> (Нукус). Марат Коптлеуич Нурмухамедов	3	108—109
<i>Омуралиева С., Усубалиев Б.</i> (Фрунзе). Токтосун Керимбаевич Ахматов	1	110
<i>Орузбаева Б.</i> (Фрунзе). Константин Кузьмич Юдахин	5	101—104
<i>Поцелуевский Е. А., Тенишев Э. Р.</i> (Москва). Николай Александрович Баскаков	3	106—108
<i>Сергеев Л. П.</i> (Чебоксары). Мефодий Федорович Чернов	5	106—108
<i>Улаков М. Э.</i> (Нальчик). Магомет Ахияевич Хабичев	5	108—109
<i>Хаков Б. Х., Мухамадиев М. Г.</i> (Казань). Фуат Ашрафович Ганиев	5	102—103
<i>Шукуров Ш., Меметов А.</i> (Ташкент). Суюн Караевич Караев	2	109—110

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- И. Х. Ахматов* (Нальчик). Выражение субъекта в тюркских языках 3
А. Нурманов (Андижан). Пресуппозициональный аспект простого предложения узбекского языка 13

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА.

- К. Н. Велиев* (Баку). Сложное синтаксическое целое и его поэтические конституэнты в эпическом тексте 17
А. В. Образцов (Ленинград). Структура «Искендер-наме» Ахмеди 30

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Б. И. Татаринцев* (Кызыл). О происхождении слова *ötükän* 42
В. А. Бушаков (Аскания-Нова). К этимологии турецкого слова *celebi* 49

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Н. А. Баскаков* (Москва). Принципы разработки исторической грамматики младописьменных тюркских языков 52
Н. Э. Гаджихмедов (Махачкала). Сослагательное наклонение глагола в кумыкском языке 58

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Н. Н. Джанашиа* (Тбилиси). Категория обладанности в турецком языке 64
Э. Г. Ураксин (Уфа). О состоянии и задачах башкирской филологии и искусствоведения 71

НАСЛЕДИЕ

- А. Тагирзаде, А. Гулиев* (Баку). Профессор Бекир Вагаб оглы Чобанзаде 77
Б. Чобанзаде (Баку). Проблема дефинитивности в тюркском языке 80

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- А. Курмышжанов* (Алма-Ата). Р. Г. Сыздыкова. Язык «Жами'ат-таўәрих» Жалаири 93
А. Х. Гирфанова (Ленинград). Kritische Beiträge zur Altaistik und Turkologie: Festschrift für Johannes Benzing 96

PERSONALIA

Б. Орузбаева (Фрунзе). Константин Кузьмич Юдахин	101
А. К. Нарымбетов (Алма-Ата). Шамшиябану Канышевна Сатпаева	104
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1990 году (№№ 1—6)	106

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

I. Kh. Akhmatov (Nalchik). Subject expression in the turkic languages	3
A. Nurmanov (Andijan). Presuppositional aspect of simple sentence in the Uzbek language	13

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE

K. N. Veliyev (Baku). The complex syntactic whole and its poetic constituents in epic text	17
A. V. Obratsov (Leningrad). On the structure of «Iskendername» by Akhmedi	30

ETHNOLINGUISTIC RELATIONS

B. I. Tatarintsev (Kyzyl). On the origin of the word ötükan	42
V. A. Bushakov (Askaniya-Nova). On the etymology of the Turkish word çelebi	49

MATERIALS AND REPORTS

N. A. Baskakov (Moscow). The principles of elaboration of the historical grammar of the young written turkic languages	52
N. E. Gajikhmedov (Makhach-Kala). Subjunctive mood of verb in the kumyk language	58

DISCUSSIONS

N. N. Janashia (Tbilisi). The category of possession in the Turkish language	64
Z. G. Uraksin (Ufa). On the state and tasks of the bashkir philology and art-criticism	71

LEGACY

A. Tagirzade, A. Guliyev (Baku). Professor Bekir Vagab oğly Chobanzade	77
B. Chobanzade (Baku). The problem of definitivity in the turkic language	80

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

A. Kurishjanov (Alma-Ata). Р. Г. Сыздыкова. Язык «Жами'ат-таўа рих» Жалаири	93
---	----

- A. Kh. Girfanova* (Leningrad). Kritische Beiträge zur Altaistik und Turkologie: Festschrift für Johannes Benzing 96

PERSONALIA

- B. Oruzbayeva* (Frunze). Konstantin Kuzmich Yudakhin 101
A. K. Narimbetov (Alma-Ata). *Shamshiyabanu Kanishevna Satpayeva* 104
 References of the articles published in «Soviet Turkology» in 1990 (№№ 1—6) 106

© «Советская тюркология», 1990 г.

Технический редактор *Б. М. Абдуллаев*

Корректор *С. Дж. Эфендиева*

Сдано в набор 21.9.90 г. Подписано к печати 4.9. 91 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
 Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,5. Уч. изд. л. 9. Заказ 8263. Тираж 2360. Цена 1 руб. 10 к.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Азизбекова, 31. Академгородок.
 Типография издательства «Азербайджан», Метбуат проспекти, 529 квартал.